
Потанин Г.
БК
15
П64
О караванной торговле
М 1868

О

КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛѢ

съ

ДЖУНГАРСКОЙ БУХАРІЕЙ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

СОЧИНЕНІЕ

Г. Н. Потанина.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи (Катковъ и К°.),
на Страстномъ бульварѣ.
1868.

КНИГИ:

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ 1868 г. кн. 2-я.

летия — должен будет поэтому про-
дить под знаком дальнейшей, еще
кее упорной борьбы за окончательное
репление топливной базы нашей
аны.

Всего, по предварительным данным,
932 г. добыто и заготовлено 100 млн.
н условного топлива, или 75,5 проц.
на. Угля в натуре добыто 64,4 млн.
н, нефти с газом — 22,4 млн. тонн,
ра — 13,8 млн. тонн, сланцев —
тыс. тонн и дров заготовлено 117,5
кубометров.

азвитие народного хозяйства предъ-
ет к топливной промышленности
адные требования. В 1933 году
ебность в топливе достигнет 119,5
тонн условного топлива. Для по-
ия этого расхода и минимального
пления запасов необходимо добыть
видов топлива не менее 123 млн.
(в условных единицах).

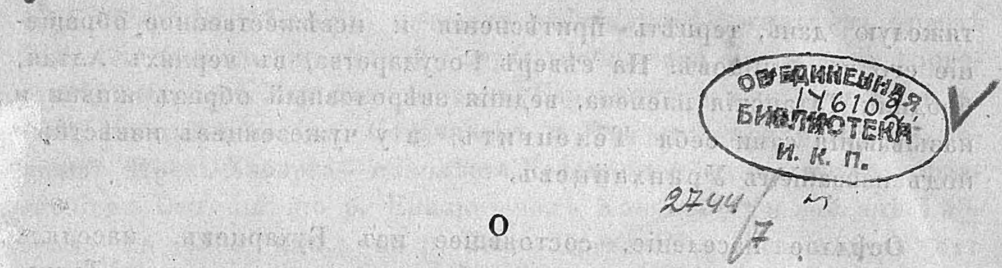
кие же задачи стоят перед отдель-
отраслями топливной промышлен-
в 1933 г. и как эти задачи мо-
ыть выполнены?

Москвуголь	2,7	4,2
Кузбасс	7,3	10,5
Востсибуголь	2,1	3,2
Дальуголь	1,9	3,0
Караганда	0,7	1,7
Средазуголь	0,7	1,2
Арктикуголь	0,05	0,3
Ткварчелы	—	0,1
Боровичи	0,005	0,03

Резко повышается таким об
удельный вес восточных районов.
ступают на арену совершенно н
угольные базы далекого Севера —
чора и Шпицберген, а также новы
зы в других районах СССР — Бор
ский бассейн, ткварчельский уголь
кавказья, сахалинский уголь.

В результате долгой и упорной
бы география угледобычи складыва
с народнохозяйственной точки зр
все более и более рационально.
угольных месторождений приходи
смену дальнепривозному донец
углю.

Осуществление программы угле
чи 1933 г. — задача чрезвы

О КАРАВАННОЙ ТОРГОВЛѢ

СЪ ДЖУНГАРСКОЙ БУХАРІЕЙ ВЪ XVIII СТОЛѢТІИ.

Малая Бухарія. [1]

Къ югу отъ Русской пограничной линіи въ половинѣ прошлаго столѣтія кочевали Киргизы и Калмыки; Киргизы кочевали на западѣ, а Калмыки на востокѣ; послѣдніе составляли господствующее племя въ не существующемъ теперь Ханствѣ, носящемъ у насъ названіе Джунгаріи. Ханство это въ особенности сдѣлалось могущественно и обширно въ половинѣ прошлаго столѣтія. Замѣчательно, что границы его были слишкомъ растянуты съ сѣвера на югъ: оно простиралось отъ Тибета до Алтая, и даже сѣвернѣе, до Барабы (только въ 1752 г. удалось Русскимъ прекратить сборъ дани въ пользу Джунгарскаго Хана съ Барабинскихъ Татаръ, производившійся сборщиками, пріѣзжавшими съ этой цѣлью ежегодно изъ Джунгаріи); съ запада же на востокъ Ханство простиралось отъ Ташкента до р. Джулдусъ. Господствующее племя, Калмыки, кочевали въ высокихъ хребтахъ этой страны и занимались скотоводствомъ; самъ Ханъ кочевалъ лѣтомъ, но зимой велъ удобную жизнь въ городѣ, нарочно устроенномъ. На югѣ Государства обитали осѣдлые Бухарцы, хвалившіеся древностью своего образованія и принужденные платить Джунгарскому Хану

---

[1] Эта статья написана на основаніи извѣстій, извлеченныхъ изъ Архива Областнаго Правленія Сибирскихъ Киргизовъ въ Омскѣ.

тяжелую дань, терпѣть притѣсненія и невѣжественное обращеніе его чиновниковъ. На сѣверѣ Государства, въ черняхъ Алтая, бродили Татарскія племена, ведшія звѣроловный образъ жизни и называвшія сами себя Теленгитъ, а у чужеземцевъ извѣстныя подъ названіемъ Уранхайцевъ.

Осѣдлое населеніе, состоявшее изъ Бухарцевъ, населяло только ту часть Государства, которая лежала къ югу отъ Тьянь-Шаня; вся же страна къ сѣверу отъ Тьянь-Шаня была занята кочевыми Калмыками; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были основаны болѣе могущественными удѣльными Князьями осѣдлыя поселенія для зимовокъ, и заведено при нихъ хлѣбопашество, которое производилось руками пашенныхъ Бухарцевъ. Съ этой сѣверной части были слѣдующія поселенія: Колзу-Хаинякъ-Бакъ, на рѣкѣ Илѣ, который былъ обнесенъ глиняной стѣной въ вышину человѣка, сидящаго на лошади; внутри этого города находились сады Хана Галданъ-Церена и глиняные дворы, въ которыхъ жили пашенные Бухарцы, а зимою и сами Ханы; лѣтомъ же послѣдніе кочевали на Альпійскихъ поляхъ, при подошвѣ Ханъ-Тенгри, по рѣкамъ Албанъ-Шиберу и Текесу. При сѣверной подошвѣ хребта Иренъ-Хабирганъ былъ другой подобный городокъ Нойона Септеня, состоявшій также изъ глиняныхъ дворовъ; пашенные Бухарцы сѣяли сдѣсь Сарачинское пшено. Третье поселеніе было на р. Емилѣ, принадлежавшее Нойону Даваци, и иногда въ Русскихъ бумагахъ упоминаемое подъ названіемъ Турфановыхъ пашень. Наконецъ четвертое на р. Кара-Бугѣ, у сѣверной подошвы Тарбагатая. Видѣнныя же Байковымъ въ XVII ст. на р. Беске и на Иртышѣ находились въ это время уже въ развалинахъ. Вѣроятно, подобныя осѣдлыя жилища находились и въ Алматахъ, и на Таласѣ.

Калмыцкія кочевья простирались отъ озера Норъ-Цзайсана до рѣкъ Джулдуса и Таласа. Лѣто Калмыки проводили на высокихъ хребтахъ, на зиму же—спускались къ ихъ подошвѣ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, въ черномъ хребтѣ Тарбагатаѣ, по сѣвернымъ его скатамъ, и по прилегающей равнинѣ Цзайсана до вершинъ Иртыша, кочевало поколѣніе Дурбетъ и Обитъ, подъ управленіемъ Нойоновъ Даваци и Амурсана; на рѣкѣ Кабарги-Ба-

заръ (Кара-Буга-Базаръ) кочевалъ отокъ Эки-Манганъ; въ хребтѣ Зайръ (вѣроятно, нынѣшній Сауры) небольшая часть рода Торгоутовъ; на озерѣ Улункоръ—отокъ Бардамотъ; на р. Бороталѣ до 1000 кибитокъ отока Коточинеръ и Галзытъ; при сѣверной подошвѣ Ирень-Хабарга—поколѣнія Хадамы и Абагасы, подъ управленіемъ Септеня; по р. Емилю—родъ Хошотъ, при Зайсанѣ Габзунѣ, въ 3500 киб.; на р. Бошъ-Цаганъ-Усу (къ сѣверу отъ Лепсы)—отокъ Долотъ; между р. Шарга и Цаганъ-Усу (Сарканъ и Аксу)—отокъ Хонтъ; по Караталу и Кокъ-Усуну (Кокъ-су) кочевали Калмыки вѣдомства Нойона Саинъ-Белека, рода Торгоутъ, въ 4000 кибитокъ; при р. Талки—10,000 киб. рода Хонтъ, вѣдомства Нойона Энгеде; по р. Церимъ-Царъ—отокъ Цаганъ; въ долинѣ р. Целикъ (Чиликъ)—отокъ Харачинъ, въ 5,000 киб.; въ урочищѣ Шара-Белъ (можетъ быть, при подошвѣ Кунгы Алапау, гдѣ нынѣ Алматы) 3700 киб. отока Долотъ; въ долинѣ рѣкъ Цои и Таласа—Торгоуты и Мингаты, подъ управленіемъ Нойона-Шереня, въ 1700 киб.; въ долинѣ р. Джулдусъ—поколѣнія Махусы и Шарусы.

Населеніе этого Государства, относительно степени образованія, представляло крайнее разнообразіе. Въ то время, какъ Алтайскіе инородцы ѣли сырое мясо и питались кореньями волчьяго зуба и піона, жители южныхъ городовъ, Бухарцы, наслаждались плодами своей древней образованости, изучали поэтовъ, и занимались садоводствомъ, тканьемъ хлопчато-бумажныхъ тканей и торговлей; караваны ихъ, какъ корабли средневѣковыхъ Итальянскихъ Республикъ, достигали самыхъ отдаленныхъ мѣстъ Азіи; Бухарскаго купца можно было встрѣтить въ Астрахани, Тобольскѣ, Кяхтѣ и Архангельскѣ.

У Бухарцевъ въ Джунгаріи, т. е., къ востоку отъ Болора, считалось 12 крупныхъ городовъ; всѣ они лежали къ югу отъ Тьянь-Шаня; самый извѣстный изъ нихъ былъ Яркендъ съ 8000 жителей; впрочемъ, въ Дневникѣ Подзорова 1747 г. самымъ многолюднымъ показанъ Турфанъ съ 20,000 жителей. Яркендъ славился лучшими хлопчато-бумажными тканями, которыя по тому и были извѣстны въ Сибири подъ названіемъ Иркетчины.

Къ западу, по другую сторону Болорскихъ горъ, также процвѣтали Бухарскіе города, но уже не такъ, какъ восточные; Палласъ въ Семипалатинскѣ замѣтилъ, что западные Бухарцы гораздо грубѣе и упрямѣе, нежели вѣжливые Бухарцы изъ восточной Бухаріи; ткани въ западной Бухаріи также выдѣлывались хуже, чѣмъ въ восточной.

Государственная жизнь Бухарской гражданственности была отмѣчена несчастіями. Возникнувъ на небольшомъ оазисѣ, посреди степей, способныхъ единственно къ скотоводческимъ занятіямъ, Бухарскій образованный міръ былъ окруженъ многочисленными дикарями, которые часто дѣлались завоевателями обширныхъ странъ. Въ раннюю пору своей исторической жизни Бухарцы потеряли свою независимость; съ той поры исторія ихъ представляетъ только рядъ неудачныхъ попытокъ свергнуть иностранное иго, рядъ вѣроисповѣдныхъ войнъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Газатовъ. Исторія этѣхъ войнъ коротко, но живо, изложена въ исторической запискѣ Чокана Валиханова, помѣщенной въ III книжкѣ «Записокъ Императорскаго Географическаго Общества» за 1861 годъ. Не повторяя этой исторіи, мы сдѣсь сообщимъ нѣкоторыя добавленія къ ней, которыя нами извлечены изъ Областнаго Архива.

Въ 1678 г. Джунгары завоевали Малую Бухарію, вмѣшавшись въ ихъ вѣроисповѣдныя распри и оказывая помощь главѣ партіи Бѣлогорцевъ, Аппакъ-Ходжѣ. Изгнавъ Черногорцевъ въ Кашміръ, Аппакъ-Ходжа соединилъ въ себѣ духовную и свѣтскую власть надъ Малой Бухаріей, обязавшись платить Джунгарскому Хану 400,000 тяньга. Послѣ того завоеванія Калмыковъ на западѣ продолжались до половины прошлаго столѣтія; въ показаніяхъ плѣнныхъ, выбѣжавшихъ на Иртышскую Линію, сохранились извѣстія о слѣдующихъ нашествіяхъ Калмыковъ: Около 1732 г. они напали на Китмянъ Дубя, въ вершинахъ Сыръ-Дарьи, гдѣ владѣльцемъ былъ Мингли-Байби; [2] около 1734 г. былъ завоеванъ Ташкентъ, находившійся во владѣніи Якубъ-Яу-

---

Показаніе Азіятца Ульдкина, вышедшаго 8 Авг., 1757 г.

Басаръ-Хана. [3] Около 1736 или 1738 г. Калмыки, Буруты и Алтайскіе Уранхайцы ходили войной, подъ предводительствомъ Нойона Еренцена въ Моллорскую землю (Боллоръ?). [4]

Въ 1744 г. была у Калмыковъ война съ сосѣдями своими, Бурутами. [5]

Въ 1748 г. Калмыки напали на улусъ Пуланичъ, на р. Регистанъ, владѣнія старшины Жегангера. [6]

Въ 1745 и 1746 г. Джунгары вели постоянную войну съ какимъ-то владѣльцемъ западнаго Туркестана, Абды-Карымомъ.

Въ западномъ Туркестанѣ или Большой Бухаріи Джунгарамъ были подвластны города Ташкентъ, Туркустантъ и Инакъ. Этѣми городами управляли или лица, присылаемыя изъ Урги, иногда даже Калмыцкаго происхожденія, или управленіе ими ввѣрялось тѣмъ членамъ прежней владѣльческой фамиліи, которые соглашались на Джунгарскія условія. Такъ, при Галданъ-Церенѣ Ташкентомъ управлялъ Бармасъ-Бекъ; въ 1747 г. были посланы управителями Калмыкъ Батырь-Делгиръ и Бухарецъ Маме Юсупъ Бекъ, а въ 1752 г. Ташкентомъ управлялъ, на правахъ подручника Киргизъ Большой Орды, Тюля-Бій. Туркустантъ былъ отданъ Джунгарскимъ Ханомъ Ша-Сентъ-Султану, племяннику Хана Средней Орды, Абулъ-Маметь-Хана, хотя послѣдній считалъ себя законнымъ владѣльцемъ этого города. Онъ и ѣздилъ въ Туркустантъ для полученія своего удѣла, но Ша-Сентъ-Султанъ не допустилъ его; по тому Абулъ-Маметь-Ханъ обращался съ просьбой къ Галданъ-Церену о введеніи его въ управленіе наслѣдіемъ, но Галданъ-Церенъ пригласилъ его прежде побывать въ Ургѣ, чтобъ убѣдиться, достоинъ ли онъ того; въ 1745 г. Абулъ-Маметъ-Ханъ

[3] Показаніе Бухаретина Реченъ-Охчи, 9 Сент., 1757 г.

[4] Показаніе Алтайскаго Зайсана Бурута и плѣннаго Ашра.

[5] Показаніе плѣнной женщины Даулатъ.

[6] Показаніе Бухарца, 17 Іюля, 1758 г.

собиралъ въ улусахъ Средней Киргизской Орды народный совѣтъ изъ старшинъ, чтобъ рѣшить, ѣхать ли ему въ Ургу, и подъ чьей властью выгоднѣе быть Киргизскому народу, Джунгарскаго владѣтеля, или Абды-Карыма, или Россіи. Чѣмъ кончился совѣтъ, осталось не извѣстнымъ, только въ 1747 г. Туркустантомъ управлялъ какой-то Цейсъ, а не Абулъ-Маметь-Ханъ; позже соперникомъ Абулъ-Мамета является племянникъ его, Ишимъ-Султанъ, и только послѣ завоеванія Джунгаріи Китайцами, Абулъ-Мамету удалось утвердиться въ Туркустантѣ, уступивъ часть этого города и нѣсколько второстепенныхъ городковъ Ишимъ-Салтану. Городъ Инакъ находился прежде во владѣніи Турсунъ-Хана, сынъ котораго, Баракъ-Султанъ, кочевалъ въ Киргизской степи и имѣлъ такое же значеніе, какъ Аблай, Галданъ-Церенъ предлагалъ Баракъ-Салтану нѣсколько Сартскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Инакъ, съ условіемъ признать надъ собой подданство Джунгаріи, и Баракъ согласился, но Абды-Карымъ помѣшалъ исполнить этотъ договоръ. Одно Архивное извѣстіе называетъ также подручникомъ Галданъ-Церена Шахъ-Хана, владѣльца городовъ Анжана и Намгана.

Вѣра, племенное происхожденіе и степень образованности разъединяли Бухарцевъ съ Калмыцкимъ народомъ, и оба народа относились другъ къ другу постоянно недружелюбно: Бухарцы жаловались, что будьто Калмыки насильствуютъ Бухарскихъ женъ и дѣтейи многія обиды дѣлаютъ; [7] на оборотъ, Калмыки обвиняли Бухарцевъ въ мошенничествѣ и своеволіи. Джунгарскій Посланникъ въ Россіи, Аюша (въ 1751 г.), говорилъ Русскому Офицеру: «Бухарцы плуты и своевольны; чрезъ нихъ все худо есть въ нашу землицу. Какъ я нынѣ слышалъ, много плѣнныхъ, вышедшихъ изъ Казачьей Орды, посылаются, а они ихъ, не объявляя, у себя въ холопяхъ оставляютъ. По возвращеніи въ Джунгарію объявляю о нихъ своему владѣльцу.» При такой взаимной непріязни, всякое ослабленіе Джургарской власти давало Бухарцамъ поводъ къ возстанію и надежду на утвержденіе независимости. Въ Архивѣ Областнаго

---

[7] Показаніе Бухарца Адама, которое ниже мы помѣстимъ цѣликомъ.

Правленія сохранились извѣстія о возстаніяхъ Ахмета, сына Аппакъ-Ходжи, въ 1748 г., Юсуфа, въ 1754 г. и братьевъ Бурханъ-Эддинъ-Ходжи и Ханъ-Ходжи, въ 1758 г., а также о газатѣ 1763 г., предпринятомъ Мусульманскими Владѣтелями Западнаго Туркестана подъ главенствомъ Авганскаго Хана, Ахметъ-Шаха.

Извѣстіе о возстаніи Ахмета, сына Аппакъ-Ходжи, сохранилось, въ замѣчательномъ показаніи Бухарца Адама Хозекильдина, вышедшаго въ Октябрѣ 1749 г. въ Колывано-Воскресенскій заводъ, по его разсказамъ, въ качествѣ довѣреннаго отъ всѣхъ городовъ Малой Бухаріи, съ предложеніемъ принятія ихъ въ Русское подданство. Этотъ занимательный документъ мы помѣщаемъ вполнѣ:

«1. Зовутъ его Адамомъ Хози-Кельды, урожденіемъ бывалъ города Томска, ибо отецъ его живалъ въ Тобольску, а потомъ переѣхалъ въ тотъ городъ Томскъ; нѣсколько поживъ съ нимъ, Адамомъ, и матерью его, по старымъ книгамъ назадъ тому лѣтъ съ 20, отданъ во владѣніе Зенгорское, въ коемъ и понынѣ обрѣтался и жительство имѣлъ въ Ургѣ, въ слободѣ Мольло-Мамеде, отъ Владѣльцева кочевья, на примѣръ, верстъ съ 150, и кочевалъ при прочихъ Бухарцахъ вмѣстѣ съ Калмыками, и они, Бухарцы, становятся особыми кочевьями, коихъ, Бухарцевъ, при Ургѣ кочуетъ 1100 кибитокъ. А владѣльца ихъ зовутъ Анжанъ-Ханъ, [8] коему отъ роду 16 лѣтъ; владѣетъ тою землею послѣ отца, своего Галданъ-Церена. Нынѣ оный ихъ Владѣлецъ кочуетъ на Илѣ рѣкѣ, на мѣстечкѣ Махачи-Карачу, которое мѣстечко отъ Канъ-Карагаю, [9] отъ Зайсана Онбы, ѣзды одинъ мѣсяцъ, а отъ Ханъ-Карагаю же до здѣшней Чакырской крѣпости на легкой лошади можно однимъ днемъ переѣхать. При немъ, Владѣльцѣ, нынѣ находится военныхъ людей 27,000, который войну имѣетъ съ Бурутскими Калмыками, у коихъ, Бурутовъ, Водитель или Владѣлецъ, называемый Ахметъ, и оный, назадъ тому года

---

[8] Имя Хана Цебенъ-Доржи-Намжи, принятое имъ по вступленіи на Ханство послѣ отца, Галданъ-Церена.

[9] Рѣка Канъ, впадающая въ Чарышъ.

два, приходилъ Зенгорскаго владѣнія въ Большую Бухарію и городъ Кашгаръ, разорилъ 1000 дымовъ и людей въ полонъ побралъ, а Бурутовъ къ тому Кашкару подходило 10,000, и послѣ того разоренія въ то жь время, для отмщенія, на оныхъ Бурутовъ посылалъ войска съ Зайсаномъ Доржи 10,000, изъ котораго числа Бурутами побито 7,000, а возвратилось только 3,000, и послѣ того, сего года весною, въ Маѣ мѣсяцѣ, помянутый ихъ Владѣлецъ отъ рѣчки Хужигыра (въ которомъ мѣстѣ онъ кочевье имѣлъ, гдѣ имѣются его сады), въ другой разъ посылалъ брата своего, называемаго Лама-Доржи, и изъ тѣхъ военныхъ людей, бывшихъ съ нимъ, убили 10,000, и въ томъ походѣ были они времени съ три мѣсяца, а оттуда возвратилось только съ 20,000, назадъ тому съ три же мѣсяца, до которыхъ Бурутовъ изъ Урги прямымъ путемъ ходу будетъ съ одинъ мѣсяцъ.

2. Онъ, Адамъ, посланъ изъ Урги назадъ тому съ три мѣсяца отъ доброжелателей къ Россійской Имперіи, Бухарскихъ двѣнадцати Бековъ, изъ городовъ, Еркени, Кашкара, Нотона, Аксу и изъ прочихъ всѣхъ городовъ съ 6 человѣки Бухарцами жь, коихъ зовутъ: его, Адамомъ, а прочихъ Діясъ, Мамеде, Курбанъ, Кеперъ-Медъ, Ніазмедъ, и отъ тѣхъ Бековъ, также нынѣшняго Зенгорскаго Владѣльца отъ сестры родной, дочери Галданъ Церена, называемой Олонъ-Баиръ (которая отъ онаго брата своего послана въ заточеніе и содержится въ Бухарскомъ городѣ Акутѣ (по другимъ показаніямъ въ Аксу) въ тюрьмѣ, дано имъ было письмо за руками всѣхъ Бековъ, съ приложеніемъ 12 ихъ печатей, да въ презентъ Ея Императорскому Величеству 6 камней, одинъ золотой, Персидской работы, кафтанъ, да двумъ Генераламъ 6 камней, а къ кому именно, того онъ не знаетъ. А помянутое письмо писано по Русски въ Ургѣ, и о томъ между Беками былъ совѣтъ по 3 дни, и утвердили присягою, чтобъ то было тайно; а писали тѣ письма и въ совѣтѣ были находящіеся тамо Русскіе люди купцы, одинъ Казанецъ Иванъ, Герасимовъ, другой Тобольскій, Алексѣй, а чей сынъ и прозванія не знаетъ. Ѣхала они черезъ Ханъ-Карагай, по тому что лѣтомъ на Ямышевъ, за жарами, не ходятъ; черезъ 13 дней достигли они до Ноена Дебачи, кочевавшаго на р. Имелѣ; Ноенъ пропустилъ одного Адама, а прочихъ, обобравъ скарбъ, отправилъ на легкѣ въ Ургу, будто

было повелѣніе отъ Владѣльца Бухарцевъ изъ дальнихъ городовъ не пропускать въ Россію, а изъ нихъ одинъ Адамъ былъ изъ «ближней Урги.» Отъ Дебачи Адамъ пришелъ къ Зайсану Онбѣ и жилъ 15 дней, пока сынъ Онбы, Самуръ, собирался въ Чакырскую крѣпость для собиранія долга. Самуръ усмотрѣлъ у него во вьюкахъ золотой кафтанъ, и взялъ его себѣ, обѣщая купить; кромѣ того велѣлъ показать серебра 5 фунтовъ и 60 червонныхъ, лежавшихъ вмѣстѣ съ каменьями; при развязываніи кошелька камни выпали изъ него и были перехвачены Самуромъ. Адамъ не смѣлъ сопротивляться. По прибытіи въ Чакырскую крѣпость, Адамъ старался улучить время, чтобъ передать письма Русскому Офицеру Нестерову, и однажды показывалъ ему кошелекъ за 12 печатями Бековъ, но передать не могъ, по тому что Самуръ слѣдилъ за его поступками. Въ одну ночь чемоданъ у Адама разрѣзали и вынули кошелекъ съ 12 печатями, съ каменьями и съ письмами.

3. А посланъ онъ, Адамъ, отъ помянутыхъ Бухарцевъ за тѣмъ, что оные 12 Бековъ и Владѣльцева сестра, Галданъ-Церена дочь, Олонъ-Баиръ, желаютъ быть въ Россійскомъ подданствѣ, и они, Беки, будучи, по обыкновенію ихъ (понеже они каждогодно изъ своихъ городовъ въ Ургу собираются для совѣтовъ по одному разу) въ Ургѣ, сбирались по 3 дни для совѣту; въ томъ числѣ былъ главнѣйшій надъ ними всѣми Беками Газибекъ, и, усовѣтовавъ, его, Адама съ товарищами, отдавъ имъ письма и посылку, сюда въ Россію послали, и велѣли ему объявить, что минувшаго лѣта пріѣзжалъ въ Ургу Канъ-Карагай Зайсанъ Онба съ сыномъ Самуромъ, и жаловался Владѣльцу своему, что Русскіе около его улусовъ промыслы ихъ отняли и промышлять не допускали, и оный Владѣлецъ ему приказалъ, что, гдѣ есть въ близость къ Канъ-Карагаю Русскія жилища, сѣно и хлѣбъ, грабить и жечь, людей въ полонъ увозить и бить, когда случай допуститъ, а отъ себя въ помощь хотѣлъ ему, Онбѣ, послать военныхъ людей съ 23,000, тогда какъ трава будетъ и лошади исправятся, къ Иртышу на Россійскія мѣста, и для того посланнаго съ Россійской стороны Посла Подзорова и съ имѣющимися при немъ людьми держать въ тюрьмѣ подъ крѣпкимъ карауломъ въ кочевьяхъ главнаго Зайсана Олжи, Цаганова сына. И при томъ

же оные Беки писали и ему, Адаму, велѣли объявить, что когда, за несостояніемъ Зенгорскаго войска, на нихъ, Зенгорцевъ, пошлются Россійскіе войска, то тѣ Беки желаютъ съ своими Бухарцами чинить съ Россійской стороны вспоможеніе, и можетъ у оныхъ Бековъ набраться для той помощи Россіянамъ людей 80,000 тысячъ.

4. Онъ же, Адамъ, будучи въ Канъ-Карагаѣ, въ разговорахъ и въ совѣтахъ отъ Зайсана Онбы и сына его Самура слышалъ, чтобъ нынѣ къ Россійскимъ людямъ показать ласку, ограбленныхъ минувшаго лѣта изъ Русской деревни лошадей и пожитки имъ возвратить, и между тѣмъ съѣздить до Чакырской крѣпости и имѣющіеся на Русскихъ людяхъ долги собрать; ибо, де, болѣе въ Русскія мѣста, кромѣ непріятельскаго нападенія, они уже не будутъ.»

Переводчикъ Текутьевъ подтвердилъ, что Адамъ дѣйствительно показывалъ Офицеру Нестерову кошелекъ за 12-ю черными печатями.

Другое показаніе Адама:

«Въ концѣ Ноября Уранхайцы навѣрно нападутъ на Чакырскую крѣпость.» Оные Уранхайцы, по своему суевѣрію, чрезъ огонь въ своей землицѣ о зломъ своемъ умыслѣ волшебствовали и уповали, на которое мѣсто огонь склонится, тутъ побѣда быть можетъ.

Двѣнадцать Бековъ, сирѣчь, 12 городовъ, совѣтовали, а одинъ изъ нихъ главный Азбекъ, у котораго въ вѣдомствѣ 32,000, и отправили меня изъ Бартахаю, гдѣ у нихъ совѣтъ былъ 3 дни, разстояніемъ отъ Урги 40 верстъ, вверхъ по Илѣ рѣкѣ. А со мною послано было 3 письма большихъ, писанныя по Русски, за тѣмъ, что ежели писать по Калмыцки, то поймаютъ на дорогѣ Калмыки, а Русское, де, письмо не такъ прилично имъ; а оное письмо писали Россійскіе купцы, Алексѣй и Герасимъ, которые съ тѣми Беками, какъ у нихъ совѣтъ былъ, присутствовали, и оныхъ купцовъ тѣ Беки къ присягѣ привели, чтобъ то имъ со-

держать секретно. И съ тѣми письмами дано мнѣ было отъ сестры Владѣльцевой Уламъ-Баира золотой кафтанъ къ Государынѣ, да разныхъ каменьевъ 12 и товару Иркецкаго 600 головъ, и по отправленіи моемъ поѣхалъ я отъ Урги къ Ноенъ Дебачи, а отъ Ноенъ Дебачи поѣхалъ къ Рунхайцамъ, къ Сотнику Самуру, который кочуетъ у рѣки Чарасъ; [10] ибо оный Самуръ имѣлъ на Русскомъ мастеровомъ человѣкѣ Кашинѣ 160 кожъ, а оный Чарасъ отъ Колывану разстояніемъ со 100 верстъ.» За тѣмъ слѣдуетъ опять разсказъ о потерѣ посылокъ и писемъ. «А какъ я объявилъ Поручику, что мѣшокъ у меня украденъ, то оный Поручикъ, взявъ меня, отправилъ въ Колывань того жъ числа, а при Чарасъ у караулу остался мой работникъ Торита, родомъ Казакъ, и при немъ собственнаго моего экипажа соболей съ хвостами 15, лисицъ 10, войлоковъ 3, ружье 1, сайдакъ со стрѣлами 1, лисій мѣхъ покрытъ коноватомъ 1, 2 тюфяка, одинъ кожанный, а другой войлочный, 2 блюда оловянныхъ, Китайскихъ 2 чашки, котелъ желѣзный, кожа моралья, 2 шубы бараньи новы, 3 лошади, 3 хама (три чалдара, 3 бязи, да въ Колыванѣ 1 лошадь). Въ нынѣшнемъ году весною походъ былъ на Ахметь-Киргизовъ въ 30,000, которые живутъ у рѣки Сыръ-Дарьи, къ Бухаріи, а при томъ войскѣ командирами были Калмыцкіе Лама-Доржи, Кандакъ-Доржи, Саамъ-Белекъ, и въ томъ походѣ были 2 мѣсяца, и пришли назадъ съ немалымъ урономъ еще при мнѣ; а убито войска 7,000 человѣкъ; также Лама-Доржи взятъ былъ въ полонъ и отрубили ему голову. [11] А какъ нынѣ назадъ пришли, то стали совѣтовать, яко бы имъ стало трудно отъ Россійской границы, и такое намѣреніе взяли, чтобъ по веснѣ ити на Россійскія границы и крѣпости очистить. А какъ оные Калмыки изъ походу пришли, то у насъ женъ и дѣтей насильствовали и много обиды сдѣлали. И для того наши Беки прислали меня сюда, ежели, де, Калмыки на Россійскія границы подымутся, то они, Бухарцы, готовы быть въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества, коихъ будетъ съ 127,000. А Калмыки болѣе хотятъ за то чинить напа-

---

[10] Чарышъ.

[11] *Лама-Держа, напротивъ, вскорѣ послѣ того вступилъ на Ханскій престолъ.*

деніе, что Урунхайцы принесли жалобы, что промыслы соболиные у Алтайскихъ горъ утѣснены отъ Россійскихъ людей, кои промышляютъ руду и каменья, и на то тѣмъ Урунхайцамъ Гонбо-Олжой, Баха-Манжи, Намжинъ-Черинъ, Улжу-Урушка, Нима-Аргазъ, Хотонъ-Хушъ, объявили, что гдѣ Россійскіе городы, или посѣянный хлѣбъ и покосы имѣются, жечь; однако нынѣшней зимы до весны у тѣхъ Калмыковъ намѣренія къ нападенію на Россійскія границы не слышно.»

Показаніе Адама о сидѣніи въ тюрьмѣ Русскаго Посла Подзорова не подтвердилось, а также и о намѣреніи Джунгаровъ и Урунхайцевъ напасть на Русскія крѣпости, по чему Государственная Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ нашла опасенія Сибирскаго Начальства неосновательными и приготовленія, сдѣланныя имъ, преждевременными; Адама же, который былъ подъ карауломъ привезенъ въ Тобольскъ, велѣно отпустить, при чемъ Сибирскому Начальству замѣчено, что его не только не слѣдовало садить подъ караулъ, но слѣдовало отпустить «съ приласканіемъ.» [12]

О возстаніи Юсуфа сообщилъ извѣстіе Нойонъ Шеренъ въ Оренбургскую Губернскую Канцелярію: кочевавшіе въ ихъ Зенгорскомъ владѣніи особыми аулами Бухарцы, называемые Хотонъ, управлялись Бухарскимъ Ходжей, который при Галданъ-Церенѣ имѣлъ власть надъ всѣми городами Малой Бухаріи и собиралъ для него съ нихъ дань; во время распри Дебачи съ Амурсаною, Ходжа со всѣми Бухарцами и подговоривъ съ собою 3000 Калмыкъ, ушелъ въ города Малой Бухаріи, Кашкаръ и Еркентъ; этѣ Калмыки и теперь тамъ находятся въ своей Вѣрѣ, только у нихъ владѣльцевъ, кромѣ Зайсановъ и Демечей, нѣтъ. [13]

Въ 1760 г. Тарскій Бухаретинъ Алимъ Шиховъ, бывшій въ степи, привезъ извѣстіе, что бывшій въ городѣ Еркени Владѣ-

---

[12] Указъ изъ Госуд. Коллегіи Иностр. Дѣлъ отъ 14 Февраля, 1750 г.

[13] Въ извлеченіи, сообщенномъ въ «Вѣстникѣ Географическаго Общества» Г. Венюковымъ, изъ путеваго дневника путешественника по Памиру не извѣстнаго Людвига Фонъ . . . . говорится, кажется, о потомкахъ этѣхъ Калмыковъ.

лецъ Ходжанъ-Бачи со всѣми родственниками и ближними бѣжалъ къ Эрдени-Беку, Узбецкому Владѣльцу, въ г. Кооку, гдѣ и былъ принятъ; за ними было послано въ погоню 9,000 Китайцевъ, но Узбеки, обще съ Киргизами, или Бурутами, побили ихъ до 7,000. Это извѣстіе Алимъ Шиховъ слышалъ отъ Бухарскихъ купцовъ, пріѣхавшихъ къ Аблаю изъ города Кооку (Коканъ?).

Въ 1759 г. Русскій переводчикъ, Арановъ, развѣдалъ, что впереди урочища Ирень-Хабирга Китайцы поставили 3,000 войска, для воспрепятствованія прохода въ Россію Кашкарскому и Еркендскому Владѣльцамъ, Аи-Хози и Кунъ-Хози, которые уже три Китайскихъ отряда разбили; къ Аблай Султану былъ отправленъ изъ Кашкара посланецъ съ просьбою о помощи и съ подарками; Аблай говорилъ, что онъ и Кашкарцы, Еркенцы, Самарканцы, Ташкенцы и Туркестанцы одного Мухамеданскаго Закона; такъ бы единственно уже всѣмъ противу Китайцевъ примириться, или войною поступить, однако жь не осмѣлился принять на себя обязанности безпокоить Китайцевъ отгономъ лошадей и набѣгами и не давать имъ селиться въ Зенгоріи.

Въ слѣдующемъ показаніи Бухарца, Тюлякъ-Хутжи, кажется, заключается извѣстіе объ убійствѣ Бурханъ-Эддина и Ханъ-Ходжи: Китайцы склоняли Бухарцевъ въ подданство, по чему они бѣжали къ Авганскому Хану; за ними была послана погоня, но какъ бѣглецы, такъ и погоня, были до Авгановъ не допущены и на дорогѣ побиты въ городѣ Кулябъ, называемыми Калчинцами (Галчи?). Къ Куханскому Хану, Ертене-Бію, были присланы послы единовременно и отъ Авганскаго и отъ Китайскаго Хановъ; послы сдѣсь поссорились, послѣ чего Авганскій Ханъ, уже намѣревавшійся вступить въ войну съ Китаемъ, еще болѣе озлобился на Китайцевъ.

Первыя торговыя сношенія Сибири съ Малой Бухаріей.

Торговыя международныя сношенія, которыя нынѣ происходятъ чрезъ города Семипалатинскъ и Кульджу, принадлежатъ къ числу древнѣйшихъ международныхъ сношеній Азіятскаго материка. Русскіе приняли въ нихъ участіе только во время послѣд-

нихъ трехъ столѣтій, и только въ это время они дѣлаются намъ извѣстными точнымъ образомъ. Но они вѣроятно существовали за долго до этого времени и начались съ самой зари исторической жизни въ средней Азіи, когда у подножія Тьянь-Шаня возникла Бухарская образованность.

Самое древнее свѣдѣтельство о существованіи пути изъ средней Азіи въ восточную Европу, мимо подошвы Алтая, сохранилось въ извѣстіи, помѣщенномъ въ Географіи Эдризи о путешествіи толмача Салама, въ 846—847 г. по Р. Х., посланнаго Абассидскимъ Халифомъ, Вазикомъ, къ крайнимъ сѣвернымъ горамъ, Гогу и Магогу. Саламъ ѣхалъ туда черезъ Арменію, земли Алановъ и страну Бесгертъ (Башкирію); отъ Башкиріи путешественники шли 10 дней по обширной черной странѣ, по которой разстилался паръ съ такимъ отвратительнымъ запахомъ, что путешественники должны были постоянно употреблять благовонія. Это можетъ быть болотистая Ишимско-Барабинская степь, которая и теперь извѣстна своими сѣрно-водородистыми испареніями. Потомъ, послѣ мѣсячнаго путешествія по пустынѣ, Саламъ достигъ до Государства Адкашъ (по мнѣнію Риттера, это Хакалъ, въ вершинахъ Енисея и Катуни), лежавшаго у подошвы хребта Кокая, который Риттеръ принимаетъ за Тьянь-Шань.

Въ V, VI и VII столѣтіяхъ черезъ Біармію, т. е., нынѣшнюю Пермь, производилась торговля пушными Сибирскими товарами, вмѣстѣ съ которыми шли въ сѣверную Европу также и произведенія отдаленной срединной и южной Азіи. Въ Соликамскомъ и Красноуфимскомъ Уѣздахъ находятъ клады съ Арабскими, Сассанидскими, Византійскими и Бактріянскими монетами V, VI и VII столѣтій.

Во время завоеваній Монголовъ международныя сношенія между средней Азіей и сѣверо-восточной Европой, вѣроятно, усилились; въ особенности нужно предполагать учащеніе сношеній между сѣверной Сибирью и Бухаріей. Со времени завоеваній Монголовъ Киргизская степь дѣлается убѣжищемъ разныхъ изгнанниковъ изъ Средне-Азіятскихъ Государствъ и преслѣдуемыхъ племенъ; члены владѣльческихъ фамилій, послѣ переворотовъ, спасались

бѣгствомъ въ Киргизскую степь и часто становились смѣлыми предводителями Казачьей Орды и при ея помощи дѣлали набѣги и завоеванія на западѣ, сѣверѣ и югѣ. Въ концѣ XV вѣка утверждается въ Тюмени Князь Шейбани, вѣроятно, при помощи Казачьей Орды (нынѣшнихъ Киргизъ); объ участіи Казачьей Орды въ завоеваніяхъ Шейбани можно заключать по извѣстію Русской Лѣтописи, по которому Тюменскій Князь Ибакъ (т. е., Ивакъ, Шейбани) съ 10,000 Казаковъ убиваетъ Хана Золотой Орды, Ахмата; подъ Казаками не кого болѣе разумѣть, кромѣ Киргизовъ.[14] Вѣроятно, при помощи той же Казачьей Орды Средне-Азіятскіе выходцы основали въ Сибири, послѣ Шейбани, нѣсколько другихъ независимыхъ Княжествъ съ господствующимъ Турецкимъ и подчиненнымъ Турецко-Чудскимъ племенами. Таковы были Татарскія Княжества Эдигера, Чингія, Епанчи. Нѣсколько позже, вѣроятно, также при помощи Казачей Орды, вторгается въ Сибирь Кучумъ и утверждается въ Искерѣ. Нѣкоторыя западныя Татарскія Княжества остались независимыми, но съ появленіемъ Кучума все таки многія разъединенныя мѣста Бухарско-Татарской поселенности въ Сибири слились въ одно владѣніе съ Кучумомъ, и вообще, съ основаніемъ осѣдлыхъ жилищъ, начало усиливаться Бухарское вліяніе въ Сибири. Кучумъ внесъ въ Сибирь Исламъ, который былъ ревностно распространенъ имъ между туземцами; съ утвержденіемъ его, вѣроятно, усилились торговыя сношенія съ Бухаріей; въ то время уже существовало караванное сообщеніе по Иртышу, по тому что Ермакъ на третій годъ послѣ завоеванія Сибири получилъ извѣстіе объ идущемъ по Иртышу Бухарскомъ караванѣ. Съ Кучумомъ даже выѣхалъ изъ Ургенча въ Сибирь на жительство Бухарецъ Динъ-Али-Ходжа и женился на дочери Кучума, Налъ-Ханшѣ (обезпеченіе успѣховъ торговыхъ предпріятій посредствомъ заведенія родства съ вліятельными лицами въ краѣ и теперь составляетъ торговую политику Бухарцевъ въ иностранныхъ земляхъ). Динъ-Али-Ходжа положилъ основаніе одной Сибирской Бухарской фамиліи Сеидъ.

Съ этого времени въ Турецкомъ населеніи Сибири нужно различать по происхожденію три поселенности:

---

[14] Киргизы называютъ сами себя «Казакъ».

1. Сибирскихъ Татаръ, древнѣйшихъ поселенцевъ Сибири Турецкаго племени, спустившихся съ Алтая въ доисторическія времена и ведшихъ бродячій и звѣроловный образъ жизни подобно Остякамъ и Самоѣдамъ; они составляли волости: Сергачъ, Коурдакъ, Туралы, Аялы, Барама, Чатъ, Еушты, Телеутъ, которыя располагались отъ устья Тобола до Алтая; большая часть ихъ во время Кучума оставались еще идолопоклонниками; сѣверные Татары жили, по крайней мѣрѣ, зимой въ постоянныхъ жилищахъ; южные, занимавшіеся скотоводствомъ, кочевали; крайніе изъ первыхъ были Туралы, называвшіеся такъ отъ слова тура, городъ; сосѣдніе съ ними крайніе кочевые — Аялы.

2. Выходцевъ изъ Киргизской степи и Бухаріи, Князей съ своими дружинами и купцовъ. Выходцы изъ кочеваго Туркестана, т. е., изъ Киргизской степи, кажется, смѣшались въ послѣдствіи въ устахъ Русскихъ, съ туземными Татарами подъ именемъ служилыхъ Татаръ. Бухарцы - купцы составили отдѣльное сословіе.

3. Въ Сибирь выселялись также Татары изъ Европейской Россіи, Казанскіе и Касимовскіе; въ Томскѣ онѣ не смѣшались съ Бухарцами и составляютъ отдѣльную волость, въ отличіе отъ Бухарской называемую Казанскою.

Въ 1581 г. Царство Кучума падаетъ подъ ударами Казачьей дружины Ермака. Съ этого времени начинается борьба за утвержденіе въ Сибири Русской и Татарской образованности, продолжающаяся и послѣ прекращенія вооруженныхъ возстаній, подъ мирными формами торговаго соперничества и миссіонерской дѣятельности.

Съ укрѣпленіемъ Русскихъ въ Сибири и съ установленіемъ болѣе прочной осѣдлости въ ней, сношенія съ Бухаріей еще болѣе усилились; многолюдность каравановъ увеличилась. Сначала они, спускаясь внизъ по Иртышу, доходили только до озера Ямышъ (гдѣ нынѣ Ямышевская станица), а потомъ незначительная часть стала на верблюдахъ проникать и далѣе, въ новые Сибирскіе города, Тобольскъ и Томскъ. Впрочемъ, озеро

Ямышъ оставалось едва ли не до начала XVIII стол. торговой станціей; съ юга сюда приходили Бухарскіе караваны, съ сѣвера Русскіе поднимались на судахъ за солью, которую ломали въ Ямышѣ и вымѣнивали сдѣсь Бухарскіе товары, ясырей (рабовъ), ревень и шаръ (табакъ). Въ половинѣ XVII столѣтія сосланный въ Сибирь Сербъ Крижаничъ дѣлаетъ указанія на важность этой торговли и строитъ обширные планы не только о развитіи торговли съ Джунгаріей и Бухаріей, но и о торговомъ пути въ Индію черезъ Бухарію. «Мы могли бы, говоритъ онъ, построивши острогъ при Сланомъ озерѣ на Иртышѣ, покупать тамъ 30,000, или 40,000, кожъ воловьихъ и овечьихъ и за дешевую цѣну множество скота, а также говядины и баранины, солить ихъ, сушить и коптить, и въ этомъ видѣ отправлять въ Европу; могли бы тысячу пудовъ и болѣе добывать сдѣсь грубой шерсти для простаго сукна; могли бы получать кожухи, лошадей, воловъ, сколько хотѣли; изъ Индіи могли бы ити къ намъ этѣмъ путемъ хлопокъ, шелкъ и шелковыя матеріи, драгоцѣнные камни, бисеръ, коралъ, сахаръ, перецъ, шафранъ, гвоздика, орѣшки, корица, имбирь, а также шелковыя крашенины, сукна, бархаты, атласы, камки, тафта, бумажныя крашенины, называемыя китайками, аріамми, зенденми и беарми. Въ замѣнъ этѣхъ товаровъ мы бы давали Калмыкамъ, Бухарцамъ, Монголамъ и дальнимъ Индѣйцамъ свои Сибирскіе пушные и Нѣмецкіе суконные и другіе товары.»[15]

Въ 1652 и 1653 г. отъ Ямышевскаго озера приходилъ въ Томскъ Томскій урожепецъ Бухаретинъ Шарипъ Яріовъ съ товарищемъ и привезъ товаровъ:

	1652 г.	1653 г.
Зенденей семендеп	368	400
Азъямовъ зендейныхъ	58	—
Выбоекъ и пестрядей	60	180
Ревеню копытчатаго		9 пуд.
Ревеню черенковаго		32 пуд.
Тулуповъ овчинныхъ		68

15. «Русское Государство въ половинѣ XVII вѣка,» ч. I, стр. 14—16.

Въ 1653 году вверхъ по Иртышу было отправлено Русское Посольство въ Китай подъ начальствомъ Ѳедора Исаковича Байкова. Изъ Тары онъ проѣхалъ вверхъ по Иртышу до озера Ямыша, потомъ до Бухарскихъ палатъ, около нынѣшняго Семипалатинска, сдѣсь переправился на лѣвый берегъ Иртыша, перешелъ черезъ горы въ котловину озера Цзайсана и прошелъ далѣе по южному берегу этого озера, за тѣмъ онъ перешелъ черезъ черный Иртышъ, на его сѣверную сторону, и вступилъ въ Монголію путемъ, лежащимъ сѣвернѣе вершинъ Чернаго Иртыша. Путешествіе Байкова занимательно для насъ тѣмъ, что оно сообщаетъ намъ свѣдѣнія о зарождавшейся тогда на берегахъ Иртыша Бухарской поселенности: Байковъ нашелъ палаты на Иртышѣ не далеко отъ устья неизвѣстной теперь рѣчки Елхуле, вѣроятно, извѣстныя въ послѣдствіи подъ названіемъ «Семи палатъ». Въ палатахъ жили пашенные Бухарцы. На рѣкѣ Кара-Буга, въ югозападномъ углу Цзайсанской котловины, Байковъ нашелъ близъ урги, т. е., пребыванія Калмыцкаго Тайши, Аблая, другое Бухарское поселеніе; кромѣ того Аблай устраивалъ третье на р. Беске. Во всѣхъ этѣхъ поселеніяхъ жили Бухарцы и занимались хлѣбопашествомъ; по свѣдѣніямъ Байкова они сѣяли пшеницу.

Не смотря на точность географическихъ извѣстій, принесенныхъ Байковымъ о верхнемъ теченіи Иртыша, благодаря скупости Правительства къ распространенію подобныхъ знаній въ средѣ внѣ правительственной, они были погребены въ грудѣ Архивныхъ дѣлъ, и мы, къ удивленію, находимъ, что послѣ этого путешествія не только Русское купечество, но и само Правительство, имѣетъ смутныя понятія о верхнемъ теченіи Иртыша. Долго Русскіе знали точно только положеніе торговой станціи у озера Ямыша; но гдѣ находились тѣ города, откуда приходили караваны, оставалось не извѣстнымъ едва ли не до половины прошлаго столѣтія. Сначала этѣ города были извѣстны подъ именемъ Камбалы и Грустинца. Ихъ ставили не только современники, но и послѣдующіе историческіе изслѣдователи, въ системѣ Оби и Иртыша; въ послѣдствіи оріенталисты открыли, что Камбалыкъ есть Монгольское названіе Пекина, но о Грустинцѣ еще и теперь послѣдній Статистико-Географическій Словарь, составленный Г. Семеновымъ, удерживаетъ мнѣніе Страленберга, полагавшаго подъ этѣмъ

именемъ Татарское племя Сушты, близъ города Томска. Но вѣроятнѣе всего, что Грустинецъ находится столь же далеко отъ Сибири, какъ и Камбалы, и что подъ этѣмъ именемъ скрывается какой ни будь городъ изъ окрестностей озера Хуху-Нора.

Патеръ Авриль, бывшій въ Москвѣ въ концѣ XVII столѣтія, повторяетъ извѣстіе Байкова о существованіи дороги въ Китай по Иртышу; онъ говоритъ, что третья дорога въ Китай, посѣщаемая часто Узбецкими Татарами и Калмыками, занимающимися торговлей, а также и Москвитянами, идетъ изъ Тобольска вверхъ по Иртышу до соленыхъ озеръ, потомъ еще выше по Иртышу до города Синкаме, откуда ѣдутъ черезъ земли Калмыковъ и Монголовъ до Китайскаго города Кокутана. Подъ именемъ Синкаме, вѣротно, Аврилю передано было извѣстіе о городахъ Сининъ и Хами или Сининъ и Ганьджоу.

Города Яркендъ и Кашкаръ стали извѣстными едва ли только не въ концѣ XVII столѣтія. Въ 1713 Князь Гагаринъ посылалъ Тобольскаго Дворянина, Θедора Трушникова, въ Малую Бухарію за песочнымъ золотомъ, и Трушниковъ добылъ это золото въ Бухарскихъ городахъ Селинѣ и Дабѣ, близъ озера Хуху-Нора. Но Русскія свѣдѣнія о срединной Азіи до половины прошлаго столѣтія оставались ничтожными, такъ что Петръ, посылая Бухгольца для завоеванія Яркенда, опредѣляетъ маршрутъ его только направленіемъ теченія Иртыша.

Съ основаніемъ крѣпостей по Иртышу, въ началѣ прошлаго столѣтія, начинаютъ развиваться и наши познанія о той части Азіи, изъ которой исходили Бухарскіе караваны; подробности, сохранившіяся въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ объ этой караванной дорогѣ, собственно и составятъ предметъ нашей статьи. Въ этомъ Архивѣ сохранились свѣдѣнія и о путяхъ, которыми слѣдовали караваны, и о товарахъ, въ обмѣнѣ которыхъ состояла торговля Сибири съ Джунгаріей.

Караванная дорога.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія караванный путь изъ Бухарскихъ городовъ въ Сибирь проходилъ не тамъ, гдѣ онъ прохо-

дитъ нынѣ; теперь Кульджинскіе караваны ходятъ черезъ Балхашскую низменность, западнѣе снѣжныхъ горъ Алатау, ограждающихъ съ востока Семирѣчинскій край. Въ прошломъ столѣтіи караванная дорога была восточнѣе; намъ, впрочемъ, извѣстна одна сѣверная половина этого пути, начиная отъ Владѣльческой урги на Илѣ; объ этой части ея мы имѣемъ слѣдущія отрывочныя извѣстія:

1. Показаніе переводчика Текутьева для пути отъ Семипалатинской крѣпости чрезъ Боротала до Урги.

2. Показаніе Калмыковъ, братьевъ Баасуновыхъ и Татарскаго юртовскаго Бухаретина, Рембаки Амирова, о пути отъ Семипалатинской крѣпости до урочища Ирень Хабарга, и

3. Свѣдѣнія о проходахъ каравановъ внутри Сибири отъ Семипалатинской крѣпости до Томска и Ирбити.

Мы сдѣсь предлагаемъ сводъ этѣхъ извѣстій.

Изъ Семипалатинской крѣпости караванъ шелъ вверхъ по рѣкѣ Чаръ-Гурбану, въ вершинахъ его переваливалъ черезъ хребетъ Халма (нынѣ Калба), далеко не достигающій снѣжной линіи, но ущелья котораго и теперь извѣстны сильными вѣтрами; спустившись по вершинамъ рѣкъ Бекони и Чегуляка (Буконь и Чигилекъ), при отдѣльной возвышенности Калмы - Тологой, онъ вступалъ въ котловину Цзайсана и шелъ чрезъ рѣки Кара-Буга, Кабарга-Базаръ и другихъ, подлѣ сѣверной подошвы хребта Тарбагатая, до горнаго прохода Хамаръ-Табанъ (Киргизы теперь называютъ Хабаръ-Асу); до сюда купцы ѣхали частью и на телѣгахъ; сдѣсь телѣги разбирались и вьючились на вербюдовъ. По другую сторону хребта опять ѣхали на телѣгахъ до рѣки Имель; сдѣсь караванъ находилъ осѣдлыхъ Бухарцевъ, пахавшихъ тутъ пашню; сдѣсь телѣги оставлялись и далѣе товары везлись на верблюдахъ. Отъ Имеля дорога шла черезъ Шара-Хулусунъ (это урочище назначено на картѣ Клапрота къ югу отъ Чугучака), чрезъ западные отроги хребта Заиръ (нынѣ, вѣроятно, Сауры), на озеро Халтарышъ-Иге (Халтаръ Узике-Норъ или Балкатзи-Норъ на картѣ Клапрота); отсюда на рѣкѣ Боротала, при озерѣ

Талки караванъ переходилъ третью цѣпь и спускался на Илю, а потомъ достигалъ урги при рѣкѣ Текесъ.

Весь этотъ путь отъ урги до Иртыша караваны совершали въ 60 дней; отъ урги Саинъ Белека, который кочевалъ на рѣкахъ Коксу и Караталъ, въ 40 дней, отъ урги Септеня, кочевавшаго при сѣверной подошвѣ хребта Ирень-Хабирганъ, въ 20, и отъ урги Даваци, на рѣкѣ Имели, въ 16 дней.

По выходѣ на Иртышъ караванъ часто дѣлился на двѣ части: одна шла внизъ по Иртышу въ Тобольскъ и Ирбить, другая въ Томскъ. Это раздвоеніе происходило чаще при Убинской заставѣ (при устьѣ рѣки Убы), гдѣ караваны переправлялись черезъ Иртышъ, но иногда и въ степи, не доходя до Иртыша, съ какой-то р. Колсуты (?), откуда одна половина шла на Убинскую заставу, а другая въ Долонъ, Карагайскій форпостъ, ниже Семипалатинской крѣпости. Въ Томскъ караванъ шелъ черезъ деревню Касмалу; въ Тобольскъ по правому берегу Иртыша до Такмыцкой слободы; сдѣсь переходилъ на лѣвый берегъ и чрезъ Тобольскъ достигалъ Ирбити.

Изъ этого краткаго очерка можно заключить, на сколько этотъ старинный путь былъ восточнѣе и длиннѣе нынѣшняго. Причина, по чему караваны предпочитали этотъ путь менѣе затруднительному, безъ горныхъ проходовъ, болѣе прямому и кратчайшему чрезъ Балхашскую низменность, вѣроятно, заключалась въ томъ, что этотъ путь былъ очень опасенъ, по тому что лежалъ чрезъ кочевья неспокойныхъ Киргизъ, представлявшихъ тогда дикую орду безъ сильной власти. Въ своихъ набѣгахъ на караваны Киргизы такъ были смѣлы, что нападали на нихъ даже, когда они скрывались въ надолбы Русскихъ редутовъ; такъ, на прим., въ Октябрѣ 1752 г. Киргизы преслѣдовали Бухарскій караванъ до Прѣснаго редута, а въ Февралѣ Киргизы напали на тотъ же караванъ при крѣпости Становой и отбили 15 верблюдовъ, 42 лошади и взяли въ плѣнъ 7 Бухарцевъ. Путь по Балхашской низменности до того избѣгался, что Нойонъ Шеренъ, выводя изъ Джунгаріи въ 1758 г. улусъ Торгоутовъ, избралъ путь чрезъ Хамаръ-Табанъ и съ р. Таласа и Чу долженъ былъ идти сначала чрезъ рѣки Чиликъ и Илю, потомъ черезъ Боротала и Тарбагатай.

Съ успокоеніемъ Киргизской степи, съ уменьшеніемъ баранты, караванная дорога принимаетъ все болѣе прямое направленіе, и теперь товаръ изъ города Кульджи въ ту же Ирбить можетъ поспѣть гораздо скорѣе, чѣмъ въ прошломъ столѣтіи. Вотъ сравнительное указаніе дороги прошлаго и нынѣшняго столѣтія.

Караванная дорога XVII столѣтія:

Отъ Кульджи (прежней Урги) до Чугучака	365 в.
— Чугучака до Кокбектовъ	150 »
— Кокбектовъ до Семипалатинска	245 »
— Семипалатинска до Омска	689 »
— Омска до Тары	266 »
— Тары до Тобольска	576 »
— Тобольска до Ирбити	420 »
Всего	2711 верстъ.

Караванная дорога XIX столѣтія:

Отъ Кульджи до Копала	200 в.
— Копала до ур. Козу-Курпечъ	300 »
— ур. Козу-Курпечъ до ур. Кызыль-Соръ	920 »
— ур. Кызыль-Соръ до Петропавловска	210 »
— Петропавловска (чрезъ Камышловъ) до Ирбити	749 »
Всего	2379 верстъ.

Разница между старой и новой дорогой простирается до 332 верстъ. Нужно желать, чтобы путь этотъ еще болѣе сократился посредствомъ усовершенствованій самыхъ путей сообщеній, удобствъ переѣзда, а также и окончательнаго установленія въ степи личной безопасности.

Караваны приходили на Иртышъ почти всегда осенью, въ Августѣ, Сентябрѣ, иногда даже въ Декабрѣ, но иногда въ Іюлѣ.

Въ Ирбитѣ онъ поспѣвалъ по этому не ранѣе Генваря и Февраля, что, вѣроятно, и обълсловило сохраняющійся донынѣ зимній срокъ Ирбитской ярмарки.

Въ Архивѣ Правленія Областныхъ Сибирскихъ Киргизовъ сохранились извѣстія о слѣдующихъ пріѣздахъ:

27 Іюля, 1733 г., въ Тобольскъ прибылъ караванъ при посланцѣ Зунду-Замсу. Въ 1737 и 1738 г. были пропущены на Ирбитскую ярмарку купчина Камалай-Ходжа и посланецъ Авасбай. На ту же ярмарку 22 Генваря, 1739 г., 12 Генв., 1742, 25 Генваря, 1743 и 12 Генв., 1744 г., были пропущены Бухарскіе купцы: Ніязбай, Орозобай, Сепербай, Адзіаферъ, Мулла Наурусъ и его братъ Сулейманъ. 7 Декабря, 1744 г., прибылъ въ Ямышевъ купчина Ніязбай съ караваномъ изъ 600 верблюдовъ; въ Тару съ нимъ прибыло 280 Бухарцевъ и Калмыковъ. 16 Декабря, 1744 г., чрезъ Убинскую заставу прошелъ Бухаретинъ Адылбай съ 64 челов., на 200 верблюдахъ и 300 лошадяхъ. Осенью 1745 г. прибылъ къ Семипалатинской крѣпости караванъ при Зайсанѣ Юсупъ-Ходжѣ и Бухарскомъ башлыкѣ Уразбаѣ, съ 450 челов. и съ 1300 вербл.; изъ нихъ 750 челов. и 500 вербл. при старшинѣ Рахманъ-Кули свернулъ въ Томскъ. 2 Декабря, 1747 г. въ Ямышевскую кр. прибылъ Юсупъ-Ходжа съ 16 Калмыками и 219 Бухарцами, съ 300 вербл. и 300 лошадьми; 6 Декабря того же года въ Семипалатинскъ прибылъ караванъ изъ 129 челов. при старшинѣ Ату-Долотѣ, Дарханѣ Абдукаримовѣ и проч. 10 Сент., 1748 г., при Худай-Кули вышло въ Семипалатинскъ 42 чел., 23 Декабря при старшинѣ Абраимѣ Сайзысовѣ 348 челов. (въ томъ числѣ 3 женки), 568 звѣрей вьючныхъ и 540 лошадей. 13 Мая, 1749 г., при Маметѣ Бакеевѣ 83 чел., 97 вербл. 30 Августа, 1750 г. при Шашлымѣ Мреевѣ 104 челов., звѣрей 94, лошадей 212; 15 Сентября при Етимбаѣ Бакеевѣ 88 челов., 54 вербл., 200 лош.; 30 Сент. прибылъ послѣдній Бухарскій караванъ при старшинѣ Абедли-Зайсанѣ, Карярды-Хужемъ-Яровѣ и др., въ числѣ 485 челов., 755 вербл. и 729 лошадей. Онъ оставилъ Семипалатинскъ 27 Октября, 1752 г. и съ того времени уже болѣе караваны не посѣщали Сибири до возстановленія этой торговли, послѣ окончанія Джунгарскаго переворота.

Вотъ свѣдѣнія о числѣ людей и вьючныхъ животныхъ, которыя были заняты этой торговлей. Пришло въ Ямышевъ и Семипалатинскъ:

въ	1747	1748	1749	1750	1752 г.
Буахрцевъ	350	348	118	261	599
Калмыковъ	34	—	—	54	30
Киргизовъ (въ кашеварахъ)	—	2	—	—	—
звѣрей (т. е., верблюдовъ)	522	760	97	155	629
лошадей	494	537	152	744	764

Привозъ.

Иркетчина. Бухарскіе караваны привозили изъ Джунгаріи бумажныя ткани, извѣстныя тогда въ Сибири подъ общимъ названіемъ Иркетчины, по городу Яркенду, по тогдашнему Русскому выговору Иркету.

Въ 1747 г. въ караванѣ Юсупъ-Ходжи было привезено Владѣльческихъ товаровъ 532 тюка и частнаго 265 т. По показанію Абраима Сайзысова на каждаго верблюда навьючивали по 2 тюка, а каждый тюкъ заключалъ въ себѣ 100 головъ. По этому расчету въ караванѣ Юсупъ-Ходжи было привезено въ 797 тюкахъ 79,700 головъ. Кромѣ того, въ томъ же году прибыли въ Семипалатинскъ два небольшихъ каравана, въ которыхъ вмѣстѣ было 352 вьючныхъ верблюда; число тюковъ не обозначено. По тому же разсчету 352 в. × 2=704 тюк. × 100=70,400 головъ. Всего въ 1747 г. было привезено Иркетчины 150,000 головъ.

Въ 1748 г. было привезено въ караванѣ Абраима Сайзысова 113,500 головъ; кромѣ того, въ другихъ караванахъ 12,000, всего 125,500 головъ.

Въ 1749 г. донесено только объ одномъ караванѣ при старшинѣ Маметѣ Бакеевѣ, въ которомъ было въ 164 звѣринныхъ тюкахъ 19,200 головъ, т. е., по 117 въ тюкѣ.

Въ 1750 г. въ пяти караванахъ было привезено 16,900 тюковъ.

Въ 1752 въ одномъ караванѣ было привезено 1,000 головъ и въ другомъ 14,000 головъ, всего 15,000 головъ. Такимъ образомъ Иркетскаго товара было привезено:

1747	1748	1749	1750	1752 г.
150,000	125,000	19,200	16,9000	15,000

Такое быстрое уменьшеніе можно приписать начавшимся раздорамъ въ Джунгаріи. Впрочемъ, сильныя колебанія въ количествѣ ввозимыхъ въ страну товаровъ, вѣроятно, составляло въ прошломъ столѣтіи обыкновенное явленіе; при медленныхъ и трудныхъ сообщеніяхъ, часто въ странѣ происходилъ недостатокъ въ товарахъ, что вызывало значительный привозъ въ слѣдующемъ году; неумѣренный привозъ ронялъ цѣну товара и на слѣдующій годъ привозъ сильно сокращался. Въ Архивѣ мы нашли извѣстіе, что въ 1748 г. Русскіе купцы привезли бобровъ въ Ямышевскую крѣпость, но Бухарцы ихъ не брали, такъ что Русскіе купцы принуждены были ихъ отвезти назадъ въ Тобольскъ съ убыткомъ, и на слѣдующій годъ бобровъ въ привозѣ въ Ямышевъ уже не было; между тѣмъ въ этотъ-то годъ въ Бухаріи и открылся спросъ на бобровъ; прибывшій въ 1749 г. караванный старшина Абраимъ Сайзысовъ жалуется, что въ Ямышевѣ нѣтъ нужныхъ для него товаровъ, какъ, на прим., бобровъ, и проситъ разрѣшенія отправиться для покупки ихъ въ Тобольскъ.

Кромѣ того, въ 1733 г., при посланцѣ Зунду-Замсу было привезено въ Тобольскъ 5,590 головъ.

Свѣдѣнія о количествѣ этѣхъ товаровъ по сортамъ остались только по нѣкоторымъ привозамъ; именно за Тобольскій привозъ 1733 и Семипалатинскій (старшина Абраимъ Сайзысовъ) въ 1848 году:

	1733	1748	1749 г.
Хамовъ	600	25,500	4,000
Зенденей шанскихъ	2,300	8,700	6,000
малыхъ	50		11

Чалдаровъ	»	20,500	2,000
Бязей	»	11,800	2,200
Выбоекъ	1,100	47,000	5,000
Занавѣсъ	70	»	»
Китаекъ	800	»	»
Кушаковъ	220	»	»
	5,590	113,500	19,200

Этѣ ткани обстоятельно были описаны Миллеромъ въ его статьѣ: «О сибирскихъ торгахъ», [16] которою мы сдѣсь и пользуемся.

Зендень такъ называемая по Русски, по Бухарски ренгенъ, по Калмыцки шаръ, была хлопчато-бумажная ткань зеленаго, краснаго, желтаго и синяго цвѣта. Ея различали два сорта: малой и большой руки; по Русски первый сортъ назывался одноголовной зенденью, второй двойною; кусокъ одноголовной зендени служилъ мѣрой при мѣновой торговлѣ въ Джунгаріи. Хотя всякій кусокъ ткани назывался по Бухарски мата, но, оцѣнивая какой-либо товаръ на число матъ, подъ матой разумѣли не другую ткань, какъ одноголовную зендень. Одноголовныя зендени были шириною ¾ арш. и длиною 8 и 9 арш., а двойныя шириною аршинъ и длиною около 12 арш. и чище первыхъ. Одноголовныя зендени въ Сибирь рѣдко вывозили, напротивъ двойныя, по свѣдѣтельству Миллера, были самымъ употребительнымъ въ Сибири товаромъ. Въ Тобольскѣ и Томскѣ двойныя зендени, по Миллеру, продавались по 40 и 50 коп.

Хамомъ назывался другой родъ хлопчато-бумажной ткани, очень разнообразный въ цѣнѣ и величинѣ; самые простые хамы были длиною 8½ и 9½ арш. и назывались однопортищными; они были черные, васильковые, зеленые и алые; тѣ, которые были лучшей отдѣлки, и въ Ургѣ стоили до 5 матъ, ткались только въ Кашкарѣ, а по тому и слыли подъ названіемъ Кашкарскихъ хамовъ; по Бухарски же послѣдніе назывались Алтибакъ-

---

Ежемѣсячныя сочиненія 1755 и 1756 г.

хамъ.[17] Въ Томскѣ хамы продавались по 40, 50 и 60 к., а въ Тобольскѣ по 50 и 70 к.

Двойные или шанскіе хамы, по Бухарски Орда-хамъ, были отъ 12 до 13, а также до 15 и 16 аршинъ длиною, чище портищныхъ; они были также только трехъ цвѣтовъ: зеленые, красные и желтые. Зеленые длиннѣе 13 арш. не дѣлались, а красные и желтые обыкновенно были въ 15 и 16 арш. Въ Томскѣ онѣ стоили по 90 коп., по 1 руб. и по 40 алтынъ, въ Тобольскѣ не много дороже. Имя шанскіе значило казенные (шанъ по Калмыцки казна), по тому что этѣми хамами собиралась дань со многихъ Бухарскихъ городовъ. Орда-хамъ переводъ того же слова на Бухарскій языкъ.

Чалдаръ была некрашеная, бѣлая, но лощеная бумажная ткань: ея различали три руки: первая, хуже прочихъ, называется просто чалдаромъ, и была длиною 8 арш. и въ одной цѣнѣ съ одноголовной зенденью. Чалдаръ средней руки, по Бухарски хамъ-чалдаръ, длиною въ 9 арш. и чище первой, цѣнилась въ 2 и 3 маты; этотъ сортъ предпочтительно передъ другими вывозился въ Сибирь; третьей, самой лучшей руки чалдаръ, шанъ-чалдаръ, былъ длиною 13 арш. и продавался по 3 и по 4 маты. Въ Томскѣ цѣна была первому сорту 15 и 20, второму 35 и 40, а третьему 45 и 50 к.

Бязь, по Бухарски бесъ, тотъ же чалдаръ, только не лощеный и не много толще. Она также была трехъ сортовъ, которые были въ одной цѣнѣ съ чалдарами.

Бухарская выбойка, по Бухарски басма, похожа на чалдаръ, но съ рисунками. Бязь, дѣлаемая въ Ташкентѣ, уже, но чище выдѣлкою. Цѣна одинаковая съ чалдаромъ.

Занавѣсы выбойчатые, по Бухарски богдшемаль, раскрашивались особыми рисунками и были съ каймами; въ Сибири

---

[17] Алтибакъ кажется старинное названіе Алтышара.

на нихъ былъ большой спросъ; различались два сорта: Яркентскій и Ташкентскій; первый былъ больше, второй чище; оба были въ одинаковой цѣнѣ съ чалдаромъ средняго сорта.

Кушаки Бухарскіе, по Бухарски люньги, съ красными и васильковыми полосами, а также шахматные, были 2 и $2\frac{1}{4}$ арш. стоившіе по 1 матѣ, и въ 3 и $3\frac{1}{4}$ арш., цѣною въ 2 маты. Въ Томскѣ первые продавались по 15 к., а послѣдніе по 25 к.; былъ сортъ еще меньшей руки, одноцвѣтные зеленые.

Хлопчатая бумага попадается въ нашихъ извлеченіяхъ изъ Архива Областнаго Правленія Сибирскихъ Киргизовъ только одинъ разъ, въ 1748 г. Миллеръ замѣчаетъ, что хлопчатая бумага изъ Китая предпочиталась въ Сибири нечистой Бухарской, а по тому послѣдняя мало вывозилась въ Сибирь. [18] Въ Тобольскѣ и Томскѣ она стоила, по Миллеру, 10 коп. фунтъ.

Хотя Бухарскія ткани были грубѣе Китайскихъ, Персидскихъ и Индѣйскихъ, но для нетребовательныхъ жителей Сибири они были болѣе приличны, по тому что были крѣпче и дешевле. Они были выгоднѣе даже Русскихъ холстовъ; бязь, самая простѣйшая ткань изъ иркетчины, въ 8 арш. длиною, стоила въ Томскѣ 15 и 20 коп.; 8 арш. грубаго холста (въ 1730 году) по 3 к. арш. [19] стоили тамъ же 16 коп., а между тѣмъ бязь бываетъ шире холста; двойной зендень, 12 арш. длиною и 1 арш. шириною, найболѣе употреблявшійся въ Сибири, стоилъ въ Томскѣ 50 к.; тонкій холстъ въ Омскѣ въ прошломъ столѣтіи продавался по 10 коп.; а такъ какъ зендень былъ вдвое шире холста, то кусокъ зенденя, слѣдовательно, равнялся 24 арш. холста, которые стоили 2 рубля 40 коп. Еще выгоднѣе покупка дабъ была въ Нерчинскомъ краѣ. По словамъ сочинителя статьи прошлато столѣтія «Сибирь—золотое дно», сдѣсь промѣнивали на 5 рублевую лошадь

---

[18] Въ Кяхту было вывезено въ 1792 г. хлопчатой бумаги не болѣе 45 пудовъ. Письмо Радищева, въ Собраніи его сочиненій, Москва, 1811 г.

[19] Томскія Губернскія Вѣдомости 1865 г.

отъ 10 до 15 концовъ дабы; на деньги же дабы покупались по 2 р. и выше, и по тому за лошадь выручали такимъ образомъ свыше 30 рублей.

По этой выгодѣ Бухарскія ткани, по свѣдѣтельству Миллера, распространялись по всей Сибири даже до Камчатки. Сибирское населеніе въ прошломъ столѣтіи одѣвалось преимущественно въ этѣ ткани; правда, и изъ Россіи привозили еще въ XVII столѣтіи холстъ и крашенину; такъ, на примѣръ, въ 1652 г. было привезено въ Томскъ холста хрящу и тонкаго 17,085 арш., да крашенинъ портичныхъ и Ярославскихъ 413 концовъ; въ тотъ же годъ было привезено въ Томскъ зенденей 369 головъ, т. е., 4,416 арш.; удвоивая это количество, по тому что зендени были вдвое шире холстовъ, получимъ 8,832 арш. Да выбоекъ было привезено 60. Въ 1653 г. въ Томскъ было привезено Русскихъ тканей: холста 12,927 арш.; крашенинъ 355 концовъ; Бухарскихъ тканей 400, т. е., 9,600 арш., да 180 выбоекъ. Привозъ холщевыхъ издѣлій нѣсколько увеличится еще числомъ готовыхъ рубахъ и штановъ, которые тогда привозились въ Томскъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ о ввозѣ въ Сибирь Русскихъ холщевыхъ товаровъ, чтобъ сравнить съ нимъ ввозъ Бухарскихъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ за половину XVIII стол. Не смотря на неполноту нашихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ Архива Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ, мы можемъ и изъ нихъ заключать, какъ значительно усилился ввозъ бумажныхъ товаровъ изъ Бухаріи; мы можемъ принять среднимъ числомъ ввозъ хлопчато-бумажныхъ товаровъ, чрезъ Ямышевскую и Семипалатинскую крѣпости, въ 40,000 головъ ежегодно; въ то же время ввозились въ Сибирь бумажные товары изъ Китая, чрезъ Кяхту именно, въ половинѣ прошлаго столѣтія китаекъ отъ 150,000 до 180,000 тюней и дабъ отъ 60,000 до 70,000 концовъ, а въ концѣ столѣтія китаекъ болѣе 300,000 тюней и дабъ отъ 200,000 до 380,000 концовъ. [20] Китайскія китайки, по словамъ Радищева,

[20] Сборникъ Статист. Свѣд о Россіи, ч. 11, Историческія и Статистическія свѣдѣнія о Кяхтинской торговкѣ, ст. Самойлова.

употреблялись простымъ народомъ и въ Россіи, а дабы всѣ оставались въ Сибири; изъ нихъ и въ селахъ и въ городахъ дѣлали рубахи, зажиточные—повседневныя, прочіе—праздничныя. Въ Восточной Сибири Русскимъ холщевымъ товарамъ еще было затруднительнѣе соперничать съ Азіятскими бумажными товарами, по отдаленности этого края. По этому въ Сибири, по словамъ Радищева, въ прошломъ столѣтіи мало сѣяли льна. Въ Нерчинскомъ краѣ никто не зналъ, что такое гребень и веретено. Только послѣ 1792 г., т. е., съ года закрытія Китайскаго торга началось въ Сибири разведеніе льна въ большомъ количествѣ, и изъ Тары и Томска стали привозить холсты партіями въ Иркутскъ. До какой степени была важна для Сибири свободная торговля съ Азіей, можно видѣть изъ разсказа Радищева, что, послѣ закрытія Китайскаго торга, Сибирское населеніе, употреблявшее прежде рубашки изъ Китайской фанзы и китайки, должно было замѣнить первую тонкимъ Ивановскимъ полотномъ и миткалемъ, а вторую нитяными тканями Ярославскихъ фабрикъ и даже крашенной. Радищевъ, разсматривая послѣдствія запрещенія Китайскаго торга съ общегосударственной точки зрѣнія, дѣлаетъ заключеніе, что запрещеніе Китайскаго торга не имѣло вредныхъ послѣдствій для Русской промышленности. Но для Сибирскаго населенія, конечно, не все было равно промѣнять фанзу на миткаль, а китайку на крашенину.

Шелковыхъ товаровъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ вовсе не упоминается. Миллеръ упоминаетъ только двѣ шелковыя матеріи: дараи и монота; первая гладкая, или полосатая, и никогда не дѣлалась съ рисунками, въ наведеніи которыхъ Бухарцы были неискусны; она была шириной $^3/_4$ арш.; а длиной отъ 7 до 9 арш. Малые куски дараи цѣнились въ Ургѣ по 10 и 12 матъ, большіе по 20 матъ; въ Сибирь вывозились мало. Монота была разноцвѣтная, или шахматная; размѣры ея были въ родѣ кушаковъ, на которые она и употреблялась. Малые куски дѣлались въ $2^1/_2$, а большіе въ $3^1/_4$ арш.; какъ тѣ, такъ и другія, шириною въ $^3/_4$ арш. стояли въ одной цѣнѣ съ дараи.

Изъ мягкой рухляди Бухарцы привозили въ Сибирь, по свѣдѣтельству Миллера, ирбисовъ, рысей, волковъ, лисицъ, кор-

саковъ, степныхъ кошекъ, бобровъ, соболей и мерлушки. По нашимъ свѣдѣніямъ, было въ Ямышевъ и Семипалатинскую крѣпость привезено изъ Джунгаріи и Алтая:

въ	1747	1748	1749	1750	1752 г.
соболей	34	76	—	—	21
лисицъ	8	300	300	200	259
волковъ	4	5	300	300	269
корсаковъ	—	6	—	—	—
лисицъ и волковъ	—	—	—	235	50
овчинъ	55	на 7 лошад.		—	—
мерлушекъ	—	5	—	400	105
тулуповъ	—	200	—	254	—
рысей	—	—	—	—	4

Часть этой рухляди вывезена при караванахъ изъ Джунгаріи въ крѣпости на Иртышѣ, часть отдѣльными партіями Калмыковъ изъ Алтая, въ Русскіе рудники и Колыванскій заводъ. Все количество соболей, именно 131, которое сдѣсь показано, вывезенно изъ Алтая, изъ кочевьевъ Канскихъ и Каракольскихъ Калмыковъ. Отсюда же вывезены 4 рыси и 6 корсаковъ. Изъ остальной рухляди изъ Алтая вывязены 22 лисицы, 18 волковъ, 255 овчинъ и 40 мерлушекъ. Остальное все вывезено изъ Джунгаріи, именно: 1000 лисицъ, 860 волковъ, 485 волковъ и лисицъ вмѣстѣ, 470 мерлушекъ и 454 тулуповъ.

Ирбисъ, видъ кошки, въ Ургѣ стоилъ 10—15 въ матъ, Томскѣ 1 и 2 рубля. Рысь, по Бухарски шлеусюнъ, въ Ургѣ 7 и 10 матъ, въ Сибири рѣдко продавалась выше $1\frac{1}{2}$ рубл.; Бухарская цѣнилась хуже Сибирской.

Волки покупались по 5 и 6 матъ, а въ Томскѣ продавались по 60 и 70 коп.

Лисицы Бухарскія были въ одной цѣнѣ съ волками; какъ волки, такъ и лисицы Бухарскія были гораздо ниже Сибирскихъ. Средне-Азіятскія лисицы, по свѣдѣтельству Рычкова, шли въ Польшу и Украйну.

Корсаки, которые ловились также и въ верхнихъ частяхъ Иртыша, только въ небольшомъ количествѣ, изъ Джунгаріи привозились во множествѣ и шли въ Китай и Турцію. Одинъ корсакъ въ Ургѣ стоилъ 3 маты, въ Томскѣ 35, 40, а иногда и 50 коп. Въ Троицкѣ и Оренбургѣ ежегодно промѣнивалось до 40 и до 50 т. корсаковъ; Русскіе купцы, особливо Курчане, отправляли ихъ отсюда въ Турцію. Корсачья шкура служила у Киргизъ въ прошломъ столѣтіи мѣновой единицей вмѣсто денегъ, какъ одноголовная зендень въ Джунгаріи. [21]

Бухарскіе бобры считались ниже Китайскихъ и по величинѣ и по рѣзкости красокъ; въ Ургѣ стоили 15 и 20 матъ, въ Томскѣ 3 и 4 рубля. Барсы изъ Бухаріи не привозились.

Соболи привозились, какъ пишетъ Миллеръ, изъ Калмыцкой землицы Канкарагай. Такъ называлась горная возвышенность въ Алтаѣ, въ вершинахъ рѣкъ Кана и Чарыша, на которомъ кочевало Татарское племя Теленгитъ, извѣстное у окрестныхъ туземцевъ подъ именемъ Уранхайцевъ, а въ Русскихъ бумагахъ половины прошлаго столѣтія Канскихъ и Каракольскихъ Калмыковъ, у Риттера горныхъ Калмыковъ; этѣ Уранхайцы привозили соболей въ Колыванскій заводъ, въ Бикатунскую крѣпость, Чакырскій рудникъ и проч., а въ послѣдствіи, когда этѣ мѣста были закрыты для торговли въ 1746 г., стали вывозить въ Усткаменогорскъ, или Семипалатинскъ. Въ 1747 г. было вывезено соболей 34, въ 1748—76, въ 1752—21, всего 131 соболь. Вѣроятно, соболей было въ десятеро болѣе, по тому что въ Колыванскомъ заводѣ опись товаровъ производилась очень небрежно.

О мерлушкахъ у Миллера сообщены слѣдующія замѣтки: Привозимыя изъ Азіи въ Россію мерлушки различались на Бухарскія и Калмыцкія; первыя привозились прежде только въ Астрахань и назывались тамъ Трухменскими баранками; въ Сибирь же, пишетъ Миллеръ, только нѣсколько лѣтъ назадъ стали привозить ихъ. Калмыцкія же мерлушки, при большомъ вы-

---

[21] Ежемѣсячныя сочиненія, 1762 г. Оренбургск. Топографія, стр. 542.

возѣ изъ Сибири, продавались по 1 рублю и по $1^1/_2$ р.; черныя Калмыцкія продавались въ Тобольскѣ по 12 и 15 р. сотня, а на выборъ по 18 р.; въ Томскѣ была обыкновенная цѣна имъ 10 р. Бѣлыя Калмыцкія мерлушки стояли въ половинной цѣнѣ.

О сырыхъ кожахъ ни у Миллера, ни въ нашихъ свѣдѣніяхъ не упоминается, но на Иртышскую Линію пригоняли скотъ, о чемъ мы скажемъ въ послѣдствіи.

Ревень вывозился изъ Бухаріи въ половинѣ прошлаго столѣтія изрѣдка. Съ 1744 по 1757 г. ревень былъ привезенъ только два раза: въ 1744 г. было привезено Ламой Дашей 300 пудовъ; въ 1747 г. Юсупъ-Ходжа привезъ его 268 пуд. 17 ф.

Этотъ корень растетъ на Альпахъ около озера Хуху-Нора, близъ города Сининъ, который и до настоящаго времени извѣстенъ какъ первый рынокъ этого товара. Отсюда онъ расходился повсемѣстно на западъ и на сѣверъ, и въ томъ числѣ шелъ къ оз. Ямышу. Вѣроятно, въ XVII ст. и ранѣе онъ этѣмъ только путемъ и приходилъ въ Сибирь.

Едва ли не впервые упоминается объ его привозѣ въ Сибирь въ таможенной книгѣ города Томска, 1653 г. Въ этомъ году Бухарецъ Ширипъ Яріовъ привезъ съ озера Ямыша копытчатаго ревеню 9 пуд. и черенковаго 32 пуд. Въ 1657 г. вышелъ Указъ, запрещавшій частнымъ лицамъ торговать этѣмъ корнемъ подъ страхомъ смертной казни. Съ тѣхъ поръ онъ дѣлается предметомъ Государственной исключительной торговли и называется въ Русскихъ актахъ «секретнымъ коренемъ ревенемъ.» Съ установленіемъ торга на Кяхтѣ и съ завоеваніями Китайцевъ въ Бухаріи, Кяхта сдѣлалась главнымъ рынкомъ, чрезъ который ревень шелъ въ Европу; во времена Палласа его привозилъ въ Кяхту и ставилъ въ казну Бухаретинъ Абду-Саламъ съ сыномъ Адауломъ, наслѣдовавшій эту торговлю отъ своего отца, захватившаго ее съ самаго начала Кяхтинскаго торга. Этѣ Бухарцы были родиною изъ того самаго города Синина, близъ котораго ревень произростаетъ (у Палласа городъ названъ Селинъ). Въ 1752 г. ежегодный привозъ въ Сибирь простирался до 25,000 фунт.; при Екатеринѣ

привозъ ревеня увеличивается, и съ 1772 г. въ Кяхту сталъ ежегодно приходить караванъ изъ 30, или 40, верблюдовъ съ этимъ корнемъ. По Риттеру исключительная поставка ревеня принадлежала въ это время семейству Абдраимъ.

Впрочемъ, чрезъ Джунгарію ревень вывозили Бухарцы и въ позднѣйшее время. Въ 1801 г. было привезено въ Семипалатинскъ ревеню черенковаго 104 пуд. на 312 р. и копытчатаго 12 пуд. на 240 рубл.

Торговля ревенемъ, какъ въ Сибири, такъ и въ Джунгаріи, была исключительно Правительственной. Ревень, привезенный Юсупъ-Ходжей, принадлежалъ самому Джунгарскому Хану и былъ присланъ на собственныхъ Ханскихъ верблюдахъ. Въ Россіи, какъ выше сказано, торговля ревенемъ была запрещена частнымъ лицамъ въ 1657 г. Въ 1704 г. было поручено Иркутскому Воеводѣ, Ларіону Сенявину, покупать по 300 пуд. ревеню на юфти и мягкую рухлядь, которыя онъ долженъ былъ посылать къ Ямышъ озеру и въ Бухарскіе города Турфанъ и Камынь (Хами?). Частнымъ лицамъ подтверждено запрещеніе покупать у Бухарцевъ этотъ дорогой ревень, для надзора же за контрабандой Ларіонъ Сенявинъ долженъ былъ учредить особыхъ таможенныхъ головъ, и при помощи ихъ «вѣдать осмотръ ревеню» и частныхъ лицъ во всей Сибири; такимъ образомъ частныя лица и дома подвергались тогда въ Сибири многочисленнымъ обыскамъ отъ таможенныхъ кабацкихъ и ревенныхъ головъ.

Ревень, провозимый чрезъ Джунгарію, оказывался по большой части дурнаго качества; такимъ образомъ ревень, привезенный въ 1742 г., былъ возвращенъ купцамъ по негодности; той же участи подвергся и ревень, привезенный Юсупъ-Ходжей. Юсупъ-Ходжѣ предлагали за ревень указную цѣну 9 р. 80 коп. за пудъ, но онъ просилъ по 15 р.; проба была послана въ Петербургъ, по тому что въ Тобольскѣ не оказалось достаточно знающихъ людей; отказъ вышелъ только въ 1749 г., т. е., черезъ два года; Юсупъ Ходжа просилъ хранить ревень въ гостинномъ дворѣ до присылки отъ Хана подводъ, но ревень пролежалъ въ Ямышевѣ до 1757 г., когда Джунгарское Ханство

пало, и самъ послѣдній Ханъ его, Амурсана, сдѣлался Русскимъ подданнымъ.

Китайскій табакъ упоминается только разъ въ 1752 г. въ количествѣ 20 бахчей. Торговля этѣмъ произвдееніемъ существовала уже давно; Китайскій табакъ или шаръ Бухарцы привозили къ озеру Ямышу уже въ XVII стол., и вѣроятно ранѣе; шаръ, какъ и ревень, принадлежалъ къ числу запрещенныхъ товаровъ. Миллеръ не упоминаетъ его въ числѣ Бухарскихъ товаровъ, но помѣщаетъ въ числѣ Кяхтинскихъ. «Шаръ въ послѣдніе годы, пишетъ Миллеръ, цѣною поднялся цыбикъ до 25 и до 35 рубл., а для него и Китайскихъ курительныхъ трубокъ въ Сибири много покупаютъ.» [22] Это можно понимать въ такомъ смыслѣ: что цѣна шара повысилась не въ слѣдствіе малаго предложенія, а въ слѣдствіе увеличившагося запроса. Сибирь имѣла и свой табакъ, но онъ былъ, вѣроятно, дурнаго качества; для лѣченія Сибирской язвы въ Тобольскѣ покупали (1748 г.) пудъ табаку по 1 р. 70 коп., Черкаскій же табакъ продавали въ Барнаулѣ (1757 г.) по 17 к. фунтъ, т. е., по 6 р. 80 к. пудъ. Первые посѣвы табаку произведены, вѣроятно, въ Тобольскѣ; Крижаничъ видѣлъ табакъ, вырощенный въ Тобольскѣ изъ Греческаго сѣмени; въ Тюмени началъ разводить табакъ какой-то Украинецъ въ 1767 г. [23] Геодедизистъ Шишковъ, описывавшій въ 1742 г. Телецкое озеро, нашелъ уже въ окрестностяхъ его, по р. Лебеди, инородцевъ, воздѣлывающихъ табакъ.

Нашатырю, который былъ извѣстенъ въ Сибири подъ названіемъ Бухарскаго и вѣроятно добывался съ многочисленныхъ сольфатаръ Джунгаріи, было привезено въ 1747 г. 10 фунт. и въ 1752 г. 15 гиновъ. Бухарскій нашатырь продавался по $41\frac{1}{4}$ коп ф., и Нѣмецкій по 65 к. ф. По этому перваго расходилось

---

[22] Астрономъ Делиль встрѣтилъ этѣ мѣдныя трубки на пути своемъ изъ Тобольска въ Березовъ въ 1740 г. у Каримскихъ Татаръ, близъ деревни Сленкиной. См. Путеш. въ Березовъ, изд. Пекарскаго, стр. 36.

[23] Словцовъ, стр. 75.

въ Сибири больше. Нашатырь въ Сибири употреблялся въ большомъ количествѣ вмѣстѣ съ табакомъ для лѣченія Сибирской язвы.

Серебра было вымѣнено въ 1750 г. Русскими купцами 9 пудовъ 8 золотн., въ казну 1 пуд. 15 ф. 39 зол.; въ 1752 году 150 русей. Золота въ 1750 г. 13 золотниковъ. Казна вымѣнивала серебро на кирпичный чай и на сукно; фунтъ обходился по 9 р. 60 коп.

Рабы. Торговля рабами на Иртышѣ существовала во времена отдаленнѣйшей Сибирской древности; объ ней упоминается вмѣстѣ съ первыми извѣстіями о торговлѣ при озерѣ Ямышъ.

Киргизская степь въ половинѣ прошлаго столѣтія была такимъ же рынкомъ рабовъ, какъ нынѣ Туркменія. Киргизы не только нападали на проходившіе чрезъ ихъ землю караваны, но даже вторгались въ населенныя области сосѣднихъ Государствъ и уводили жителей въ рабство; почти до половины прошлаго столѣтія Русскія поселенія нынѣшнихъ Ишимскаго и Курганскаго округовъ были не безопасны отъ ихъ набѣговъ. Русскія деревни подвергались ихъ опустошенію, и въ половинѣ прошлаго столѣтія изъ степи иногда выбѣгали рабы и рабыни изъ Русскихъ; вѣроятно, впрочемъ, большая часть Русскихъ плѣнныхъ отправлялась въ продажу въ Туркестанъ. На оборотъ, жители Туркестана часто являлись на рынкѣ въ Ямышевѣ и въ крѣпости Св. Петра; нѣкоторыя времена отличались особеннымъ переполненіемъ рынка рабами; это были времена смутъ и войнъ въ средней Азіи. Такими временами были: смуты и паденіе Джунгаріи, походы Аблая на Каракалпаковъ и бѣгство Калмыковъ въ 1771 г. изъ Россіи въ Китай.

Въ 1740 году Джунгары, желая наказать Киргизъ за безпорядки на границѣ, совершили опустошительное нашествіе въ степь, послѣ котораго Киргизы присмирѣли до 1751 года, когда въ Джунгаріи начались смуты. Съ этого времени Киргизы начинаютъ вторгаться въ Джунгарскія кочевья, грабить и захватывать Калмыковъ и ихъ женъ въ плѣнъ. Много батырей прославилось тогда

отдаленностью и смѣлостью своихъ набѣговъ, какъ, на пр., Кашкарбай, Барыкъ-Батырь, Канбабай, Хоже-Мергень и другіе; по всѣхъ далѣе, конечно, проникалъ Аблай. Извѣстія, сохранившіяся объ нихъ въ Областномъ Архивѣ, приводятъ въ изумленіе: одинъ набѣгъ Албай совершилъ въ вершины Чернаго Иртыша; тогда Киргизы опустошили весь Алтай; ихъ шайки достигали до р. Катуни и Чуи; въ Тарбагатаѣ они проникали за камень Заиръ (нынѣшніе Сауры), въ долину Хобука; далѣе, они производили опустошенія по р. Бороталѣ, на урочищѣ Ирень-Хабирга, и наконецъ, подъ предводительствомъ Аблая, они проникли въ сердце Джунгаріи, до урочица Конъ-Тюбе-Ахаръ-Карагай, въ вершинѣ Или, т. е., до подошвы Мусарта или Ханъ Тенгри. Этотъ послѣдній набѣгъ былъ совершенъ зимой 1757 года, Киргизы выгнали тогда изъ Джунгаріи 385 плѣнныхъ, которые были, связанные и пѣшіе, приведены въ Киргизскіе улусы, подъ прикрытіемъ шайки Батырей Просагапа и Оуруса: они должны были пройти не менѣе 700 верстъ, подвергаясь суровостямъ зимы, утомительности далекаго путешествія; вѣроятно, болѣе половины погибло ихъ въ равнинѣ Балхаша. Положеніе рабовъ въ Киргизскихъ улусахъ было ужасное: ихъ били безпрестанно, по ночамъ держали связанными, а иногда днемъ въ цѣпяхъ, и кормили скудной пищей; тѣ, которымъ удавалось спастись бѣгствомъ въ Русскія крѣпости, всегда заканчивали свои показанія, что бѣжали «отъ нестерпимаго житія, отъ всегдашнихъ побоевъ и отъ голодной смерти.» Нечего и говорить, что семейныя узы рабовъ Киргизами пренебрегались и разрывались самымъ варварскимъ образомъ; для примѣра приводимъ два случая: въ Генварѣ 1763 года въ Семипалатинскую крѣпость выбѣжалъ изъ степи плѣнный, по имени Таймасъ; мать его была Башкирка, взята въ плѣнъ и жила у Киргиза вмѣсто жены; Таймасъ былъ сынъ этого Киргиза и этой Башкирки; когда Башкирка устарѣла, Киргизъ продалъ ее другому, а Таймаса оставилъ у себя въ холопствѣ. Въ 1750 г., въ Августѣ, въ Ямышевъ выбѣжала изъ Киргизскаго плѣна Русская дѣвица, Татьяна, которая была назадъ тому 20 лѣтъ взята въ плѣнъ съ пашни изъ Вагайской слободы Киргизами вѣдѣнія Баракъ-Салтана Басентійнской волости, при чемъ мужчины были побиты, а ребята и дѣвицы уведены въ степь. Татьяна досталась въ наложницы Киргизу Нуръ-Маметю, съ кото-

рымъ и прижила троихъ дѣтей; но другая его жена, Бола, постепенно убивала этѣхъ дѣтей и была до Татьяны «лиха». Когда волость приблизилась къ Иртышу, одинъ Киргизъ посовѣтовалъ Татьянѣ бѣжать въ Русскую крѣпость: она шла пѣшкомъ по ночамъ, безъ пищи, и шаталась по степи два мѣсяца, питаясь одними ягодами дикой смородины, и наконецъ вышла на Иртышъ.

Въ это время цѣны на рабовъ въ Ямышевѣ были необыкновенно ничтожны. Въ 1757 г. Тарскій юртовскій Татаринъ, Мурзалей Шиховъ, вымѣнялъ въ Верхъ-Иртышинскихъ крѣпостяхъ у вышедшихъ Калмыцкихъ Нойоновъ и Зайсановъ, подъ видомъ выкупа родственниковъ, до 20 холопей; цѣны, имъ данныя, были слѣдующія:

Баба, 40 лѣтъ, 12 руб. Бухарка, 40 лѣтъ, 12 руб.
Бурутка, 7 лѣтъ, 6 руб. Киргизъ, 20 лѣтъ, 10 руб.
Бухаретинъ, 34 лѣтъ, 12 руб. Бахарецъ, 30 лѣтъ, съ бабой 30 лѣтъ, меринъ одинъ съ жеребенкомъ и денегъ 6 рублей.
Бурутъ, 15 лѣтъ, 12 руб. Бурутка, 17 лѣтъ, 12 руб.
Бухаретинъ, 15 лѣтъ, 12 руб. Бухарка, 40 лѣтъ, 12 руб.
Бухарка, 16 лѣтъ, 12 руб. Бухарецъ, 13 лѣтъ, 8 руб.
Бухаретинъ, 12 лѣтъ, 1 меринъ и денегъ 1 рубль.
Бухарка, 12 лѣтъ, меринъ и двѣ желтыя зендени.
Киргизка, 40 лѣтъ, 1 меринъ и денегъ 6 рублей.
Бухарка, 30 лѣтъ, 1 меринъ, 1 кобыла съ жеребенкомъ и сукна цвѣтнаго 5 арш.
Бухарка 25 лѣтъ, кобыла съ жеребенкомъ и зипунъ сукна сермяжнаго.
Бухарецъ, кобыла и 10 коп. денегъ.
Дѣвка, 25 лѣтъ, сѣрый сермяжный зипунъ.

Такъ какъ всѣ этѣ народности: Буруты, Бухарцы, Киргизы принадлежали къ Мусульманскому міру, то должно думать, что Мурзалей Шиховъ выкупалъ ихъ не съ цѣлью будущей продажи, а изъ религіознаго побужденія доставить свободу своимъ угнетеннымъ единовѣрцамъ.

Въ 1757 году, въ Ноябрѣ и Декабрѣ, въ крѣпости Семипалатинской было вымѣнено у Киргизъ «ихъ дворовыхъ людей»: мужчина 21 года—за 5 юфтовыхъ красныхъ кожъ, цѣной на 7 руб. 50 коп., и мужчина 19 лѣтъ—за 5 аршинъ краснаго сукна, на 5 рублей.

Походовъ Аблая на Каракалпаковъ извѣстно намъ два: одинъ въ зиму 1746 и 1747 г., другой осенью въ 1762 году; оба были неудачны.

1771-й годъ опять доставилъ Киргизамъ множество плѣнныхъ, и поднявшаяся до того цѣна на рабовъ на Иртышѣ до 40 рублей, опять понизилась.

Коменданты крѣпостей и другіе Русскіе Чиновники очень хлопотали о пріобрѣтеніи рабовъ; они иногда сквозь пальцы смотрѣли на набѣги Казаковъ въ Киргизскіе улусы, которые выводили съ собой изъ степи полонъ и скотъ; Коменданты, Офицеры и Чиновники разбирали плѣнныхъ «въ услуженіе, и тотчасъ крестили, по тому что крещеныхъ уже и само Правительство не возвратитъ въ степь, хотя бы того требовали политическіе разсчеты. Подобный примѣръ описанъ въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Казаковъ, именно: въ Ноябрѣ 1743 года Сотникъ Дороховъ сдѣлалъ набѣгъ въ Казачью Орду съ отрядомъ 280 человѣкъ; онъ шелъ день и ночь въ продолженіи 5 сутокъ и при озерѣ Теке напалъ на Улусъ Алимбетъ-Батыря: 42 человѣка мужескаго и женскаго пола было взято въ плѣнъ, много побито и ранено, и захвачено 812 головъ скота. Скотъ и малыхъ ребятъ Дороховъ просилъ отдать «въ раздѣлъ» его командѣ, для поощренія; крупныхъ же плѣнниковъ разобрало высшее начальство края: Сибирскій Губернаторъ, Сухаревъ, взялъ женку Аимъ, Полковникъ Вендейгъ—женку Хурумзу и ея дочь, Секретарь Карташевъ—женку Сулуча и проч.; ихъ вскорѣ же и окрестили, такъ что, когда Оренбургскій Губернаторъ, Неплюевъ, сталъ хлопотать, по жалобѣ Аблая, о возвращеніи плѣнныхъ, то могъ только настоять на возвращеніи одного скота.

Иногда сосѣдніе инородцы, въ годы бѣдствій и голода, продавали въ Сибирь не только рабовъ, но и собственныхъ дѣтей;

такъ, на прим., Енкашъ и Дабхуръ, Старшины Алтайскихъ инородцевъ, по неимѣнію пищи, продали, въ 1756 году, переводчику Девятіяровскому мальчика и дѣвочку за 2 быка, 2 кирпича чаю, кожу красную и четверикъ крупъ. Старшины показывали въ послѣдствіи, что этѣ дѣти взяты переводчикомъ въ видѣ взятки за то, чтобъ не отправлять улусы ихъ на Волгу для соединенія съ Торгоутами, а оставить въ Алтаѣ. Въ томъ же году выборный при Таможнѣ Сарахановъ донесъ, что Капитанъ фонъ Траубенбергъ (извѣстный герой 1772 года въ Уральскѣ) и другіе чины получили отъ Калмыковъ въ братейство золото, серебро и жемчугъ, и силой вымѣняли у Казаковъ въ услуженіе Калмыковъ и Калмычекъ. Фонъ Траубенбергъ отъ вымѣна серебра, золота и жемчуга отперся, а на счетъ взятыхъ въ услуженіе написалъ: «вступившіе въ подданство Телеутскій Зайсангъ Бату-Менко, да Урянхайскіе Калмыки Вѣдомства Зайсанга Кулчугая, Старшины Янкашъ и Дабхуръ, 17 Ноября, 1756 года, объявили, что, за разграбленіемъ отъ Мунгальскаго войска, нѣсколько человѣкъ раненыхъ и малолѣтныхъ осталися въ горахъ и по тогдашнему зимнему воздуху и по неимѣнію у нихъ одежды могутъ, какъ гладомъ, такъ и отъ морозовъ, безвременно помереть, изъ которыхъ нѣкоторые мерли, а они, Старшины, себѣ ихъ взять не желаютъ, потому что и кромѣ посторонныхъ, но и собственными своими людьми какъ пропитаться, знать не могутъ; ибо по тогдашнему къ зимѣ отъ Мунгалъ разбитію многіе и безъ одежды скитаться принуждены. По объявленію Старшинъ, въ горы были посланы люди съ санями, и привезли раненыхъ и не имѣющихъ отцовъ и матерей, всего 20 человѣкъ, которые всѣ были наги и оголодали такъ, что доброю пищею и возстановить было сумнительно. Изъ нихъ 10 человѣкъ Старшины взяли себѣ, а 10 отдано Россіянамъ, по согласію Старшинъ съ Зайсаномъ Наугатомъ.» При этомъ Фонъ Траубенбергъ приложилъ договоры Старшинъ, которые всѣ были написаны въ слѣдующемъ родѣ: «Сержанту Ердыкееву Старшины Янкашъ и Дабхуръ подарили раненую бабу съ сыномъ, для пропитанія, въ вѣчное услуженіе.»

Торговля рабами долго и послѣ этого времени существовала на Иртышѣ. Въ спискѣ Средне-Азіятскихъ товаровъ, сдѣланномъ въ Семипалатинской Таможнѣ въ 1794 г. для составленія

статистическаго описанія Колыванскаго Намѣстничества, рабы упоминаются въ числѣ другихъ таваровъ. Въ Вѣдомости о торговлѣ по Прѣсногорьковской Таможенной заставѣ за 1801 годъ показано 16 рабовъ, купленныхъ по цѣнѣ отъ 25 до 50 рублей. Она даже просуществовала до царствованія Александра, и только Сперанскимъ была прекращена. Во время ревизіи послѣдняго торговля эта находилась въ слѣдующемъ состояніи: Киргизы, во время баранты, похищали дѣтей и привозили ихъ на мѣновые дворы, гдѣ вымѣнивались на товары мѣщанами, занимавшимися этѣмъ промысломъ. Цѣна ихъ сдѣсь была отъ 10 до 25 рублей; рѣдко была выше. Промышленники содержали ихъ въ неволѣ и изнуреніи отъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда производится вымѣнъ, до зимы, въ Декабрѣ же и Генварѣ, нагрузивъ ими повозки отвозили ихъ на Ирбитскую ярмарку, и тамъ продавали въ розницу купцамъ, или мѣщанамъ, которые ихъ опять перепродавали, или давали ими взятки (у Сперанскаго сказано мягче: «обращали въ подарокъ»).

Скотъ. Изъ Джунгаріи на Иртышъ выгоняли скотъ. Въ Верхне-Иртышскія крѣпости и въ Алтайскіе рудники было пригнано:

	коровъ и быковъ:	овецъ:	лошадей:
Въ 1747	31	10	»
1748	114	»	»
1750	376	327	243
1752	5690	960	1279

Скотъ этотъ пригонялся изъ ближайшихъ улусовъ кочевыхъ племенъ Джунгаріи, часть изъ долинъ Тарбагатая, часть изъ Алтая; Тарбагатайскій скотъ шелъ въ Семипалатинскую и Ямышевскую крѣпости; Алтайскій въ Бикатунскую крѣпость, Кабанову деревню и Чакырскій рудникъ, а также въ Устькаменогорскую крѣпость. Количество скота, пригнаннаго въ 1752 году, распредѣлялось по этѣмъ пограничнымъ мѣстамъ слѣдующимъ образомъ:

	лошадей.	рогат. скот.	овецъ
Семипалатинскую и Ямышевскую крѣп.	410	2100	60
Чакырскій рудникъ и Бикатунскую и Усть-Каменогорскую крѣпость.......	794	3590	900

Торговля скотомъ имѣла для Сибири такое же важное мѣстное значеніе, какъ и торговля хлопчато-бумажными товарами. Сибирь въ XVII и XVIII столѣтіи была бѣдна лошадьми и вообще скотомъ. Первые Русскіе поселенцы Сибири употребляли большую часть времени на завоевательныя предпріятія и на прибыльный пушной промыселъ; по тому въ первое время своего обладанія Сибирью этѣ поселенцы скорѣе были способны производить убыль скота и всѣхъ другихъ произведеній хозяйства въ странѣ, чѣмъ приращеніе. Поселенцы перваго времени состояли изъ трехъ неравныхъ разрядовъ; 1, людей служилыхъ, дѣлавшихъ открытія новыхъ земель и усмирявшихъ инородческіе бунты, продолжавшіеся до самаго XVIII столѣтія и далѣе, и по тому не имѣвшихъ времени заниматься ни скотоводствомъ, ни земледѣліемъ; 2, промышленныхъ людей, которые заняты были исключительно добычею пушнины, съ платою въ казну десятаго звѣря; этѣ тоже не находили достаточнаго времени для земледѣлія; наконецъ, 3, «опытовщики,» самый не многочисленный разрядъ; только этѣ исключительно занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, и снабжали первые два всѣми жизненными припасами. [24] Къ этому разряду нужно еще прибавить небольшое число Татаръ и Бухарцевъ, такъ же занимавшихся земледѣліемъ и скотоводствомъ еще до прихода Русскихъ. Но оба этѣ сословія не въ состояніи были вполнѣ прокармливать два первыя, которыя возрастали въ несравненно большемъ отношеніи посредствомъ сильнаго ежегоднаго наплыва гулящихъ людей изъ Европейской Россіи. По этому часто бывали случаи, что Сибирь терпѣла недостатокъ въ хлѣбѣ, или скотѣ. Между тѣмъ, во время подобныхъ случаевъ, изъ Европейской Россіи нельзя было и думать о пособіи: Уральскій не разчищеный хребетъ до такой степени затруднялъ сообщенія съ Сибирью, что торговыя отношенія Сибири съ своей метрополіей, Москвой, производились только разъ въ годъ, какъ и съ окрестностями озера Хухунора. По тому число лошадей въ Сибири никогда не могло въ то время достигнуть достаточной величины. Въ историческихъ актахъ сохранилось нѣсколько свѣдѣтельствъ объ этомъ; въ Томскѣ, Кузнецкѣ и Краснояр-

---

[24] Гагемейстеръ, Статистич. опис. Сибири, ч. II, стр. 312.

скѣ приходилась 1 лошадь на 3 служилыхъ человѣка; люди совершали свои странствованія по пустынямъ Сибири пѣшкомъ, волоча запасъ на себѣ въ нартахъ. Дорогъ не было; рѣки были единственными путями сообщенія, и Московскіе товары возились въ дощаникахъ по рѣкамъ; по тому-то тогда и установилось мнѣніе, что «владѣтель рѣкъ Сибири есть владѣтель и самой страны» (Крижаничъ). Для перевозки же товаровъ черезъ волоки и внутрь страны употреблялись нарты и гулящіе люди. Въ проѣзжихъ грамотахъ 1640 г. часто значится, что при транспортѣ товаровъ пропущено отъ 2 до 10-ти гулящихъ людей «для нартныя тяги». Посредствомъ нартной тяги доставляли и служилые люди пищевые и другіе припасы изъ одной рѣчной системы въ другую, какъ, на примѣръ, чрезъ Ленскій волокъ. Сборщики ясака ходили въ волости на лыжахъ, завоевательные походы также совершались большею частію зимой на лыжахъ; служилые люди, ходившіе за солью къ озеру Ямышъ, таскали соль на своихъ спинахъ отъ озера къ пристани, на что употребляли полдня. [25] Крижаничъ дѣлаетъ замѣчаніе, что если бъ мы сдѣсь же, у оз. Ямыша, завели торговлю скотомъ, то не ощущали бы въ немъ такаго недостатка.

Такое положеніе скотоводства первыхъ поселенцевъ вынуждало ихъ открывать торговыя сношенія съ инородцами скотоводами; съ этой цѣлью былъ открытъ въ 1609 году въ Томскѣ торгъ съ бѣлыми Калмыками, который продолжался до 1653 г. Калмыки пригоняли въ Томскъ лошадей и рогатый скотъ по нѣскольку разъ въ годъ, такъ что Томскіе Казаки писали, что они, благодаря этому торгу, скотомъ наполнилися; лошади отсюда отправлялись даже въ Енисейскъ. Правительство также съ своей стороны принимало мѣры къ увеличенію скота въ Сибири; оно обязывало поселенцевъ, при переселеніи въ Сибирь, имѣть при себѣ нѣсколько паръ домашнихъ животныхъ; иногда оно покупало скота въ Россіи и отправляло въ Сибирь для раздачи поселенцамъ. Выводъ лошадей изъ Сибири былъ запрещенъ во время Петра.

---

[25] «Русск. Госуд. въ XVII ст.», стр. 15.

Цѣны на Иртышѣ скоту были слѣдующія: съ 1748 года, при вымѣнѣ для казенной пашни на юфтовыя кожи, быки обходились въ 1 рубль и 1 р. 50 к., за которыхъ потомъ маркитанты давали по 5 рублей; лошади по 3 и 4 р. Во время проѣзда Палласа рогатый скотъ продавался по 2–4 рубля; лошади по 7, 15 и 20 руб., овцы по 30—40 коп. Мясо говяжье продавалось въ Сибири (въ Барнаулѣ 1757 г.) по 30—40 к. пудъ, масло коровье по 4 к. фунтъ, молоко прѣсное по 8 коп. ведро, свѣча сальная по деньгѣ.[26]

Въ половинѣ, и въ особенности въ концѣ, XVIII ст. количество скота въ Сибири значительно увеличилось; число осѣдлыхъ поселенцевъ стало въ это время возрастать; звѣропромышленники стали выходить на берега рѣкъ и селиться. Радищевъ говоритъ, что въ его время особенно было замѣтно, какъ звѣроловы стали выходить на Оку и Лену, для занятія земледѣліемъ; вмѣстѣ съ этѣмъ движеніемъ увеличивалось въ странѣ и количество съѣстныхъ припасовъ и скота. Аббатъ Шапъ въ 1761 г. уже нашелъ, что въ Тобольскѣ довольно экипажей, по тому что, объясняетъ онъ, сдѣсь дерево, лошади и кормъ ихъ въ очень низкой цѣнѣ. Но все таки недостатокъ скота и лошадей ощущался въ Сибири и въ половинѣ прошлаго столѣтія. Перевозка продовольствія на судахъ все еще оставалась исключительнымъ способомъ, и на Сибирскомъ населеніи продолжалась тяжелая повинность постройки дощаниковъ для этой цѣли.

Кромѣ того частыя опустошенія, которыя производила въ Сибири Сибирская язва, требовали постоянныхъ пополненій посредствомъ покупки у степныхъ народовъ. Сибирская язва въ прошломъ столѣтіи едва ли не была опустошительнѣе, чѣмъ нынѣ. Въ городѣ Тарѣ и въ Тарскомъ вѣдомствѣ, въ луговыхъ и дубровныхъ мѣстахъ, бывалъ ежегодно лошадиный и другому скоту упадокъ;[27] точно также каждый годъ падежи бывали и

---

[25] По свѣдѣніямъ, извлеченнымъ изъ Архива Областн. Правленія въ Омскѣ.

[26] Отвѣтъ Тарской Воевод. Канц. Секундъ-Маіору Гакенаку въ 1750 г.

въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ. [28] Судя по описанію болѣзни и по способу лѣченія, падежи происходили отъ Сибирской язвы. Одинъ изъ опустошительнѣйшихъ падежей былъ въ 1750 г.; онъ свирѣпствовалъ особенно въ Тарскомъ, Тобольскомъ и Тюменскомъ округахъ, гдѣ пало 4364 лошади; но также скотъ водился въ Краснослободскомъ, Туринскомъ, Верхотурскомъ и Ишимскомъ дистриктахъ, въ Пелымѣ, въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ, въ Томскомъ вѣдомствѣ, въ Чеусскомъ и Сосновскомъ остирогахъ и въ Бикатунской крѣпости; всего пало въ Западной Сибири 5337 лошадей; кромѣ того въ Верхъ-Иртышскихъ крѣпостяхъ заболѣло отъ той же болѣзни 241 человѣкъ, которые, однако жь, всѣ были вылѣчены.

Этѣ опустошенія, сопровождавшія начало Сибирской гражданственности, можетъ быть, слѣдуетъ приписать борьбѣ еще не свыкшихся съ климатомъ степныхъ породъ скота, ежегодно приводимыхъ съ юга, въ суровой и чуждой имъ Сибирской природѣ. Суровый климатъ и, при недостаткѣ скота сначала, утомительныя работы вели скотъ, приведенный съ юга, къ скорому изнуренію, за чѣмъ слѣдовали болѣзни и падежъ; изъ пригнанныхъ лошадей могли уцѣлѣть только немногія, одаренныя особыми свойствами. Такимъ путемъ, съ одной стороны, образовалась собственная Сибирская порода, съ другой это же породило Сибирскую язву.

Вывозъ.

О вывозѣ изъ Сибири сохранились извѣстія только за 1750 и 1752 годы. Въ этѣ два года были вывезены слѣдующіе товары:

	1750 г.	1752 г.
Юфтей	2,757	28,072
Сукна василькоʙаго, кармазиннаго, Голландскаго корковаго	294 арш.	572 арш.

[28] Промеморія Сиб. Гур. Канц., 3 Марта, 1748 г.

	1750 г.		1752 г.	
Епанечъ и кафтановъ висильковыхъ	—	»	24	
Сахару	35	пудъ	60	головъ.
Чаю кирпичнаго [29]	391	кирпичъ	11,326	кирп.
Выдръ	204		837	
Бобровъ Нѣмецкихъ и Русскихъ	288		700	
Краски кубовой или брусковой	5	пуд. 20 ф.	—	
Киноварн	20	ф.	—	
Меду	3	пуда.	—	
Перцу	3	пуд. 20 ф.	—	
Мишуры	400	цѣвокъ	14,300	цѣвок.
Румянъ	70	листовъ	3,300	листов.
Зеркалъ	452		4,200	
Олова въ тореляхъ	10	фун.	—	
Ящиковъ	—	»	13	
Котловъ мѣдныхъ	—	»	9	
Иголъ	—	»	7,000	

Русскіе въ Малой Бухаріи въ XVII столѣтіи.

Торговля Сибири съ Малой Бухаріей производилась при посредствѣ Русскихъ купцовъ и Бухарцевъ. Участіе Русскихъ купцовъ было, конечно, слабѣе, чѣмъ Бухарцевъ; по всей вѣроятности, оно постепенно увеличивалось, пока учрежденіе таможенъ на Иртышѣ и завоеваніе Джунгаріи Китайцами не положили этому конецъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, по сказкѣ вышедшаго изъ Джунгаріи 1746 году купца Алексѣя Верхотурова, въ Джунгаріи проживало для сбора долговъ Русскихъ купцовъ 21 человѣкъ, да кромѣ того въ подданство Галданъ-Церена вступило 23 мужчины и 2 женщины, которые жили въ разныхъ городахъ, въ Ургѣ,

29 Въ послѣдніе годы правленія Джунгаріей Галданъ-Церена отношенія послѣдняго къ Китаю сдѣлались дурны, и Китайцы прервали торговыя сношенія съ Джунгаріей. Въ слѣдствіе этого Китайскіе товары, и преимущественно чай, въ Джунгарію привозился, въ теченіи нѣкотораго времени, изъ Сибири, чрезъ Кяхту, Томскъ и Ямышевъ; и на оборотъ, въ то же время изъ Джунгаріи шли, чрезъ Семипалатинскъ и Кяхту, въ Китай Джунгарскій скотъ и верблюды, для Китайскаго войска, сражавшагося на поляхъ Джунгаріи.

Еркендѣ, Кашкарѣ, въ деревнѣ Аксускаго Акимъ-Бека, Гульбакѣ, и другихъ мѣстахъ. По разнымъ извѣстіямъ, собраннымъ тогдашнимъ пограничнымъ начальствомъ, въ Джунгаріи жили: города Устюга Иванъ Шубинъ съ племянникомъ и Терентій Рудаковъ, города Гороховца дворовый человѣкъ и прикащикъ Ширяева Иванъ Михайловъ, города Симбирска Илья Твердышевъ, Вологжанинъ, прикащикъ купца Шапкина, Иванъ Мыльниковъ, изъ Екатеринбурга Нефедъ Буринъ, Тобольскіе Ѳедоръ Плотниковъ, Иванъ Евсевьевъ, Иванъ Серебряковъ, Ѳедоръ Рыхторовъ и Иванъ Васильевъ, Тарскіе Иванъ Папов, Яковъ Лоскутовъ, Кузьма Суминъ, Герасимъ и Ѳедоръ Кузнецовы, и работникъ умершаго купца Бабушкина, Григорій Жулистовъ, Томскіе Михайло Греченинъ и Татаринъ Трапанъ Пьянковъ, изъ Малышевой слободы съ Оби Ѳедоръ Малышевъ, и изъ Иркутска Иванъ Литвинцевъ. Кромѣ того вышли въ 1745 году Тарскій разночинецъ Иванъ Ушаковъ и Тарскій Казакъ Семенъ Ушаковъ, разночинецъ Пономаревъ, Устюжскій купецъ Лука Журавинъ и прикащикъ Томскаго купца Мельникова Иванъ Брюховъ, да въ 1746 году купецъ Алексѣй Верхотуровъ.

Русскіе купцы жили въ Джунгаріи по 6, 7 и 8 лѣтъ; они разъѣзжали по Джунгаріи отъ Урги на Текесѣ до Яркенда и продолжали торговлю; такое продолжительное пребываніе въ Джунгаріи отчасти происходило отъ тогдашней вялости веденія торговыхъ дѣлъ: товары, завезенные въ страну, могли быть проданы только по истеченіи не менѣе 7, 8 лѣтъ; Бухарскіе товары были завезены въ Сибирь въ послѣдній разъ въ 1752 году и еще въ 1760 г., т. е., черезъ 8 лѣтъ, вывозились изъ Тобольска въ Киргизскую степь. Также, вѣроятно, и привлекательная жизнь на тепломъ югѣ, красота женщинъ и вольные Кашкарскіе нравы, [30] долго удерживали Русскихъ людей отъ выѣзда въ Россію. На требованіе Русскаго пограничнаго Начальства не задерживать Русскихъ купцовъ, Калмыки отвѣчали: «находящимъ тамъ (т. е., въ Малой Бухаріи) Россійскимъ купецкимъ людямъ имѣется свободность, и кто похочетъ обратно ѣхать, тѣмъ

---

[30] Въ Кашкарѣ существуетъ обычай жениться на опредѣленный срокъ, иногда

задержанія не чинится, а есть изъ тѣхъ Русскихъ и такіе, что товары свои пропили и проиграли, и пьянствуютъ тамъ, и другія непотребныя дѣла чинятъ, и за тѣмъ иные ѣхать оттоль обратно вскорѣ сами не желаютъ, а другимъ безъ товаровъ всякихъ, яко не съ чѣмъ и ѣхать стыдно.» Этѣмъ словамъ можно повѣрить, по тому что то же случалось съ Русскими людьми въ Пекинѣ; развязность Русскихъ въ Китайской столицѣ часто навлекала негодованіе Китайцевъ и служили поводомъ къ неудовольствіямъ между Китайскимъ и Русскимъ Правительствами.

Бухарцы въ Сибири.

Вмѣстѣ съ закладкой первой осѣдлости въ Сибири являются и Бухарцы, не только въ качествѣ купцовъ и миссіонеровъ, но даже и постоянныхъ поселенцевъ. Они старались вступить въ родство съ мѣстными владѣльцами, и на сколько были орудіемъ для управленія и сборовъ доходовъ страны, на столько и сами имѣли вліяніе на управленіе. Уже съ Кучумомъ, какъ мы упоминали, выѣхалъ изъ города Ургенца Бухарецъ Динъ-Али-Ходжа, женившійся на дочери Кучума, Налъ-Ханшѣ, и положившій начало Сибирской фамиліи Сеидовъ. Съ приходомъ Русскихъ выходъ Бухарцевъ и распространеніе Бухарской образованности въ Сибири не прекращается; XVII и половина XVIII столѣтій проходятъ въ борьбѣ двухъ образованностей между собою: съ одной стороны выставлено Христіянство и военное могущество, съ другой Исламъ и торговля. Въ то время уже, какъ Сибирь была занята Русскими войсками, Бухарцы распространили Исламъ на Татарскія племена: Аялы, Бараму, Чатъ, Еушты и друг., которыя находились подъ ихъ торговымъ вліяніемъ; Барабинцы были обращены въ Исламъ только въ 1745 г. какимъ-то Сеитомъ. Бухарскіе купцы разъѣзжали по всей Сибири даже до Иркутска, жили по 8 и болѣе лѣтъ въ Сибирскихъ городахъ и деревняхъ, составляли при нихъ многолюдныя Факторіи и, по сознанію самаго Сибирскаго Начальства, отлично знали состояніе Сибири. Джунгарскій Ханъ, Гал-

---

только на время пребыванія каравана въ городѣ; затворничества женщинъ, какъ въ другихъ Мусульманскихъ земляхъ, сдѣсь не существуетъ.

данъ-Церенъ, умѣлъ ими пользоваться, употребляя ихъ для посольства и, безъ сомнѣнія, благодаря имъ, зналъ Сибирь лучше, чѣмъ пограничный Генералъ Киндерманъ, его современникъ, зналъ о состояніи Джунгаріи. Рѣдко выѣзжавшіе Русскіе купцы подавали сказки, такъ мало знакомывшія съ тогдашнимъ состояніемъ Джунгаріи, что возстаніе Даваци и Амурсаны и всѣ другія событія въ Джунгаріи были неожиданностью для Сибирскаго Начальства.

Бухарцы совершенно господствовали въ торговлѣ Бухарскими товарами въ Сибири. Если Русскіе сами предпринимали торговыя поѣздки въ Джунгарію, то ни какъ не могли обойтись безъ прикащиковъ изъ Бухарцевъ; даже на Кяхтѣ торговцами произведеніями При-Хуху-Норской области явились Бухарцы; поставку ревеня на Кяхту во времена Палласа дѣлалъ Бухарецъ Абду-Саламъ, а до него занимался этой торговлей его отецъ почти съ самаго начала Китайскаго торга. Бухарцы сами разъѣзжали не только по Сибирскимъ городамъ, но и по деревнямъ, и вели розничную торговлю, или вели ее ихъ родственники, Сибирскіе Татары, или Бухарцы же, которые вступили въ Русское подданство. Усмотрѣть за этой торговлей не было ни какой возможности, а по тому контрабанда, т. е., продажа безпошлинно дозволенныхъ товаровъ, и, что особенно было важно для Русской казны, ввозъ и вывозъ запрещенныхъ товаровъ, достигли въ Сибири значительныхъ размѣровъ; по этому Бухарцы всегда вывозили изъ Сибири на гораздо большую сумму, чѣмъ ввозили. Въ числѣ запрещенныхъ къ вывозу товаровъ была мягкая рухлядь; между тѣмъ это было единственное произведеніе, на которое могли Сибирскіе инородцы вымѣнивать дешевыя ткани Бухаріи; обращеніе этого произведенія въ Государственную исключительную торговлю имѣло роковое значеніе для Сибирскаго населенія, которое, вѣроятно, до прихода Русскихъ уже успѣло привыкнуть къ нѣкоторому удобству, доставляемому Бухарской торговлей. Эта Государственная мѣра, безъ всякаго сомнѣнія, сближала инородцевъ болѣе съ Бухарской народностью, чѣмъ съ Русской. Вотъ чѣмъ легко можно объяснить и легкое распространеніе Ислама и Татарскаго языка не только между туземными Татарскими племенами, но даже и между Самоѣдами и Остяками.

Въ этомъ отатареніи Сибири участвовали одновременно съ Бухарцами и Татары, выходившіе изъ Европейской Россіи, и тѣ Бухарцы, которые родились въ Сибири и были давно Русскими подданными. Исламъ связывалъ ихъ на столько, что и Татары, а не только Сибирскіе урожденцы-Бухарцы, тяготѣли къ Бухарскимъ выгодамъ; иногда Бухарцы становятся посланцами и ходатаями предъ Русскимъ Дворомъ отъ Тобольскаго и Тарскаго Татарскихъ обществъ, какъ, на примѣръ, въ 1751 г., Бухаретинъ Мурзалей Шиховъ.

Бухарцы не только господствовали въ Сибирской торговлѣ произведеніями своей родины, но даже, на ряду съ Русскими купцами, были посредниками въ торговлѣ Сибирскими и Русскими товарами между Сибирскими городами; главнымъ скупщикомъ лосинныхъ кожъ въ Томскѣ, въ 1652 г., былъ Бухаретинъ Сафаръ Абулинъ, который отправлялъ ихъ въ Тобольскъ, и въ то же время онъ и другой еще Бухарецъ, Азейка-Баба-Сеитовъ были единственными доставщиками ржи изъ Тобольска въ Томскъ.

Въ XVII ст. вѣроятно, и вся внутренняя торговля въ Сибири была въ ихъ рукахъ, какъ это было, безъ сомнѣнія, до прихода Русскихъ въ Сибирь; было нужно цѣлыхъ полтора столѣтія, чтобъ Русскіе отняли у нихъ эту исключительность. Только развѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, можно сказать, Русское вліяніе водворилось повсемѣстно въ Сибири.

Бухарцы, выѣзжавшіе въ разное время въ Сибирь и поселявшіеся въ ней, составили особое Сибирское сословіе. Историческія свѣдѣнія о первыхъ переселеніяхъ Бухарцевъ въ города Сибири скудны; въ 1698 году, Указомъ 28 Марта, было велѣно Бухарцевъ спросить въ Приказной Палатѣ въ Тобольскѣ, давно ли они, изъ какихъ земель выѣхали и по какимъ даннымъ, или крѣпостямъ, владѣютъ землями и дворами? Къ сожалѣнію, до насъ не дошли этѣ сказки. Намъ приходится довольствоваться отрывочными свѣдѣніями, заключающимися въ Бухарскихъ обществахъ, преданіемъ.

Первый извѣстный поселенецъ изъ Бухарцевъ былъ Динъ-Ала-Ходже, выѣхавшій еще при Кучумѣ; въ Тюмени Бухарцы

поселяются въ 1596 г. [31] въ 1652 г., уже упоминается уроженецъ Томска, Бухаретинъ Ширинъ Яріовъ; въ 1709 г. вышелъ изъ Бухаріи Билихты-Дранжанъ-Имачи Журбаевъ съ товарищами, всего 41 человѣкъ, и поселился съ ними въ Тарѣ; въ 1832 году потомки ихъ считались въ Порушной волости, всего 133 души. [32]

Можетъ быть, одновременно съ Журбаевымъ вышелъ и Абазъ-Бачки Шейхъ изъ города Серайма, положившій начало Тарской фамиліи Шиховыхъ, одинъ изъ членовъ которой, Алимъ Шиховъ, съ 1742 г., былъ постояннымъ Агентомъ Русскаго Правительства въ средней Азіи. По семейному преданію, предки этой фамиліи назывались Шейхами и происходили отъ внука Али, Имама Зейнулъ-Абидаха, сына Имамъ Хусейна; потомки Имама перешли изъ Аравіи въ Бухарію и были правителями города Серайма, но въ послѣдствіи, когда образовалось тутъ Коканское Правительство, лѣтъ за 150 передъ симъ, пишетъ въ своемъ прошеніи потомокъ Шиховыхъ 1846 г., Маметей Мурзалеевъ Шиховъ, прадѣдъ мой Абазъ-Бачки Шейхъ изъ Серайма вышелъ въ Россію, склонивъ къ тому многихъ Бухарцевъ (Дѣло Главнаго Правленія Западной Сибири, № 4081, по прошенію Тарскаго Бухарца Маметея Мурзалеева Шихова). Вѣроятно, подобно фамиліи Шиховыхъ, и другія Бухарскія фамиліи хранятъ въ своей памяти преданія о выходѣ ихъ предковъ изъ Бухаріи; собраніе и обнародованіе этѣхъ преданій имѣетъ большую важность для исторіи Сибирской населенности.

Въ 1761 г., по переписи Щербачова, Бухарцевъ считается въ Тарѣ 105, и въ Уѣздѣ 669 душъ.

Въ Тобольской Губерніи по 7 ревизіи считалось въ округахъ: Тобольскомъ 1404 души, Тюменскомъ 977, Ялуторовскомъ 43, Туринскомъ 5, Тарскомъ 935, и того 3346 душъ, а кромѣ того въ Ишимскомъ округѣ Ташкинцевъ 37. Въ 1838 г., по

---

[31] Сибирская ист., Миллера, въ Ежемѣс. Соч., 1760 г.

[32] Прошеніе довѣрителя Парушной волости Ніяза Кучукова, 28 Марта, 1832 года.

Гагемейстеру, въ разныхъ городахъ Тобольской Губерніи считалось Бухарцевъ 4437 д. м. п., и 4073 д. ж. п., и того 8510 душъ обоего пола.

Въ Томской Губерніи по 6 ревизіи 128 душъ, по 7-й 131. Кромѣ того въ настоящее время Бухарцы живутъ въ городахъ Петропавловскѣ, Семипалатинскѣ и Устькаменогорскѣ.

Сословіе это хотя и немногочисленно, но, по своему купеческому искуству, грамотности, нѣкоторымъ услугамъ, оказаннымъ Сибири, заслуживаетъ вниманія; ему обязана Сибирь началомъ нѣкоторыхъ родовъ промышленности; безъ всякаго сомнѣнія они была первыми основателями земледѣлія въ Тобольской Губерніи, существовавшаго тамъ уже до прихода Русскихъ; преданіе приписываетъ имъ введеніе кожевеннаго и ковроваго производства въ Тюмени; [33] Бухарецъ Аширъ вывезъ изъ Западнаго Китая Китайскую пшеницу, извѣстную теперь подъ именемъ дорогой; онъ же открылъ въ Каркаралинскомъ округѣ минералъ, названный по его имени, аширитомъ.

Путешественники прошлаго столѣтія вообще отзывались о Бухарцахъ съ хорошей стороны. Белль и Делиль хвалятъ ихъ за опрятность, гостепріимство и честность. «Благодаря послѣднему качеству, говоритъ Бель, и прочіе торговые люди имѣютъ къ нимъ великую довѣренность.» Кромѣ этѣхъ Мусульманскихъ качествъ, они отличались также своего рода образованностью. Они вывозили изъ Бухаріи книги и занимались наукой. До появленія въ Сибири плѣнныхъ Шведовъ послѣ Сѣверной войны, Бухарцы были самые образованные люди въ Сибири. У нихъ встрѣчались историческія и географическія сочиненія. Шведъ Таббертъ нашелъ, у одного Бухарца въ Тобольскѣ извѣстную хронику Абульгази, и обнародовалъ ея переводъ. Спутникъ Делиля, Кенигсфельдъ, сошелся въ Тобольскѣ съ однимъ Татариномъ, Габисъ-Алимомъ. Слово алимъ, по объясненію самаго Кенигсфельда, значитъ рап-

---

[33] Памят. кн. Тоб. Губ. на 1864 г., въ ст.: «Описаніе городовъ Табольской Губ.,» стр. 79.

sophos, т. е., человѣкъ, обладающій всѣми знаніями. Ученый Татаринъ принесъ Кенигсфельду въ подарокъ Арабскую рукопись въ четверку, заключавшую въ себѣ дѣянія нашего Спасителя. Онъ ее передалъ, какъ очень любопытную, узнавъ, что Кенигсфельдъ Христіянинъ. У Габисъ-Алима была еще другая важная рукопись: въ ней излагалась Татарская астрономія съ раскрашенными буквами и изображеніями и было нѣчто о теченіи времени. Хозяинъ цѣнилъ ее дорого и продалъ Делилю. Касательно содержанія книги Алимъ разсказывалъ, что по ея счисленію міръ существовалъ прежде Адама 620,000 лѣтъ, и что съ Адама до нашего времени прошло около 7000 лѣтъ.

Въ сношеніяхъ съ Средней Азіей Бухарцы были не избѣжны; Правительство часто употребляло ихъ по дипломатической и торговой части; въ 60 годахъ прошлаго столѣтія Бухаретинъ Алимъ Шиховъ употреблялся постоянно въ посылки въ Киргизскую степь для развѣдыванія объ «иностранныхъ обращеніяхъ.»

Цѣня этѣ качества и желая покровительствовать Бухарской торговлѣ, Русское Правительство награждало Бухарцевъ преимуществами, какъ, на прим., льготой отъ рекрутской повинности, правомъ безпошлинной торговли и правомъ покупки земель; кромѣ того, при выходѣ ихъ изъ Бухаріи съ цѣлью поселиться въ Сибири, они иногда получали еще денежныя награды; такимъ образомъ Мачи Журбаевъ съ товарищами, вышедшіе въ Тару, были награждены единовременнымъ жалованьемъ по 20 рублей каждому и хлѣбомъ и солью «по Указамъ», отъ чего они, однако жь, отказались.

Грамоты, которыми Правительство снабжало выходящихъ Бухарцевъ и на которыя они въ послѣдствіи ссылаются въ своихъ прошеніяхъ, заключаютъ въ себѣ обезпеченіе имъ нѣкоторыхъ льготъ безъ опредѣленія срока, въ слѣдствіе чего въ послѣдствіи и возникло въ Сибири Бухарское привилегированное сословіе. Грамота Михайла Ѳедоровича, отъ 3 Ноября, 1645 года, освобождаетъ Бухарцевъ отъ платежа выдѣльнаго хлѣба; грамота 1687 г. даетъ права проѣзда по Русскимъ городамъ и свободы отъ суда, кромѣ дѣлъ уголовныхъ; 5 Марта 1701 г. предоставлены

права пользоваться купленными и закладными землями и свобода отъ платежа тягла и отъ службы; 23 Марта, 1724 г. подтвержденъ Указъ 1701 г. не брать съ Бухарцевъ рекрутъ, ради ихъ иноземства и за доброхотный выѣздъ; 20 Августа, 1769 г., и 19 Декабря, 1787 г., предоставлено Бухарцамъ право учредить свой Словесный Судъ и свобода отъ мѣщанскихъ службъ и податей, съ оставленіемъ на правѣ ясачныхъ.

Основываясь на этѣхъ грамотахъ, Бухарцы пользовались многими привилегіями на равнѣ съ Дворянствомъ, не ставили рекрутъ, покупали земли и безпошлинно торговали, платя ничтожный и, вѣроятно, не однообразный ясакъ; Тарскіе, на прим., Бухарцы Порушной волости платили съ 1712 года по 1767 г. по 5 горносталей и деньгами по 50 коп. Щербачовъ, изучавшій бытъ инородцевъ по порученію Правительства въ 1764 г., нашелъ, что въ разныхъ городахъ Сибири Бухарцы, за дачею имъ по прежнимъ Указамъ льготы, живутъ многіе годы безъ всякаго въ казну платежа праздно, а нѣкоторые, хотя по старымъ грамотамъ обложены, точію весьма малымъ оброкомъ, а именно въ Тобольскѣ съ 800 душъ платятъ 78 р. 46³/₄ коп. сбору бываетъ, а они промыслы по купечеству имѣютъ довольные.

Въ концѣ XVII ст. Правительство начинаетъ стараться обложить Бухарцевъ податями на равнѣ съ прочими жителями Сибири. 28 Марта, 1698 года, выходитъ Указъ о взиманіи съ Бухарскихъ земель податей, а съ торговыхъ Бухарцевъ оброка, смотря по пожиткамъ и промыслу, «по тому что они многіе годы живутъ въ льготѣ, землями владѣютъ, утѣсненія и обидъ въ ихъ Вѣрѣ нѣтъ; а Русскіе посадскіе и Татара служатъ въ службѣ; и того нѣтъ и въ Бусурманскихъ странахъ, чтобъ пришлому иностранцу жить безъ всякой дани и землями владѣть и торговать свободно.» Съ цѣлью приведенія ихъ земель въ извѣстность, въ Тобольскъ былъ присланъ переписчикъ Иванъ Кочановъ, который сталъ облагать Бухарцевъ налогомъ съ ржаной десятины по 2 гривны, съ овса и ячменя по гривнѣ, а съ сѣнныхъ покосовъ по деньгѣ въ годъ. Это вызвало со стороны Тобольскихъ Бухарцевъ просьбу, поданную Муллою Максюткой Алимовымъ, 16 Іюля, 1701 г., въ которой они писали, что они разорились отъ недав-

нихъ пожаровъ и наводненій, а по тому просятъ, ради ихъ иноземчества, убавить оброкъ на 5 алтынъ съ ржаной десятины, и 10 денегъ съ яровой десятины. Челобитье ихъ утверждено.

Съ этого времени до 1828 года продолжаются попытки Русскаго Правительства прекратить дарованныя льготы, а Бухарцы протестуютъ противъ нихъ, въ своихъ прошеніяхъ Бухарцы ссылались на данныя имъ грамоты, стараясь представить дарованныя имъ льготы вѣчными въ награду за предпочтеніе новаго отечества старому. Въ прошеніи, поданномъ въ 1701 г. Муллой Максюткой Алимовымъ, Тобольскіе Бухарцы писали, что ихъ дѣды и отцы выѣхали въ Россію и кормились пашенными, купленными, закладными и данными землями и сѣнными покосами, и Указами 1645, 1649, 1669 и 1687 гг. имъ дарованы права, ради иноземчества и за выѣздъ въ Россію, изъятіе отъ платежа выдѣльнаго хлѣба и пятиннаго хлѣба и пятой и десятой денежной пошлины и отъ всякой службы, по чему у нихъ «изстари ни какихъ оброковъ не бывало». [34] Въ 1761 году пограничное начальство Сибири искало переводчика Бухарскаго и Киргизскаго языка, знакомаго вообще съ Средней Азіей и способнаго быть лазутчикомъ въ Киргизской степи; на предложеніе это въ Тарѣ, выборные отъ Тарскихъ юртовскихъ Бухарцевъ, Кучукъ Абреимовъ и Карандатъ Жаминъ, подали челобитныя и просили ихъ отъ этой службы уволить. Бухарцы писали, что по грамотамъ Сибирскаго Приказа, 17 Сентября, 1687 г., и 20 Іюня, 1701 г., и по Указу Сената 19 Марта, 1724 г., за добровольный ихъ выходъ въ Россію, ихъ не велѣно, не только въ дальнія посылки, но даже и въ подводы и работы, опредѣлять; кромѣ того, изъ нихъ никого нѣтъ прожиточныхъ, а также и бывшихъ въ Киргизской степи (?). Бухарцы, Алимъ Байзы Шиховы, Сеиды Бахметевъ и Зейнуди Бабинъ въ рапортахъ написали, что изъ нихъ 180-ти человѣкъ прожиточныхъ имѣется только двое: Алимъ Шиховъ и Арембаки Ашировъ, которые и въ Зенгоріи бывали; изъ нихъ Алимъ Шиховъ самъ вызвался на службу. [35]

---

[34] Полн. Собр. Зак., т. IV, стр. 169.

[35] Слѣдующая далѣе исторія опредѣленія правъ Бухарцевъ основана на свѣдѣ-

Въ 1764 г. Щербачовъ, посланный въ Сибирь для улучшенія быта инородцевъ, нашелъ, что Бухарцы платятъ, сравнительно съ другими жителями Сибири, мало, и представилъ предположеніе объ увеличеніи съ нихъ ясака. Послѣ него, Тарскіе юртовскіе Бухаретины платятъ съ 1767 г. до 1824 г. по 1 руб. 70 к. съ души.

Въ 1822 г. вышло Сибирское Уложеніе; Сибирскіе инородцы, извѣстные до того подъ названіемъ ясачныхъ, раздѣлены въ Уложеніи по своимъ правамъ на осѣдлыхъ, кочевыхъ и бродячихъ; о Бухарцахъ въ Уложеніи ни чего не было сказано. Въ слѣдствіе этого молчанія Уложенія Сибирское Начальство стало примѣнять къ Бухарцамъ правила объ осѣдлыхъ инородцахъ, что вызвало со стороны Тобольскихъ, Тюменскихъ и Тарскихъ Бухарцевъ прошеніе, поданное 7 Іюля, 1823 года за подписью повѣренныхъ Ніятбаки Айтмаметева, Абдулъ Залила Якубова и Маметея Шихова. [36] Въ этомъ прошеніи Бухарцы снова хлопочатъ о подтвержденіи тѣхъ льготъ, которыя были даны имъ ради иноземчества и за доброхотный выѣздъ полтора столѣтія назадъ; они пишутъ, что молчаніе Уложенія о Бухарцахъ они принимаютъ не иначе, какъ за обезпеченіе имъ «спокойствія и священнѣйшаго уваженія правъ ихъ, тѣмъ болѣе, что три малочисленныя общества ихъ сословія, въ городахъ Тобольскѣ, Тюмени и Тарѣ обитающія, состоя подъ общимъ управленіемъ премудраго и благодѣтельнаго закона, по образу жизни и самой промышленности, ни мало не заслуживаютъ лишенія правъ, издревле дарованныхъ»; за тѣмъ они просили разъяснить Сибирскому Начальству, чтобы оно не смѣшивало ихъ съ осѣдлыми инородцами.

Журналомъ Сибирскаго Комитета, Высочайше утвержденнымъ 28 Генваря, 1824 г., вопросъ о Бухарцахъ оставленъ полу-

---

ніяхъ, извлеченныхъ изъ Дѣлъ Главн. Управл. Зап. Сибири, о составленіи правилъ для торгующихъ Бухарцевъ, № 1093.

[36] Рапортъ Тарской Воевод. Канц. 17 Генв., 1761 г. Архивъ Правленія Области Сиб. Губ., т. LVII, стр. 544.

разрѣшеннымъ. Объясненіе, сдѣланное Бухарцами относительно молчанія о нихъ въ Сибирскомъ Уложеніи, Журналъ Сибирскаго Комитета принялъ только въ такомъ смыслѣ, что Уложеніе оставляетъ неопредѣленными одни права Бухарцевъ по торговлѣ; опредѣленіе же прочихъ правъ Журналъ отыскиваетъ слѣдующимъ образомъ. Разсмотрѣвъ грамоты, относящіяся до Бухарцевъ, именно 1645, 1688, 1701, 1764, 1769 и 1787 г., [37] Комитетъ нашелъ, что этѣми грамотами, кромѣ особеннаго покровительства ихъ промысламъ, Бухарцамъ не было предоставлено никакихъ особенныхъ преимуществъ; однимъ словомъ, онъ отрицалъ вѣчность тѣхъ льготъ, которыя были дарованы за иноземчество и, вопреки мнѣнію самихъ Бухарцевъ, за исключеніемъ правъ по торговлѣ, считалъ въ остальномъ равными съ прочими жителями Сибири. А такъ какъ Бухарцы дѣлились на два разряда, на земледѣльцевъ и на занимающихся торговлей, то Комитетъ и нашелъ справедливымъ, на земледѣльцевъ Бухарцевъ распространить во всей силѣ правила Сибирскаго Уложенія объ осѣдлыхъ инородцахъ, опредѣленіе же правъ торговли торгующихъ Бухарцевъ предоставить мѣстному начальству Западной Сибири, какъ болѣе знакомому съ условіями края, рекомендуя ему сохранить согласіе съ общимъ духомъ Манифеста 1 Генваря, 1807 года, «дабы ни въ какомъ случаѣ заѣзжіе иностранцы не пользовались преимущественными выгодами въ ущербъ вѣрноподданному купечеству.»

Ходъ опредѣленія торговыхъ правъ Бухарцевъ тянулся до 12 Февраля, 1834 года, когда они были установлены мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Для опредѣленія этѣхъ правъ въ Сибирскіе Окружные Совѣты были приглашены почетные члены отъ мѣстнаго Русскаго купечества и депутаты отъ Бухарскихъ торговыхъ обществъ, Тобольскаго, Тюменскаго, Тарскаго и Томскаго. Русскіе купцы въ своихъ запискахъ жаловались на неравенство правъ, и доно-

---

[37] Бухарцы въ своемъ прошеніи ссылались на грамоты 1645, 1687, 29 Іюля, 1734, 12 Генваря, 1741, и 9 Декабря, 1787 г.

сили, что Бухарцы самовольно присвоили себѣ права безпошлинной торговли; что грамоты, на которыя они ссылаются, предоставляли имъ свободную торговлю только «своимъ товаромъ», т. е., Бухарскими тканями, дабами, выбойками и проч.; относительно же торговли Русскими товарами Бухарцамъ не было предоставлено ни какихъ особыхъ преимуществъ передъ Русскими купцами. Это было сдѣлано въ современныхъ видахъ развитія торговли съ Средней Азіей, когда Русское купечество въ Сибири было малолюдно; когда вышло положеніе о гильдіяхъ, и купцы стали оплачивать свои права высокой пошлиной, Бухарцы съумѣли отклонить отъ себя распространеніе этѣхъ правилъ и не только стали пользоваться безпошлинно правами, присвоенными всѣмъ тремъ гильдіямъ, но захватили въ свои руки даже торговлю мѣщанъ и посадскихъ. Присвоивъ такія права, бухарцы оставили торговлю съ Средней Азіей, стали торговать одними Русскими товарами между Сибирскими городами и, такимъ образомъ, удалились отъ того значенія, во имя котораго были покровительствуемы закономъ. Пользуясь этѣми преимуществами, Бухарцы стали подрывать торговлю Русскихъ купцовъ пониженіемъ цѣнъ и злоупотребленіями, продавая право вести торговлю отъ своего имени лицамъ, не имѣвшимъ правъ торговли. Такимъ образомъ, часто богатые Русскіе люди, избѣгая пошлинъ за гильдейскія права, торговали безпошлинно, прикрываясь именемъ какого ни будь бѣднаго Бухарца, платя ему за то ничтожное количество денегъ. Привилегіи Бухарцевъ были такъ заманчивы, что многіе инородцы, не будучи выходцами изъ Бухаріи, записывались въ Бухарцы, «по простотѣ прежняго времени».

Бухарцы въ своихъ запискахъ старались отвергнуть доводы Русскихъ Депутатовъ, и такимъ образомъ въ Сибири возгорѣлось прѣніе между Бухарцами и Русскими купцами, доходившее до взаимнаго поруганія.

Тобольскіе Бухарцы написали огромную записку, къ сожалѣнію, не заключающую въ себѣ ни какихъ подробностей о бытѣ, правахъ, устройствѣ и исторіи Бухарскаго торговаго общества въ Сибири. Она наполнена только выраженьями о прежнихъ заслугахъ предковъ и о надеждахъ, какія они возлагаютъ на Мо-

нарха, внука «Великія Монархини, Всемилостивѣйшей покровительницы Бухарцевъ.»

Какъ ни были основательны объясненія смысла Царскихъ грамотъ, данныхъ Бухарцамъ, дѣланныя Русскими купцами, Бухарцевъ было трудно убѣдить въ томъ, что они незаконно пользуются своими привилегіями. Выраженія «оставить на прежнихъ правахъ,» употребляемыя въ теченіи цѣлыхъ полутораста лѣтъ при разрѣшеніи Бухарскихъ прошеній, возникавшихъ при намѣреніи измѣнить ихъ права, подтвержденія старыхъ правъ, дѣлаемыя въ позднѣйшее время, въ смыслѣ согласія на сохраненіе установившихся въ послѣдствіи сами собою особенныхъ преимуществъ, были вполнѣ достаточны, чтобъ воспитать въ Бухарцахъ увѣренность, что ихъ привилегіи обезпечены самимъ законодательствомъ и коренятся въ самихъ древнихъ грамотахъ, въ дѣйствительности безгласныхъ объ этомъ предметѣ. Бухарцы приводятъ нѣсколько случаевъ, доказывающихъ, что само Правительство, даже въ позднѣйшее время, признавало ихъ особенныя права: такъ, на прим., недавно Тобольскій служилый Татаринъ, Курбанъ Баніевъ, за свои услуги по заграничнымъ Азіятскимъ дѣломъ, былъ пожалованъ Императоромъ Александромъ I золотою медалью и возведеніемъ изъ служилаго состоянія въ члены Бухарскаго торговаго общества; если бъ Правительство не признавало за послѣднимъ особыхъ наслѣдственныхъ правъ, то подобная перемѣна званія не имѣла бы смысла награды; а если Бухарцы будутъ сравнены съ осѣдлыми инородцами, или Государственными крестьянами, то награда Курбанъ Бакіева обратится въ наказаніе.

Бухарцы съ гордостью расписываютъ заслуги, оказанныя ихъ предками Россіи; они разсказываютъ цѣлую исторію, хотя и смутную, объ соревнованіи, какое оказывали ихъ предки въ осуществленіи плановъ Петра Великаго относительно Средней Азіи, какъ они «прославляли Россію въ Средней Азіи за покровительство Бухарскому торговому обществу,» и какъ тѣмъ не только пріохачивали новыхъ переселенцевъ въ Сибирь, но и поселили въ Средне-Азіятскихъ владѣльцахъ уваженіе къ Россіи. Пріѣзжая въ Малую Бухарію, которая была тогда еще независима

отъ Китая, они «возвѣщали величіе и славу Россіи», и «дружествомъ и дарами» склоняли своихъ единоплеменниковъ вступить подъ покровительство Россіи, и къ чему многіе начальные Беги изъявили свою наклонность. И въ то время, какъ предки ихъ мечтали о распространеніи Русской торговли до Индіи, «Сибирское Начальство открыло къ сословію ихъ свои притязанія,» сравняло ихъ съ прочими подданными въ подушный окладъ и произвело въ ихъ средѣ рекрутскій наборъ; [38] это, будьто бы, произвело такое дурное впечатлѣніе на Азію, что жители Бухаріи перестали выѣзжать въ Сибирь на жительство, а владѣльцы перестали имѣть довѣріе къ Сибирскимъ Бухарцамъ и даже запретили своимъ подданнымъ продолжать съ Россіей торговлю. Когда извѣстіе объ этомъ впечатлѣніи достигло Верховнаго Правительства, подушный окладъ и рекрутскій наборъ съ Бухарцевъ были немедленно отмѣнены «и во всемъ прочемъ прежнія права ихъ были подтверждены.» Императрица Екатерина II, «взирая сколько на внѣшнія приношенія, а болѣе на внутреннее духа расположеніе и усердіе,» и находя, что выгоды отъ обложенія ихъ малолюднаго сословія для казны малозначущи въ сравненіи съ выгодами, доставленными Россіи ихъ предками, и которыя и теперь они могутъ доставить своими связями съ Средней Азіей, подтвердила ихъ прежнія права, освободила ихъ отъ обязанностей по новому Городскому Положенію, и предоставила имъ право составить свой особый Словесный Судъ, а въ послѣдствіи и Ратушу, а также переходить изъ Русскаго подданства въ иностранное. Люди, протестующіе противъ ихъ преимуществъ, продолжаютъ Бухарцы, только видятъ права ихъ, а за что ихъ имѣютъ, не знаютъ, и о дѣяніяхъ предковъ легко мыслятъ. И въ прежнее время были купцы, которые торговали и подать платили, но жили только сами для себя, а на общеполезныя предпріятія и вліянія не имѣли, кромѣ собственныхъ корыстей и пріобрѣтеній и рекомендовать себя не могли, то и остались безъ вниманія, а ихъ, Бухарцевъ, предки прямымъ усердіемъ и рѣшительными предпріятіями въ пользу Государства не только служили всѣмъ имѣніемъ своимъ, но даже и самою жизнію своею жертво-

---

[38] Объ этомъ событіи мы не нашли ни какихъ достовѣрныхъ данныхъ.

вать были готовы, и за таковую преданность были особенно противъ тѣхъ предпочтены и получили Монаршую признательность, что грамотами ихъ и сравнивать съ купечествомъ и прочими подданными не велѣно; слѣдовательно, они въ томъ не виноваты, что тогда ни за что ни кого не награждали.» Къ сожалѣнію, Бухарцы не подтвердили примѣрами, какъ велики были труды ихъ предковъ на пользу распространенія Русской торговли въ Азіи. Это, по крайней мѣрѣ, придало бы ихъ своекорыстной запискѣ историческое значеніе.

На это высокомѣрное о себѣ мнѣніе Русскіе отвѣчали Бухарцамъ совершеннымъ отрицаніемъ ихъ заслугъ и какихъ либо достоинствъ. Совѣтникъ Коллетъ въ своемъ мнѣніи, поданномъ въ Совѣтъ Главнаго Управленія Западной Сибири, находилъ, что великія и важныя пользы, доставленныя, будьто бы, Бухарцами Россіи, оставались до нынѣ пользами для ихъ самихъ только: Бухарцы скупили и пріобрѣли закладомъ у Сибирскихъ Татаръ земли послѣднихъ, и пользуются ими, не платя ни налоговъ, ни неся ни какихъ земскихъ повинностей, и обработывая ихъ руками тѣхъ же Татаръ, прежнихъ ихъ обладателей; большею частью промышляютъ скупаніемъ произведеній изъ первыхъ рукъ, и вообще кормятся посредствомъ чужихъ рукъ; нѣкоторые занимаются кожевеннымъ производствомъ, но и тому научились въ Россіи, и изъ своей родины ни кто изъ нихъ не вывезъ какого либо нововведенія, или общеполезнаго свѣдѣнія; словомъ, они люди, коихъ блаженство состоитъ въ праздности ума и тѣла, и кои употребленіе своихъ душевныхъ способностей обращаютъ безъ изнуренія себя работою.»

Эта препираніе Русскихъ купцовъ и торгующихъ Бухарцевъ, веденное посредствомъ записокъ, поданныхъ Сибирскому Начальству въ разныхъ городахъ, обнаруживаетъ достаточно, въ какомъ неправильномъ отношеніи стояло Бухарское торговое общество къ остальному купечеству и какая супротивность скрывалась между этѣми сословіями.

Бухарцы по своимъ правамъ были до 1834 года самыми привилегированными лицами въ Сибирскомъ населеніи. Бухарцы

были почти единственными землевладѣльцами въ Сибири и пользовались правомъ, наравнѣ съ Дворянами, пріобрѣтать земли; они не платили за свои земли ни какого оброка и были свободны отъ всякихъ земскихъ, денежныхъ и натуральныхъ, повинностей, отъ рекрутскаго набора, отъ обязанности брать пашпорты, и вели заграничную, повсемѣстную въ Сибири и Россіи, и розничную по инородческимъ стойбищамъ, торговлю, и заключали съ казной договоры на обширные подряды, не платя гильдейскихъ пошлинъ. Они жили по разнымъ городамъ и селеніямъ въ Сибири: въ Тобольскѣ, Тюмени, Тарѣ, Томскѣ, Барнаулѣ и на Кяхтѣ. Только нѣкоторые изъ нихъ около Тобольска и Тары занимались, на собственныхъ земляхъ, хлѣбопашествомъ, и то посредствомъ найма работниковъ; нѣкоторые Тарскіе Бухарцы занимались рыбной ловлей, Томскіе—перевозкой кладей и содержаніемъ почтъ; въ Тюмени два Бухарца имѣли кожевенные заводы, оба выдѣлывавшіе не болѣе 4000 кожъ на «Бухарскій образецъ.» Большая же часть занималась торговлей розничной и оптовой. [39] Тюменскіе скупали по селеніямъ кожи и сало; Туринскіе и Ишимскіе торговлей не занимались; Ялуторовскіе торговали мелочью на суммы не болѣе 50—200 рубл.; Томскіе также не принимали большаго участія въ торговлѣ; Бухарцы же Тарскіе, Тобольскіе и Тюменскіе производили значительную внутреннюю и заграничную торговлю: по свѣдѣніямъ 1830 года въ Тобольскомъ Округѣ 4 торгующіе Бухарца производили въ общей сложности торговлю на сумму 55,000 р.; въ Тарскомъ общая сумма оборота показана въ 164,000 р.; въ Тюменскомъ общая цыфра не опредѣлена, по тому что торгуютъ «соединенными артелями.» Богатѣйшія фамиліи въ 1830 г. были: въ Тобольскомъ Округѣ, въ Иртышатскихъ юртахъ, Абдыбакъ Абрасаковъ, торговавшій на 20,000 р.; въ Тюменскомъ Ніязъ Байгашинъ Коченевъ; въ Енбаевскихъ юртахъ, на 30,000, и Абдуцалимъ Ягуповъ Матіяровъ, въ Матіяровскихъ юртахъ; Коченевъ и Матіяровъ имѣли кожевенные заводы; въ Тарскомъ Округѣ самую значительную торговлю вели братья Айтыкины, Ніязъ на 40,000, и Ярымъ на 10,000 р.; они ли

[39] Дѣло Главн. Управл. Западн. Сибири, 3 Апрѣля, 1830 г., № 1154, о доставленіи свѣдѣній о торговыхъ Азіятцахъ.

въ самомъ городѣ и торговали бумажнымъ, шелковымъ, холщевымъ товарами и мяхкою рухлядью; въ деревнѣ Себеляковой Маметей Шиховъ торговалъ на 20,000 р. Въ городѣ Петропавловскѣ Бухарецъ Рузи Гумировъ велъ торговлю на 15,000. Въ городахъ Семипалатинскѣ и Устькаменогородскѣ общая цыфра оборотовъ 3 Бухарцевъ показана въ 4,500 р.

Всѣ члены этого сословія, разсѣянные по Сибирскимъ городамъ и деревнямъ, составляли одно цѣлое по своимъ общимъ правамъ и стремленіямъ. Они образовали наслѣдственную корпорацію, которую сами называли Бухарскимъ торговымъ обществомъ. Общество это соединяло въ себѣ Бухарцевъ всѣхъ Сибирскихъ городовъ; члены его были связаны между собою «взаимными другъ съ другомъ сношеніями, совѣтами, наставленіями, ревностными вспомоществованіями и общимъ кредитомъ»; [40] сильнѣе всего сплочивали общество, конечно, взаимный кредитъ и «ревностныя вспомоществованія.» Обанкротившійся по несчастію Бухарецъ находилъ тотчасъ поддержку въ своемъ обществѣ: Бухарцы складывались и доставляли ему сумму, съ которою онъ снова предпринималъ торговлю; ссуды дѣлались въ своей средѣ съ исключительнымъ довѣріемъ. Въ Сибири, какъ въ странѣ съ неразвитой торговлей, кредитъ былъ въ младенческомъ состояніи; каждая торговая фирма пользовалась кредитомъ только извѣстной среды; у каждой рѣчной системы, по которой были разсѣяны инородческія стойбища, былъ свой купецъ, которому инородцы осмѣливались ввѣряться; общій уровень честности въ торговлѣ былъ такъ низокъ, что иначе и быть не могло; всякій дорожилъ своей репутаціей только въ той средѣ, гдѣ постоянно имѣлъ дѣла; гдѣ же имя его было не извѣстно, и гдѣ обманъ могъ пройти безнаказанно для общаго хода его дѣлъ, онъ не стѣснялся сбыть инородцу гниль и старье, или фальшивую монету; по этому раздѣленіе потребителей на округи, отдѣленные между собою стѣнами, проницаемыми только для извѣстныхъ довѣренныхъ людей, было необходимымъ обезпеченіемъ про-

[40] Записка Тобольскихъ Бухарцевъ, въ дѣлѣ Главнаго Управленія Западной Сибири о составленіи правилъ для торговли Бухарцевъ.

тивъ обмановъ и надувательствъ. Монополія кредита у инородцевъ почти исключительно принадлежала Бухарскому торговому обществу, которому недоставало только Правительственнаго устройства. Екатерина II, освобождая Сибирскихъ Бухарцевъ отъ обязанностей по новому Городскому Положенію, предоставила имъ право составить свой Словесный Судъ, а со временемъ и Ратушу, съ дѣлопроизводствомъ на своемъ Бухарскомъ языкѣ. Новыя узаконенія и сравненіе съ осѣдлыми инородцами угрожали Бухарцамъ не только неисполненіемъ ихъ надежды «когда либо видѣть желаемое Екатериною II нераздѣльное и совокупное существованіе Бухарскаго торговаго общества», но и разрушеніе сложившагося «отлично признаннаго и удостоеннаго сословія, отъ котораго останутся потомкамъ одни только воспоминанія.» [41]

Бухарцы не умѣли вполнѣ пользоваться своими правами, по недостатку техническихъ знаній и односторонности Мусульманскаго образованія. «Если бы права, подобныя ихнимъ, пишетъ Совѣтникъ Коллетъ, были предоставлены Евреямъ, то въ кратчайшее время обнаружилось бы, какъ они несправедливы и опасны для общаго блага; ими было не только подорвано Сибирское купечество, но и торговля всего Государства; и изъ того, что Бухарцы оказались въ торговыхъ дѣлахъ не столь расторопны, чѣмъ Евреи, не должно заключать, чтобъ они всегда оставались въ той дремотѣ, въ которую до сей поры были погружены.» [42] Коллетъ, впрочемъ, преувеличивалъ опасность, угрожавшую со стороны Бухарскихъ привилегій; этѣ же самыя привилегіи разслабили нѣкогда полезное и дѣятельное сословіе; въ послѣднее время Бухарцы, какъ видно изъ ихъ собственной записки, были заняты только пожинаніемъ лавровъ своихъ предковъ и не старались о поддержаніи доброй славы своего сословія новыми трудами. Обезпеченное привилегіями и богатыми угодьями, сословіе это, по выраженію Словцова, «плѣсневѣло въ безпечной лѣности», Бухарцы не старались о пріобрѣтеніи Европейскихъ знаній, и ограничивались первоначальнымъ религіознымъ об-

---

[41] Записка Тобольскихъ Бухарцевъ.

[42] Дѣло Главнаго Управл. Зап. Сиб. о составленіи правилъ для торг. Бухарцевъ.

разованіемъ своихъ школъ, тогда какъ могли бы учредить Бухарскую Гимназію. По этому Бухарское торговое общество очутилось внѣ общей Сибирской жизни: остальное Сибирское общество начало тяготиться этѣмъ безполезнымъ учрежденіемъ, которое было предано только своимъ сословнымъ выгодамъ, а не общему благу страны, въ которой они жили.

Наконецъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, 13 Февраля, 1834 г., сему неправильному явленію въ Сибирской общественной жизни былъ положенъ конецъ. Этѣмъ мнѣніемъ Бухарцамъ и Ташкенцамъ Русскимъ подданнымъ, согласно съ грамотой 1645 г., предоставлено право торговли безъ гильдейскихъ пошлинъ, по Азіятской границѣ и въ городѣ, къ которому по ревизіи приписаны, только товарами Азіятскаго произведенія; Русскими же произведеніями торговля безъ гильдейскихъ пошлинъ предоставлена имъ лишь внѣ Государства; за тѣмъ производство всякой другой торговли поставлено не иначе, какъ на равныхъ правахъ съ прочими подданными Имперіи; съ Бухарцевъ, занимающихся земледѣліемъ, положено взимать подымную подать, по 10 р. съ каждаго дыма, независимо отъ платежа земскихъ повинностей и оброка за отводимыя казенныя земли; Бухарцы же, занимающіеся земледѣліемъ на собственныхъ земляхъ, отъ такого оброка освобеждены.

Очеркъ торговли съ Джунгаріей съ 1745 по 1752 г.

Изъ всего сказаннаго нами выше можно уже судить о значеніи этой торговли для Сибири; сдѣсь мы еще подробнѣе изложимъ этотъ предметъ.

Сибирь снабжалась фабрикатами съ двухъ сторонъ: изъ Россіи и съ Азіятскаго юга. Оба пути, какъ съ юга, такъ и съ запада, были затруднительны: одинъ проходилъ по песчанымъ пустынямъ, другой по лѣсамъ и тундрамъ. Произведенія и юга и запада могли приходить въ Сибирь только разъ въ годъ; Русскіе товары лежали зиму въ Тобольскѣ, и только съ открытіемъ рѣчнаго плаванія отправлять на дощаникахъ по рѣкамъ до Енисейска и далѣе. Равнымъ образомъ только съ вскрытіемъ же

рѣкъ отправлялись и Сибирскіе товары въ Россію. Впрочемъ, благодаря нѣкоторому благоустройству Китая, Китайскіе товары въ Кяхту приходили во всякое время года на телѣгахъ; по этому недостатокъ въ нихъ былъ менѣе ощутителенъ, чѣмъ въ Русскихъ. Сообщеніе чрезъ лѣсистый и гористый Уралъ было труднѣе, чѣмъ черезъ пустыни Азіи, и этотъ хребетъ уединялъ Сибирь отъ Россіи болѣе, чѣмъ Алтай и Саянъ отъ Бухаріи и Китая. Затрудненія, которыя испыталъ Делиль, переѣзжая его въ 1740 г., подали ему поводъ принять его за естественную границу между Европой и Азіей. «Сама природа, пишетъ онъ, отдѣлила Европу отъ Азіи этою цѣпью высокихъ горъ. Я не понимаю, какимъ образомъ нѣкоторые географы могли продолжать границы Европы до р. Оби, а другіе, напротивъ, сократили ихъ до р. Камы. Я держусь мнѣнія тѣхъ, которые Европу доводятъ до Верхотурскихъ горъ: чрезъ нихъ было намъ такъ трудно перебраться, и онѣ какъ будьто бы созданы природою для того, чтобы заграждать Европейцамъ проходъ въ Азію.»

Цѣны на Русскіе произведенія были высоки, и тѣмъ выше, чѣмъ далѣе на востокъ; въ Иркутскѣ товары достигали даже тройной и четверной цѣны. Миллеръ разсказываетъ, что простой бѣлый сахаръ, покупаемый въ Архангельскѣ по 5 руб., въ Ирбити и Тобольскѣ продавался уже по 7 руб., въ Енисейскѣ по 10 руб., въ Иркутскѣ по 14, 16 и 20 руб., въ Якутскѣ иногда по 40 р. Простое красное вино, двадцативедерная бочка котораго въ Архангельскѣ продавалась по 18—20 руб., слѣдовательно, ведро обходилось по 1 руб., въ Ирбити обыкновенно продавалось по 2 и по 3 руб. ведро, а во время малаго привозу по 8 и 10 руб., въ Иркутскѣ же и во время большихъ привозовъ продавалось не ниже 8 руб., а иногда тамъ и въ Якутскѣ цѣна его поднималась до 20 и 40 рублей. Губернаторы, Воеводы и другіе знатные Чиновники, отправляясь въ Сибирь, запасались всѣмъ нужнымъ сразу при отправленіи изъ Россіи, на все время служенія, въ томъ числѣ и виномъ; часто случалось, что винограднаго вина вовсе нельзя было найти въ городѣ. Аббатъ Шапъ, пріѣзжавшій въ Тобольскъ въ 1761 г., разсказываетъ, что въ этомъ городѣ «вино извѣстно только по преданію; пріѣзжающіе изъ Петербурга, или Москвы, привозятъ иногда нѣсколько буты-

локъ, но вообще при этомъ переѣздѣ мало обращали вниманія на вино, когда болѣе важныя жизненныя средства нужно имѣть въ виду. Народъ сдѣсь пьетъ квасъ, а другіе обитатели пиво, медъ и наливки, сдѣланныя изъ водки »

При такихъ условіяхъ Азіятскіе товары составляли необходимость Сибирской жизни, и Русскимъ товарамъ было трудно съ ними соперничать. Почти вся Сибирь ходила въ бѣльѣ и платьяхъ изъ Китайскихъ и Бухарскихъ тканей. Радищевъ разсказываетъ, что жители Сибири ходили въ дабовыхъ и фанзовыхъ рубахахъ; холста, вѣроятно, также привозили много изъ Россіи, но холстъ не могъ вполнѣ вытѣснить дабу; голь, шелковая Китайская матерія, была распространена по всей Сибири, и въ нее наряжались крестьянки и солдатки; въ Западной Сибири, изъ нея шили красные голевые сарафаны и голевые чепцы, обшитые позументами; даже чернилъ другихъ долго не знали въ Сибири, кромѣ Китайской туши, и на крайнемъ западѣ Сибири, на Иртышѣ, крѣпостныя Канцеляріи писали бумаги Китайской тушью.

Сознавая важность этой Азіятской торговли, Правительство постоянно покровительствовало ей и старалось привлечь Бухарскихъ купцовъ въ Сибирь большими льготами; съ Бухарцевъ, пріѣхавшихъ въ Сибирь въ первый разъ, велѣно брать не десятую, а двадцатую, пошлину; Бухарцы, желающіе поселиться въ Сибири, получали льготы отъ податей и становились землевладѣльцами; въ 1735 году была дозволена Бухарцамъ безпошлинная торговля Бухарскими товарами во всѣхъ городахъ Россіи.

Однако жь торговыя сношенія совершались подъ грузомъ неблагопріятныхъ условій; караванные пути были опасны; караваны ходили всегда вооруженные; [43] особенно было опасно про-

[43] Въ караванѣ Юсупъ-Ходжи было на 235 человѣкъ 32 турки, на каждую по фунту пороху и свинцу, 4 сайдака и 5 панцырей; въ караванѣ 1752 г., при Старшинѣ Абедли-Зайсанѣ, на 485 челов. 98 турокъ, и на каждую пороху и свинцу по 20 выстрѣловъ, панцырей 3, сайдаковъ 53, стрѣлъ 1060, сабель 45.

ходить тѣ пространства, которыя лежали пустыми между Калмыцкими и Киргизскими кочевьями; сдѣсь доставалось караванамъ отъ Киргизъ и Уранхайцевъ. Туринскій купецъ Колмогоровъ былъ ограбленъ Казачьей Ордой въ 1732 г.; Киргизы вѣдомства Старшины Ходжи-Мергеня напали на караванъ, шедшій въ Семипалатинскъ, и отобрали до 70 головъ иркетчины; въ Алтаѣ, на урочищѣ Шара-Чумугень были убиты Русскіе купцы въ числѣ 6 человѣкъ въ 1743 году, и имущество ихъ осталось въ рукахъ грабителей. Сами мирные родоначальники Калмыцкаго народа допускали своеволіе и грабили караваны подъ видомъ взиманія пошлины; караваны, проходя чрезъ ихъ владѣнія, были часто отвлекаемы съ пути, задерживаемы и наконецъ разграбляемы; такъ въ 1751 г. Амурсана разграбилъ Бухарскій караванъ, шедшій въ Россію, и самихъ Бухарцевъ обратилъ въ рабство; Галданъ-Церенъ казнилъ Русскаго купца, Ярышникова, и его богатство «на многія тысячи» присвоилъ себѣ.

Въ Россіи эта торговля была стѣснена одноторговлей и запрещеніями; торговля ревенемъ составляла право одного Государства; нѣкоторые товары были запрещены изъ неумѣстнаго страха; такъ, были запрещены къ вывозу порохъ, свинецъ, оружіе, латы, ножи, рогатины; мало этого, по распоряженію пограничнаго Генерала Киндермана въ 1750 г. была запрещена продажа Бухарцамъ и Киргизамъ всякихъ желѣзныхъ вещей, тагановъ, ножей, косъ сѣнокосныхъ, топоровъ; была только допущена продажа чугунныхъ котловъ. Это распоряженіе было сдѣлано изъ опасенія, «чтобы Азіятскій народъ изъ тѣхъ вещей не могъ сдѣлать себѣ оружіе и къ стрѣламъ копейцы.» Предосторожности пограничнаго начальства простирались до того, что Бухарскихъ купцовъ зимой не впускали въ крѣпости въ избы обогрѣться. Посланный въ Февралѣ, 1748 г., въ конвоѣ съ Бухарцемъ Юсупъ-Ходжею до Тобольска Прапорщикъ Толстовъ доносилъ, что Юсупъ-Ходжа въ каждомъ станцѣ неотступно проситъ впустить въ крѣпость въ избы обогрѣться, на что Прапорщикомъ съ довольными резонами было представляемо о невозможности этого допущенія; Бухарцамъ было позволено входить только въ загородныя избы и землянки, если гдѣ есть такія, которыя было велѣно на этотъ случай очистить и вытопить, и только въ Омскѣ было позволено

впускать ихъ и въ обывательское жило. Къ каравану, пришедшему въ Ямышевъ, приставлялся караулъ, и Бухарцамъ не позволяли отлучаться изъ ихъ «урги» въ Киргизскіе аулы для покупки на пищу барановъ, по чему они припуждены были покупать барановъ у Киргизъ тайно.

Русскіе нравы также представляли препятствія спокойному движенію торговли: Коммендапты крѣпостей старались оставлять торговлю за собой; Директоръ Ямышевской Таможни, Бушуевъ, жаловался въ 1760 г., что Коммендантъ крѣпости Св. Петра, Лестокъ, стѣсняетъ свободу торговли въ пользу своихъ дворовыхъ людей; пріѣхавшимъ въ крѣпость Св. Петра купцамъ, Быкову и Голубину, Лестокъ запретилъ прямыя сношенія съ Киргизами, также запретилъ толмачамъ быть у нихъ для переводовъ съ Киргизскаго языка; такимъ образомъ торговля въ кр. Св. Петра очутилась въ рукахъ военныхъ чиновъ и дворовыхъ людей Лестока, которые вымѣнивали лошадей на товары, взятые у тѣхъ же купцовъ, Быкова и Голубина: изъ 118 лошадей 45 было вымѣнено дворовыми людьми. По ходатайству Бушуева Лестокъ былъ смѣненъ; преемникъ его, Тюменевъ, продолжалъ дѣлать насилія купцамъ и даже одного купца избилъ, за что также былъ смѣненъ.

Одноторжіе въ Сибири въ XVII и XVIII стол. царствовало во всей странѣ. Всѣ роды промышленности и торговли составляли предметъ его или частныхъ лицъ, или Правительства. Такой порядокъ былъ послѣдствіемъ свойства Сибирской поселенности. Казаки, звѣровщики и гулящіе люди, наполнявшіе Сибирскіе лѣса, были люди таковаго рода, которые не были способны положить начало земледѣльческому поселенію; это были люди, не заботившіеся далѣе завтрашняго дня. Увлекаясь прибылью Сибирскихъ промысловъ, они быстро распространили свое нашествіе до Таймырской земли и до Камчатки, не заботясь объ основаніи позади себя, изъ своей среды, опора, который обезпечивалъ бы ихъ существованіе въ странѣ; заботы объ ихъ пропитаніи должны были принять на себя другіе люди; эту роль приняло на себя Правительство. Оно приняло на себя заботы объ обезпеченіи промышленниковъ хлѣбомъ и мясомъ и объ улуч-

шеніи путей; безъ него этѣ многочисленныя партіи и артели промышленниковъ должны были бы погибнуть въ неравной борьбѣ съ дикой природой, или начать отступленіе. Правительство приняло на себя отправленіе обязанности общественной предусмотрительности, которой были лишены сами поселенцы, конечно, не изъ другихъ побужденій, какъ только фискальныхъ. Доставляя пищевые припасы этой многочисленной арміи соболевщиковъ, бугровщиковъ и проч., Правительство становилось хозяиномъ всей годичной добычи драгоцѣнныхъ Сибирскихъ мѣховъ, которые тогда составляли такую же славу Сибири, какъ нынѣ золото. Правительство завело сдѣсь пашни и деревни, скотоводство и ямы; не въ рукахъ поселенцевъ, а въ рукахъ Правительства, раздавался стукъ топора, валившаго Сибирскій лѣсъ. Управленіе Сибири въ теченіи всѣхъ трехъ столѣтій озабочено снабженіемъ Сибири хлѣбомъ; оно отличается самыми обширными проектами по этому предмету; съ одной стороны принимаетъ необыкновенные размѣры Правительственная опека, проникающая въ семейную жизнь и въ домашнее хозяйство, съ другой рабочій народъ теряетъ всякую способность къ самоуправленію и самодѣятельности, частный трудъ нисходитъ на степень обязательнаго, или кабалы; рабочее сословіе превращается въ поденьщика, поставляющаго въ казну, или купцу, дорогія произведенія страны за обезпеченіе существованія; въ его рукахъ не скопляется богатства; богатство это въ рукахъ одноторжниковъ, Правительства и не многихъ купцовъ. Все рабочее сословіе Сибири поголовно состояло изъ покрученниковъ; по свѣдѣтельству Радищева, «всѣ Сибирскіе крестьяне, исключая Барабинскихъ поселенцевъ, хотя и ѣдятъ мясо, но одинъ изо ста, или двухъ сотъ, живетъ не въ долгъ; другіе всѣ наемщики и работаютъ на задатки.» Почти вся торговля въ Сибири въ XVII ст. была въ рукахъ только двухъ домовъ, Босаго и Ревякина. Правительство удержалъ за собой почти всѣ колоніяльные промыслы: пушной, мамонтовой кости, торговлю ревенемъ, табакомъ, виномъ и даже весь Кяхтинскій торгъ.

Въ 1693 г., въ Наказѣ Тарскому Воеводѣ, частнымъ лицамъ запрещалось торговать, пока инородцы не заплатятъ ясака, чтобъ купцы не выкупили лучшую рухлядь; а какъ ясакъ выплатится

сполна, тогда дозволить купцамъ и Бухарцамъ торговать на Тарѣ, на Гостинномъ дворѣ. [44] Въ томъ же году и въ Наказѣ Таможеннымъ Головамъ въ Сибири запрещается торговать съ Бухарцами деньгами, золотыми, ефимками, ружьемъ, свинцомъ и порохомъ, а соболей пропускать въ Китай и другія земли только такихъ, которые стоятъ не болѣе 40 рублей сорокъ, а лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ не отпускать. [45] Самимъ Воеводамъ Сибирскимъ было запрещено имѣть шубы и шапки изъ соболей и черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ лисицъ, а дозволялось только имѣть мѣха лисьи, песцовые красные, бѣльи хребтовые и черевьи, да и то только не болѣе 2, или 3, мѣховъ. [46] Въ Наказѣ Тобольскимъ Воеводамъ, 1697 г., было подтверждено запрещеніе продавать Бухарцамъ соболей, бобровъ, лисицъ и прочую добрую мягкую рухлядь. Русскіе торговые люди были обязаны купленныхъ въ Сибири соболей и черныхъ лисицъ объявлять, по пріѣздѣ въ Москву, въ Сибирскомъ Приказѣ, а на сторону ни кому не продавать; въ Сибирскомъ Приказѣ имъ выдавали за рухлядь Русскіе товары по оцѣнкѣ. Лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ, цѣною отъ 8 и до 50 рублей, было приказано также отбирать у частныхъ людей въ казну. [47] Въ томъ же году велѣно было купить въ Москвѣ разныхъ товаровъ на Сибирскую руку и послать въ Сибирскіе города, въ Сургутъ, въ Березовъ, въ Кузнецкъ, въ Томскъ, въ Иркутскъ, Якутскъ и проч. на 300, 400, 600 и 1000 рублей, на которые Воеводы должны были покупать у частныхъ лицъ и инородцевъ мягкую рухлядь по опредѣленной таксѣ, на прим., за лучшихъ Якутскихъ полныхъ соболей велѣно давать по 5 р., за плохихъ по 20 алт., и по полтинѣ; за Мангазейскіе лучшіе по рублю, и по 30 алтынъ; за лучшихъ соболей Западной Сибири по 13 алт. 2 деньги; за добрыхъ черныхъ лисицъ по 10 р. Соболей этѣхъ Воеводы должны были вымѣнивать какъ на присланные изъ Москвы товары, такъ и на таможенные доходы, на день-

[44] Полное Собр. Зак., т. III, стр. 586.

[45] Тамъ же, стр. 160.

[46] Полное Собр. Зак. т. III, стр. 335.

[47] Тамъ же.

ги, на хлѣбъ и даже на вино. Кромѣ того Иркутскому, Енисейскому и Илимскому Воеводамъ было велѣно отпускать покрученниковъ для соболинаго промыслу, и платить имъ изъ казны. [48] Въ 1699 году Верхотурскому Воеводѣ подтверждено, соболей, оставшихся у инородцевъ за сборомъ ясака, вымѣнивать на Русскіе товары, «чтобъ во всей Сибири соболи были въ одной Его Великаго Государя казнѣ.»[49]

Обративъ лучшіе сорты Сибирскихъ мѣховъ въ Государственную принадлежность, Правительство слѣдило, чтобъ они не выходили за границу чрезъ частныя руки. Въ 1701 г. еще разъ было подтверждено запрещеніе продавать Бухарцамъ и Калмыкамъ соболей и черныхъ и сиводущатыхъ лисицъ. Но такъ какъ у Сибирскихъ жителей не было ни какихъ товаровъ для обмѣна на Бухарскіе, кромѣ пушнины, то Бухарская торговля была бы сведена перечисленными мѣрами къ провозной торговлѣ одними Русскими товарами, если бъ въ Сибири не развилась обширная повсемѣстная контрабанда, въ которой Бухарцы принимали самое живое участіе. Бухарцы, не смотря, на всѣ этѣ запрещенія, вывозили изъ Сибири мягкую рухлядь. Верхотурскому Воеводѣ въ 1699 г. писали изъ Москвы: «а нынѣ явилось, что понаровками Воеводъ соболи сбираются не вполнѣ и продаются Бухарцамъ для отвоза въ Китай.» Еще съ конца XVII столѣтія начинаются мѣры къ сокращенію этой контрабанды; съ этой цѣлью Бухарцы обязаны были торговать не иначе, какъ въ гостинномъ дворѣ и сами; въ 1767 г., въ Наказѣ Верхотурскому Воеводѣ было велѣно, «чтобъ Бухарцы торговали въ гостинномъ дворѣ сами, а мимо Бухарцевъ Бухарскими товарами подставою торговать ни кому не велѣть.» [50] Въ 1701 г. Нерчинскому Воеводѣ было прописано то же самое повелѣніе. Но едва ли этѣ мѣры можно было привесть въ исполненіе въ послѣдствіи, когда возрасло число Бухарскихъ поселенцевъ въ Сибири: въ половинѣ прошлаго столѣ-

---

[48] Полн. Собран. Закон., т. III, стр. 406.

[49] Тамъ же, томъ IV, стр. 59.

[50] Тамъ же том. III, стр. 335.

тія мы уже не находимъ, чтобъ это повелѣніе исполнялось мѣстною властью. Миллеръ разсказываетъ, что прежде въ Тобольскѣ для Бухарцевъ и Калмыковъ былъ построенъ особенный Посольскій Дворъ, въ которомъ иностранцы должны были жить и складывать свои товары; вокругъ двора ставились караулы, и тогда ни чего нельзя было ни привезти, ни вывезти безъ вѣдома Таможни; но въ послѣдствіи дворъ этотъ сгорѣлъ, и новый не былъ построенъ; караваны стали останавливаться въ Татарской слободѣ, у живущихъ въ Тобольскѣ Бухарцевъ, которые ихъ братья и знакомцы; тамо и отправляютъ они свои торги; осмотры и караулы тамо мало служатъ.»

Чтобъ положить конецъ безнаказаннымъ злоупотребленіямъ Бухарцевъ, которыхъ Правительство не рѣшалось круто преслѣдовать, перенесли платежъ таможенныхъ пошлинъ съ Бухарцевъ на Русскихъ купцовъ, торгующихъ Бухарскими товарами: контрабандистовъ подданныхъ, думали, можно будетъ съ лучшимъ успѣхомъ преслѣдовать. До того времени Бухарскіе караваны, вступая на Русскую землю, были осматриваемы и платили пошлину; осмотръ этотъ производился для каравановъ, шедшихъ въ Ирбить, въ Ямышевѣ, а для каравановъ, шедшихъ въ Томскъ, въ Космалѣ, куда высылался Дворянинъ изъ Кузнецка. 2 Мая, 1732 г., Русскій посолъ, Маіоръ Угримовъ, сдѣлалъ въ Ургѣ, на «конференціи» Хана Галданъ-Церена и Зайсановъ, предложеніе заключить договоръ, чтобъ не брать пошлинъ ни съ Русскихъ купцовъ въ Джунгаріи, ни съ Бухарскихъ въ Россіи, и дозволить купцамъ проѣздъ по всему Государству, но только допустить осмотръ товаровъ при вступленіи Бухарцевъ въ предѣлы Государства и при выходѣ изъ него, а также обязать ихъ объявлять имена купцовъ, которымъ они продадутъ свои товары. Галданъ-Церенъ и Зайсаны согласились на это предложеніе, но только требовали, чтобъ и осмотра не было: если не брать пошлинъ, то къ чему будетъ служить осмотръ, возражали они. Однако жь, договоръ былъ заключенъ въ 1733 г., и Указомъ 23 Сентября, 1735 г., былъ открытъ свободный безпошлинный ввозъ и вывозъ товаровъ по Иртышской границѣ. Вмѣсто того Таможни въ Тобольскѣ и Томскѣ брали за торговлю съ Бухарцами пошлину

съ Русскихъ купцовъ. Эта система продержалась только 10 лѣтъ, т. е., до 1745 года.

Тайный провозъ не уничтожился: Бухарцы всячески старались уклониться отъ осмотра; первый же караванъ, прибывшій послѣ заключенія договора, отказался и въ Ямышевѣ и въ Тобольскѣ допустить осмотръ, и только послѣ долгихъ споровъ предъявилъ опись товаровъ; описи этѣ Бухарцы подавали невѣрныя, стараясь сколько возможно уменьшить цифру; при возвращеніи каравана Бухарцы также упорствовали. Они еще сильнѣе стали вывозить изъ Сибири не очищенную пошлиной пушнину и запрещенные товары, какъ, на пр., оружіе. Русскій купецъ, Плотниковъ, находившійся въ Зенгоріи, увѣдомилъ, въ 1753 г., Русское Начальство, что Зенгорскіе купцы провозятъ изъ Россіи въ верблюжьихъ жилахъ, т. е., сѣдлахъ, ружья съ замками. Ревень Бухарцы старались провезти до Москвы, и на пути, не смотря на строгое запрещеніе, продавали его тайно мимо Правительства; съ цѣлью воспрепятствовать этому, было запрещено пропускать ревень далѣе Тобольска. Бухарцы не только свои привозные, но и товары Сибирскихъ Бухарцевъ и Татаръ, распродавали въ Сибири и Россіи безпошлинно тайно, отъ чего они часто вывозили изъ Сибири товаровъ на сумму большую, чѣмъ привозили: такъ въ 1732 году «послы повезли изъ Москвы товаровъ на 20,000 рублей, чего у нихъ и въ привозѣ въ Сибирь не было.» Одинъ актъ прошлаго столѣтія говоритъ слѣдующее о связяхъ Бухарцевъ въ Сибири: «а усмотрѣть за ними ни которыми мѣрами не возможно, понеже у нихъ, Бухарцевъ, не токмо друзей въ Тобольскѣ и въ другихъ Сибирской Губерніи городахъ, но и свойственниковъ много изъ Бухарцевъ и изъ Татаръ, да и то мнится не хорошо, что они съ Сибирскими Бухарцами и съ Татары посвоились и побрали дочерей у Сибирскихъ иноземцовъ.» [51] Разъѣзжая по всей Сибири до Иркутской Губерніи, они без-

---

[51] Экстрактъ, учиненный въ Сибирской Губернскій Канцеляріи изъ мнѣній, посланныхъ отсюда въ 1733 и 1742 гг., Апрѣля 9 и Августа 31 числа, въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, о учрежденіи и постановленіи Зенгорскимъ Владѣльцемъ, Галданъ-Чириномъ, коммерціи о торгу при Ямышевской и Семипалатинской крѣпостяхъ, и о бывшихъ сдѣсь въ Тобольскѣ купчинахъ, Аваз-

пошлинно покупали у Сибирскихъ инородцевъ пушной товаръ. Инородцы и другіе жители Сибири, получившіе отъ Бухарцевъ дешевыя бумажныя ткани, овчины и проч., при недостаткѣ сношеній съ Европейской Россіей, не могли не покровительствовать этой тайной торговлѣ; и такъ какъ у инородцевъ, да и у Русскихъ Сибиряковъ, единственной вывозной статьей былъ пушной товаръ, то воспретить безпошлинный вывозъ его въ Бухарію было не возможно иначе, какъ воспретивъ въѣздъ Бухарцамъ съ товарами внутрь страны. На сколько Бухарцы старались какъ можно дальше проѣхать, на столько Русское Правительство должно было стараться сократить ихъ путь внутри Имперіи.

По этому Сибирское Начальство стало хлопотать о прекращеніи свободнаго въѣзда Бухарцевъ въ Сибирь: оно утверждало, что отъ этой мѣры, кромѣ пользы, ни чего нельзя ожидать; что для Русскихъ купцовъ, съ закрытіемъ имъ воротъ въ Джунгарію, ни какого убытка не будетъ, по тому что они ѣздили туда не въ большомъ числѣ, да и то при помощи Бухарскихъ прикащиковъ; въ Ургѣ Русскіе купцы не рѣдко терпѣли разореніе, были задерживаемы мѣстнымъ Правительствомъ, казнимы, а на пути подвергались грабежамъ Киргизовъ, всѣ этѣ случайности, думало Сибирское Начальство, съ закрытіемъ Сибирской границы, будутъ падать только на Бухарцевъ. Кромѣ того, оно прибавляло еще, что купцы, не имѣющіе друзей Бухарцевъ, которымъ могли бы ввѣрить свои товары, а также не имѣющіе возможности посылать на свой счетъ въ Ургу, «остаются бездовольны отъ Иркетскихъ товаровъ; а какъ у Ямышева будетъ въ одномъ мѣстѣ торгъ, то всѣ Россійскіе купцы будутъ довольствоваться Иркецкимъ товаромъ равно.» По этому Сибирское Начальство предлагало: Бухарцамъ въѣздъ въ Сибирь съ Бухарскими товарами далѣе Ямышева воспретить, но въ Ямышевской и Семипалатинской крѣпостяхъ дозволить имъ торговать съ Русскими купцами безпошлинно и товаровъ ихъ не осматривать; у Русскихъ же куп-

---

баѣ и прочихъ.» Этѣмъ экстрактомъ мы пользуемся для дальнѣйшаго разсказа. Онъ напечатанъ вполнѣ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1867 г., кн. I, въ числѣ другихъ Сибирскихъ матеріяловъ.

цовъ осматривать при пріѣздѣ въ Ямышевъ Русскіе товары, а при выѣздѣ изъ Ямышева Бухарскіе, и съ нихъ брать таможенную пошлину. Предложеніе Сибирскаго Начальства было принято. Только въ пользу Хана сдѣлана была уступка: самому Хану было предоставлено право по прежнему посылать безпошлинно внутрь Имперіи товары на 50 верблюдахъ ежегодно. Съ 1745 года свободный пропускъ Бухарцевъ за Иртышъ прекращается; но Бухарцы стараются проникнуть въ Тобольскъ, подъ видомъ коммиссіонеровъ самаго Хана; въ 1747 году прибылъ въ Ямышевъ съ караваномъ Юсупъ-Ходьжа, и сталъ требовать пропуска въ Тобольскъ съ 300 верблюдами, которые будьто бы были навьючены товарами самаго Джунгарскаго владѣльца. Послѣ долгихъ споровъ Юсупъ-Ходжа былъ пропущенъ въ Тобольскъ съ 100 верблюдами и съ 50 человѣкъ провожатыхъ. Въ 1749 году старшина Абраимъ, вышедшій съ караваномъ изъ Урги, жаловался на недостатокъ товаровъ въ Ямышевѣ и просилъ пропуска въ Тобольскъ: онъ писалъ, что не нашелъ въ Ямышевѣ нужныхъ для двора Джунгарскаго Владѣльца: 10 косяковъ штофу, 100 выдръ Камчатскихъ, 100 паръ добрыхъ Нѣмецкихъ черныхъ бобровъ, половину добраго сукна, кармазину чернаго, кармазину темнозеленаго. 10 аршинъ кармазину цвѣту мясного, 10 ф. лазоревой киновари, 50 козловъ красныхъ, черныхъ и желтыхъ, на 5 портищъ горносталей, крымзы 10 ф. и 200 выдръ.

Джунгарскій Ханъ также протестовалъ. Въ 1750 г. онъ прислалъ письмо Тобольскому Генералу, изъ котораго мы приводимъ отрывокъ, замѣчательный, какъ мнѣніе о торговлѣ кочеваго Азіятца: «Когда два Государства въ добромъ согласіи состоятъ, то есть ли такое опредѣленіе, чтобъ въ какое время и до котораго мѣста, по многому, или по малому, числу купцовъ посылать? А я вѣдаю, что въ великихъ Государствахъ такого обыкновенія нѣтъ, чтобъ купцовъ считать, и время имъ опредѣлять, и мѣста имъ назначивать. Что же съ вашей стороны сіе постановлено яко бы за тѣмъ, что наши купцы ѣздятъ многолюдствомъ и чинятъ обиды, не чаю я, чтобъ наши купцы въ проѣздахъ своихъ внутри вашего Государства чрезъ обыкновеніе какія обиды чинить стали, и ежели бы, паче чаянія, какую обиду и учинили, то каждый изъ насъ не можетъ ли въ томъ учинить несправедливость? Ибо и напредь

съ обѣихъ сторонъ учиненныя обиды по сущей справедливости разбираемы были, и весьма бъ было хорошо, ежели бъ и нынѣ отъ каждаго изъ насъ такія обиды чинить накрѣпко запрещено было. Но что принадлежитъ до купечества, то оно хотя за нужное и необходимое и не почитаю, однако же, по мнѣнію моему, за полезное признаваю, такимъ обыкновеніемъ и добропорядочно въ томъ поступать, какъ отъ временъ Великаго Бѣлаго Царя до нынѣ, купцы наши въ пожелаемый ими городъ, не имѣя термину, свободно ѣздили, и съ обѣихъ сторонъ обидъ не происходило, но добропорядочно купечество отправлялось.»

Русскіе купцы въ Ямышевѣ, съ своей стороны, дѣлали протесты, если замѣчали колебаніе Начальства при подачѣ этѣхъ жалобъ. Ограниченіе торговли двумя крѣпостями, Ямышевской и Семипалатинской, передовало торговлю съ Малой Бухаріей въ руки только тѣхъ немногихъ Сибирскихъ капиталистовъ, которые были въ состояніи завезти товары въ эту даль, а главное, терпѣть убытки отъ непохода товаровъ, какъ случилось въ 1748 г. съ бобрами. Въ Декабрѣ 1747 г. купцы въ Ямышевѣ, Тульскій Овчинниковъ, Тобольскій Полуяновъ, Тарскіе Вехтинъ, Бекишевъ, Татары Тобольскіе: Шигаевъ, Сафаровъ и Тарскій Татаринъ Итыгеровъ, подали прошеніе слѣдующаго содержанія: «Въ 1746 г. было публиковано о торгѣ съ Бухарцами при Ямышевской крѣпости, далѣе которой ихъ пропускать не повелѣно; по тому мы въ 1746 и 1747 г. прибыли въ Ямышевъ съ разными товарами, «на ихъ Бухарскую потребу,» съ сукнами, парчами, лисицами, чаемъ и проч., чрезъ дальныя разстоянія, съ немалымъ трудомъ и убыткомъ. 26 Ноября, 1747 г. прибылъ въ Ямышевъ, съ Зайсаномъ Юсупъ-Ходжею, караванъ болѣе 500 верблюдовъ, и просится въ Тобольскъ съ 300 верблюдовъ и 300 лошадей; если они будутъ отпущены, то останется въ Ямышевѣ тѣхъ Бухарцевъ съ товары недовольное число, понеже что имѣется при насъ товаровъ на ихъ потребы, привезенныхъ въ здѣшнюю Ямышевскую крѣпость довольное число. Потерпѣвъ убытки при перевозѣ товаровъ, нанимая подводы и работныхъ людей, а также, по отбытіи купцовъ Бухарскихъ въ Тобольскъ, принужденные ѣхать обратно въ свои мѣста, мы должны прійти въ разореніе, такъ какъ, пріѣзжая для торгу въ верхъ Иртышскія крѣпости,

охотности не будетъ, за отбытіемъ тѣхъ Бухарцевъ въ Тобольскъ безъ торгу, то не повелѣно ль будетъ намъ въ Ямышевскую и Семипалатинскую крѣпость съ товары впредь пріѣзжать для торгу, отмѣнить?»

Такимъ образомъ мѣра эта, уничтожая одноторжіе Бухарцовъ, передала ее скопу Сибирскихъ купцовъ, которые одни и воспользовались ея благодѣяніями, Сибирское же населеніе только потеряло отъ нея. Бухарскіе товары, конечно, поднялись въ цѣнѣ, и Сибирское населеніе должно было почувствовать нѣчто подобное, какъ при закрытіи Кяхтинскаго торга: мелкая пограничная торговля скотомъ и рухлядью по Иртышу и у подошвы Алтая, которая приносила большую пользу прилежащему деревенскому населенію, прекратилась; Калмыковъ и Киргизъ, пріѣзжавшихъ въ этѣ мѣста, стали отсылать въ Семипалатинскъ и Ямышевъ. Въ 1750 г. на рѣку Бію пріѣхалъ Калмыкъ Самуръ съ 16 коровами, и ему было отказано въ торговлѣ и предложено ѣхать въ Ямышевъ, или Семипалатинскъ. Въ 1757 г. Киргизы привезли соль на продажу къ крѣпости Кабаньей, на Ишимской Линіи, и ихъ до торговли не допустили, а сказали, чтобъ ѣхали въ Семипалатинскъ, или Троицкъ. Такіе же отвѣты получали Киргизы, пріѣзжавшіе въ Усть-Каменогорскую крѣпость, въ Лебяжій и Semiярской форпосты.

Эта мѣра также прекратила выѣзды Русскихъ людей въ Джунгарію, вносившихъ соисканіе въ нѣдра средней Азіи. Этѣ выѣзды предпринимались купцами небогатыми, которые слабость своихъ денежныхъ силъ разсчитывали замѣнить смѣлостью въ предпріятіи; такъ, на прим., Колмогоровъ, въ 1742 г., отправилъ, съ своимъ прикащикомъ, товаровъ всего на 1700 рублей. Этѣ путешествія Русскихъ купцовъ до Яркенда и далѣе приносили большую пользу, внося въ Россію точныя свѣдѣнія о промышленности и произведеніяхъ Бухаріи, о выгодахъ сношеній съ нею, распространяя въ Русскомъ купечествѣ географическія знанія и развивая духъ торговой предпріимчивости. Конечно, все это прекратилось бы съ паденіемъ Джунгаріи, но закрытіе въѣзда каравановъ предупредило это событіе.

27 Октября, 1752 г., изъ Семипалатинска вышелъ послѣдній караванъ описываемаго времени. Въ 1751 г. начинаются въ Джунгаріи большія смуты: караваны не могутъ безопасно ходить внутри своего Государства, сами Джунгарскіе Князья начинаютъ грабить караваны, да и въ Бухаріи начинается возстаніе; вскорѣ все пространство отъ Алтая до Болора приходитъ въ движеніе, кончающееся всеобщимъ разореніемъ.

Когда вновь возникла торговля съ Джунгаріей на Иртышѣ, намъ не извѣстно. Въ Іюнѣ, 1760 г., въ крѣпость Св. Петра прибыли изъ Киргизскихъ улусовъ, вмѣстѣ съ Киргизами, 4 Кашкарскихъ Бухарца, которые промѣняли Русскимъ до 30 лошадей, до 75 лисицъ, корсаковъ и волковъ и до 20 золотниковъ серебра рупейнаго; они объявили, что въ крѣпости нѣтъ нужныхъ имъ товаровъ: кармазиннаго сукна, бархату, Нѣмецкихъ бобровъ, черныхъ лисицъ, выдръ, кубовой краски, канцелярскаго сѣмяни и пр. Директоръ Ямышевской Таможни, Бушуевъ, публиковалъ въ разныхъ городахъ Сибири приглашеніе купцамъ ѣхать въ крѣпость Св. Петра для торговли съ Бухарцами, но Бухарцы болѣе не пріѣзжали. Въ 1761 г. въ Семипалатинскую крѣпость пріѣхали 4 Бухарца города Ташкента съ небольшимъ количествомъ зенденей, выбоекъ и бязей; они вышли изъ Ташкента въ Киргизскія волости въ числѣ 30 человѣкъ, и провели въ Ордѣ 6 мѣсяцевъ, ходили, вмѣстѣ съ Киргизами, въ Китай, въ городокъ Урюмчи, и отсюда пришли въ Семипалатинскъ. Послѣ этого Бухарцы въ Семипалатинскъ не пріѣзжали.

Между тѣмъ въ 1763 г. Екатерина II посылаетъ на Иртышъ Генерала Шпрингера, которому, между прочимъ, приказываетъ построить при устьѣ Бухтармы крѣпость, и открыть тутъ торговлю съ Индіей (?).

Торговыя сношенія Алтайскихъ инородцевъ.

Русское поселеніе въ половинѣ прошлаго столѣтія едва достигало подошвы Алтая; оно примыкало къ нему только вдоль большихъ рѣкъ: Иртыша, Чарыша, Біи и Томи; перешейки между рѣками только въ 1755 г. были закрыты линіей форпостовъ

отъ устья Шульбы, гдѣ былъ заводъ Демидова, чрезъ Колывано-Воскресенскій заводъ, до рѣки Біи, на Біѣ, съ 1710 г., существовала Бикатунская крѣпость. Восточнѣе линіи не было: на Иртышѣ, южнѣе этой Линіи, стояла Усть-Каменогорская крѣпость; на Чарышѣ самыми крайними точками Русскаго разселенія были деревни Демидовскихъ крестьянъ, Харлова и Кабанья, на Біѣ Иконникова деревня, на Томи городъ Кузнецкъ и Кузедѣевскій форпостъ.

Къ югу отъ этой Линіи Алтай былъ занятъ инородцами.

Самая значительная часть инородцевъ Алтая принадлежала къ племени, извѣстному у другихъ народовъ Азіи подъ названіемъ Урянхай; по свѣдѣтельству Гельмерсена, недавно посѣтившаго озеро Косоголъ, этотъ народъ занимаетъ обширную страну отъ Алтая до озера Косогола; нѣкогда онъ составлялъ сильную Монархію Алтынъ-Хана; въ настояшее время племя это столь же многочисленно и дѣлится на три отдѣленія: 1) Сойотъ-Урянхай, 2) Алтай или Теленгитъ-Урянхай, и 3)? Отдѣленіе Теленгитъ занимаетъ средній Алтай: оно недавно посѣщено путешественникомъ Радловымъ. Сами себя они называютъ Теленгитъ, а Кузнецкіе Татары зовутъ ихъ Урянхай. Въ половинѣ прошлаго столѣтія оно дѣлилось на 12 колѣнъ, о чемъ можно заключить по числу Зайсановъ, вступившихъ, въ 1756 г., въ подданство Россіи; въ настоящее время, по извѣстіямъ, сообщеннымъ Г. Радловымъ, оно состоитъ изъ 24 колѣнъ, что составляетъ только удвоеніе предыдущаго числа. Въ Русскихъ Правительственныхъ бумагахъ прошлаго столѣтія народъ этотъ не носилъ общаго имени: одно колѣно, кочевавшее по Нарыму и рѣкѣ Аблакеткѣ, называлось Урунхайцами; тѣ же колѣна, которыя обитали въ вершинахъ Чарыша и Кана, извѣстны были подъ именемъ Канскихъ и Каракольскихъ Калмыкъ или Канъ-Карагайской землицы; позднѣе у Риттера они называются Горными Калмыками, а Русскія географіи называютъ ихъ Алтайскими Калмыками. Вообще позднѣйшіе географы ошибочно считали ихъ частью Калмыцкаго народа, и, для отличія отъ другихъ поколѣній послѣдняго, придавали Теленгитамъ какой ни будь эпитетъ собственнаго сочиненія; между тѣмъ такое смѣшеніе ихъ съ Калмыками стоитъ въ проти-

ворѣчіи съ происхожденіемъ, хранящимся въ памяти обоихъ этѣхъ народовъ.

Этотъ народъ занимался звѣроловствомъ и скотоводствомъ; звѣроловство было, однако жь, господствующимъ промысломъ; поколѣнія бродили въ слѣдъ зз дикими звѣрями; такъ, на пр., поколѣніе, управляемое Зайсаномъ Бабаемъ, лѣто проводило на Альпахъ, въ вершинахъ Бухтармы, а на зиму приходило на рѣку Аблакетку, въ слѣдъ за спускавшимися изъ Алтая козулями и маралами, которые составляли сдѣсь предметъ ихъ зимней охоты. Изъ домашнихъ животныхъ у нихъ были: лошади, коровы и овцы. Они сѣяли также хлѣбъ въ глубокихъ долинахъ, какъ, на прим., по рѣкѣ Семѣ и Нарыму, именно: пшеницу, ячмень и яровую рожь, но въ очень ограниченномъ количествѣ, а осенью, въ Августѣ мѣсяцѣ, обыкновенно разсѣявались для копанья на пищу дикихъ корней сараны и Марьинаго корня. Нравы ихъ были дики: они ѣли сырое мясо. Бухарцы и Калмыки относились къ нимъ съ отвращеніемъ. Они платили Джунгарскому Хану дань соболями: это были единственные соболи въ Джунгарскомъ Государствѣ.

Къ сѣверовостоку отъ народа Урянхаевъ или Теленгитовъ бродили не менѣе дикія Татарскія племена, не входившія въ составъ его. Это рѣзко обнаруживается изъ того, что у этѣхъ восточныхъ инородцевъ не было Зайсановъ, какъ у Урянхаевъ, а были только Старшины. По р. Наймѣ бродили Тау-Телеуты; низовья Біи занимали Командинцы; отъ нихъ вверхъ по Біѣ Кузенская, Комляжская и Кергешская волость; послѣдняя простиралась на 26 в. далѣе по берегу Телецкаго озера; по Телецкому озеру и Чулышману жили Телесцы и Саяны; по р. Лебеди Шерская волость; по р. Кондомѣ и Мрасѣ Кондомскіе и Мраскіе Татары. Всѣ они занимались звѣроловствомъ, и переходы ихъ совпадали съ переходами звѣрей: лѣто они проводили въ долинахъ, удалялись на высокія горы, какъ дѣлають это и доселѣ Алтайскія козули. Скотоводство у нихъ было ниже, чѣмъ у Урянхаевъ: у нихъ были одни только лошади; коровъ и овецъ они не имѣли; они занимались также земледѣліемъ, и воздѣлывали пшеницу, ячмень, яровую рожь, горохъ, а около Телецкаго озера даже табакъ. Но чѣмъ ближе къ вершинамъ рѣкъ, тѣмъ земледѣліе

становилось ограниченнѣе и урожаи были рѣже. У этѣхъ инородцевъ былъ, однако жь, одинъ замѣчательный промыселъ: это плавка желѣзной руды, которую они находили въ горахъ во множествѣ. Они дѣлали желѣзныя лопаты для оранья пашни, котлы, ножи, и пр., и этѣмъ даже платили дань Джунгарскому Хану.

Въ Архивѣ Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ сохранились слѣдующія извѣстія о внутренней торговлѣ въ Алтаѣ. Уранхайцы Саянской волости, спускавшіеся лѣтомъ съ Чулышмана на Катунь, сходились сдѣсь съ Канскими и Каракольскими Калмыками, спускавшимися съ Канъ-Карагая, и обмѣнивали хлѣбъ, табакъ, сѣру горючую, селитру и желѣзо, а у Каракольцевъ брали соболей, лисицъ, лосинныя кожи и другую мягкую рухлядь.

Изъ Канъ-Карагая существовала торговая дорога въ Кузнецкъ; эта дорога пересѣкала р. Катунь при устьѣ Наймы, а Бію при ея выходѣ изъ озера. По этой дорогѣ Канъ-Каракольцы привозили Бійскимъ и Кузнецкимъ Татарамъ свои произведенія; такъ, въ 1745 г. въ Кумандинскую и Кондомско-Итиберскую волость пришли 24 Канскихъ Калмыка, которые привезли соболей, волковъ, лосины, шубы, войлоки, и пригнали 100 лошадей; не дойдя до Кузнецка, они успѣли исторговаться, промѣнявъ свои товары на козлины (т. е., шкуры козуль), котлы и желѣзныя абылы (земледѣльческія лопаты); въ то же время пришло въ Камляжскую волость 10 Канскихъ Калмыковъ.

По всей Русской границѣ происходила торговля съ Русскими хлѣбомъ; на востокѣ, впрочемъ, въ Русскихъ деревняхъ покупали только Татары однихъ крайнихъ волостей: на Біѣ Командинской, на Томи Борсояцкой; въ слѣдующія за тѣмъ волости Русскій хлѣбъ не ввозился.

На западѣ Канскіе Калмыки спускались къ Бійской крѣпости и къ Колывано-Воскресенскому заводу. До 1745 г., до закрытія границы отъ въѣзда Бухарцевъ, въ Колывано-Воскресенскомъ заводѣ существовала порядочная торговля съ ними. Въ 1749 г. Колывано-Воскресенская Контора доносила, что пріѣзды

торговцевъ подъ заводъ были часты. Кромѣ Колывани Канскіе Калмыки посѣщали Бикатунскую крѣпость, Бехтемирскую и Кабанью деревни, Чагырскій и Гальцовскій рудники. Они привозили сюда овчины, овечью шерсть, мерлушки, маралины, соболей, лисицъ, волковъ, а также пригоняли скотъ. Проживавшій въ Колыванѣ купецъ Густокашинъ промѣнивалъ имъ иглы, карты, гребни, мишуру, ленты, зеркала и нитки; кромѣ того они сдѣсь покупали муку, соль, топоры и ножики.

Уранхайцы, зимовавшіе по рѣкѣ Аблакеткѣ, привозили въ Усть-Каменогорскъ предметы своей охоты; такъ, въ 1745 г., въ Февралѣ и Мартѣ, пріѣзжало въ Усть-Каменогорскъ съ маральими и другими кожами 22 челов.; въ 1756 г., съ Генваря до Марта, 200 Уранхайцевъ.

Иногда на сѣверной сторонѣ Алтая показывались и Бухарцы, свѣдѣтельствовавшіе о торговыхъ связяхъ внутренняго Алтая съ Малой Бухаріей. Бухарцы выходили сюда изъ Большой Урги; въ Русскія жила они приходили изъ Канъ-Карагая; въ Канъ-Карагай они шли чрезъ р. Имель, Иртышъ, который переходили въ вершинахъ, наконецъ чрезъ р. Чую и Курлукъ. Этотъ путь они совершали не менѣе, какъ въ 5, или 6, мѣсяцевъ: Бухарецъ Салтонъ, прибывшій въ Колыванскій заводъ въ Декабрѣ 1847 г., объявилъ, что вышелъ изъ Урги въ 37 человѣкахъ назадъ тому 5 мѣсяцевъ, и что товарищи его остались на р. Чуѣ; 8 Іюля 1752 г. изъ Канской волости прибылъ въ Чакырскій рудникъ караванъ изъ 34 Бухарцевъ, при Сотникѣ Урусѣ Дашевѣ; они вышли изъ Урги въ бѣломъ мѣсяцѣ, т. е., въ Генварѣ; слѣдовательно, въ дорогѣ были 5 мѣсяцевъ; въ Октябрѣ 1752 года въ Усть-Каменогорскую крѣпость вышли 37 Бухарцевъ, при Старшинѣ Абдыкаримѣ Дуряковѣ; изъ Урги вышли назадъ тому 6 мѣсяцовъ; чрезъ Иртышъ перешли въ вершинахъ и въ Усть-Каменогорскую кр. вышли изъ горъ по Русской сторонѣ Иртыша. Всего чрезъ Алтай пришло Бухарцевъ: въ 1745 г. 15 челов., въ 1747—1, въ 1752—80 челов. Всѣ они выходили изъ Урги съ иркетчиной, но на дорогѣ промѣнивали ее на скотъ, и въ Рускія пограничныя селенія выходили по большей части съ лошадьми, коровами и овцами.

Въ 1745 г. торговля съ Алтайскими инородцами, какъ и по всей Южно-Сибирской границѣ, была запрещена: Уранхайцевъ, выѣзжавшихъ съ нѣсколькими караванами въ Бикатунскую крѣпость, приглашали или ѣхать съ ними въ Семипалатинскъ, или удалиться въ свои улусы. Въ 1750 г. драгунъ Давыдовъ, по возвращеніи изъ Алтая по казенному порученію, доносилъ, что онъ чуть не сталъ жертвою неудовольствія Алтайцевъ на эту мѣру: Алтайцы нѣсколько разъ нападали на него среди степи, грозили зарѣзать, и однажды два человѣка, поймавъ его за волосы, таскали на лошадяхъ по степи, приговаривая, «что онъ ѣздитъ къ нимъ яко бы для обману, а товаровъ ни какихъ не привозитъ.» Зайсаны заявили ему также просьбу объ учрежденіи для нихъ торжка при горахъ Кеспы, въ 30 верстахъ отъ Бикатунской крѣпости, между Біей и Катунью, куда бы можно было пріѣзжать «съ быками, коровами и овцами,» по тому что въ Семипалатинскъ ѣздить чрезъ высокія горы трудно. Въ Усть-Каменогорской крѣпости, въ 1756 г., также возникъ вопросъ объ учрежденіи особаго торга; отъ Ямышевской Таможни былъ посланъ Выборный Сарахановъ убѣдиться въ необходимости открытія тамъ особаго торга; Сарахановъ донесъ, что Усть-Каменогорская крѣпость не имѣетъ условій для развитія торговли, «распространеніе торгу не полезное и не надежное.» По его донесенію сюда пріѣзжали Уранхайцы, вымѣнивавшіе сдѣсь ковры, серебро, мягкую рухлядь, частью жемчугъ, на хлѣбъ и скотъ; [52] но при торговлѣ съ ними, какъ съ вступившими уже тогда въ подданство, пошлины брать не слѣдуетъ, кромѣ конскихъ. Такимъ образомъ вступленіе Телеигитовъ въ подданство Россіи снова открыло сдѣсь пограничную торговлю. Не такъ было на Иртышской и Ишимской Линіи.

Торговля у Киргизъ.

Киргизы въ прошломъ столѣтіи занимали своими кочевьями обширную страну отъ Оренбурга до Семипалатинской крѣпости; самыя восточныя ихъ кочевья лежали по р. Чаръ-Гурбану. Они

[52] Въ 1756 г. Уранхайцы, вѣроятно, уже сильно пострадали отъ смутъ, по чему и покупали въ Усть-Каменогорскѣ скотъ, тогда какъ прежде сами его продавали.

дѣлились, какъ и нынѣ, на три Орды: Большую, Среднюю и Малую. Изъ нихъ только поколѣнія Средней Орды, управляемыя Султанами, Аблаемъ и Баракомъ, примыкали къ Сибирской украйнѣ. Около 1750 г. Баракъ умеръ, а Аблай подчинилъ своему управленію весь сѣверъ степи. Но это единство власти было болѣе внѣшнее; всякая власть сдѣсь была слаба: какъ власть Ханская, такъ и власть Батырей надъ своими поколѣніями. И Батыри, и Ханъ, не рѣдко въ своихъ письмахъ къ Русскимъ пограничнымъ начальникамъ жаловались на непокорность своихъ подданныхъ. Когда Русское Начальство обращалось къ нимъ съ жалобами на воровство Киргизъ, Батыри совѣтовали Русскимъ Командирамъ самимъ ловить воровъ. Требованіе Русскаго Начальства возвритить плѣнныхъ Теленгутовъ Аблай могъ исполнить только въ улусахъ, кочевавшихъ вмѣстѣ съ нимъ; болѣе отдаленные улусы Уваковъ и Кипчаковъ не слушались его, и Аблай просилъ Русскаго Генерала въ Омскѣ захватить изъ тѣхъ улусовъ, когда они прикочуютъ къ Иртышу на зимовку, 5, 6 лучшихъ людей и не освобождать, пока не представятъ плѣнныхъ Теленгутовъ, «чтобъ и тебя боялись, и меня знали,» прибавлялъ въ своемъ письмѣ Аблай. Старанія Аблая ввести въ степь общекиргизскую политику постоянно терпѣли неудачи. Если Аблай думалъ изъ общенародныхъ расчетовъ покровительствовать какимъ ни будь дружелюбнимъ сношеніямъ съ сосѣдями, то независимый образъ мыслей какого ни будь могущественнаго Батыря прерывалъ ихъ. Неудачи Аблая на этомъ поприщѣ бывали иногда забавны: когда Китайцы завоевали Джунгарію, Аблай понялъ, что съ этѣмъ могущесувеннымъ сосѣдомъ нужно вступить въ дружественныя сношенія, принялъ подданство, и, когда въ его улусы пріѣхали Послы изъ Китая, то старался всячески показать покорность Китайскому Императору, какъ свою, такъ и своего народа; между тѣмъ какой-то Лаволасъ Киргизъ, безразличный къ народнымъ выгодамъ, завелъ непозволительное знакомство съ любимицей Китайскаго Посла и укралъ ее; а когда обиженный иностранецъ хотѣлъ силою возвратить свою жену, Киргизъ подрался съ нимъ и отшибъ ему носъ. Это событіе угрожало въ началѣ разрывомъ мирныхъ отношеній Китайцевъ съ Аблаемъ. Конечно, такое состояніе Орды не могло благопріятствовать торговлѣ, и Киргизская степь служила болѣе препятствіемъ къ развитію мир-

ныхъ международныхъ сношеній, чѣмъ мостомъ для всемірной торговли.

Очеркъ торговли у Киргизъ можно раздѣлить на два періода: 1, до паденія Джунгаріи, т. е., до 1756 г., и 2, послѣ 1756 года.

До паденія Джунгаріи. Крайніе восточные улусы Киргизовъ до 1756 г. кочевали по рѣкѣ Чаръ-Гурбану, а крайніе улусы Калмыковъ находились по рѣкамъ Кара-Бугѣ и Базару. Сдѣсь, въ мирное время, происходила постоянная торговля; разстояніе между улусами было на три дня ѣзды, и Киргизы и Калмыки «повседневно съѣзжались для торгу;» Киргизы промѣнивали здѣсь лисицъ и корсаковъ на иркетчину, верблюдовъ и хлѣбъ. Иногда Калмыки и сами возили хлѣбъ въ Киргизскіе улусы, а равно и Киргизы ѣздили сами для покупки верблюдовъ внутрь Джунгаріи. Спокойное время, предшествовавшее Джунгарскому перевороту, благопріятствовало отдаленнымъ торговымъ предпріятіямъ: Бухарцы, Ташкентцы и Калмыки углубляются въ степь до улусовъ Аблая, до горъ Кокчатау; въ Киргизскіе улусы ходятъ караваны изъ Ташкента; караваны изъ Малой Бухаріи также рѣшаются прорѣзывать степь и направляются въ Оренбургъ и Троицкъ чрезъ улусы Аблая. Въ 1747 г. въ Оренбургъ приходилъ караванъ, подъ управленіемъ Старшины Сарыпова, въ числѣ 31 челов.: изъ Урги караванъ отправился въ Маѣ 1747 г. и дошелъ до улуса Аблая при Копчинскомъ озерѣ въ три мѣсяца, отсюда до Бакланской крѣпости въ двѣ недѣли, и отъ Бакланской крѣпости до Оренбурга въ два мѣсяца. 1 Октября караванъ отправился изъ Оренбурга обратно. Въ 1749 г. въ Ямышевъ выѣхали два Бухарца изъ каравана, идущаго чрезъ Киргизскія волости въ Оренбургъ, въ числѣ 70 человѣкъ при 80 верблюдахъ.

Восточные улусы Киргизовъ достаточно снабжались хлѣбомъ изъ Джунгаріи, но чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ недостатокъ въ хлѣбѣ былъ сильнѣе, по тому что съ Русскими прежде не было торговли ни на Ишимѣ, ни на Иртышѣ. По тому потребность завести торговыя сношенія съ Русскими была настоятельна; драгунъ Доновъ, бывшій въ 1747 г. въ западныхъ улусахъ на Ишимѣ, доносилъ, что Киргизы ни на что такъ не «жадны,» какъ

на муку: «аржаную, или пшеничную, за одно считаютъ,» а «о сукнахъ только просятъ: какихъ хотятъ лучшихъ лошадей выбирай, и смотрѣть приводятъ иноходцевъ и парами, коней же великихъ и хорошихъ.» Киргизы, пріѣхавшіе въ Иртышскія крѣпости, спрашивали ножей, удилъ и топоровъ. Потребность въ хлѣбѣ, сукнѣ и желѣзѣ заставила Аблая, въ 1745 г., хлопотать объ открытіи торговли въ Ямышевской крѣпости: сначала ему было отказано, подъ предлогомъ, что въ крѣпостяхъ продажнаго хлѣба нѣтъ. Однако жь нужда въ лошадяхъ для драгунскихъ полковъ, часто умиравшихъ отъ Сибирской язвы, и въ быкахъ для только что заведенной пашни, была такъ велика, что принудила само же пограничное Начальство хлопотать объ открытіи торга въ какой ни будь Иртышской крѣпости. Въ томъ же 1745 г. Генералъ Киндерманъ разрѣшилъ торговлю въ Семипалатинской и Ямышевской крѣпостяхъ, только предписывая принимать нѣкоторыя предосторожности во время пріѣзда Киргизовъ. Съ этого времени Киргизы стали часто пріѣзжать въ Ямышевъ, гдѣ, вѣроятно, было довольно и товаровъ и хлѣба; въ Семипалатинской крѣпости, впрочемъ, торговля съ Киргизами осталась незначительною. Киргизы пріѣзжали въ Ямышевъ обыкновенно въ зимнее время, съ Октября до Марта, когда зимнія ихъ кочевья прилегали къ Иртышу, и привозили овчины, тулупы, лисицъ, корсаковъ, сайгачьи кожи, и пригоняли лошадей, быковъ и барановъ. Въ зиму 1747—1748 г. въ Ямышевскую крѣпость пріѣзжало 590 Киргизъ, которые, кромѣ исчисленныхъ выше товаровъ, пригнали 142 лошади; въ зиму 1748—1749 г. 259 Киргизъ, которые привезли 112 лисицъ и корсаковъ, 402 овчины, 11 волковъ, 49 войлоковъ, и пригнали 187 лошадей, 37 быковъ и 114 барановъ; въ зиму 1750 г. пріѣзжало 150 Киргизъ.

После паденія Джунгаріи. Съ 1752 г. прекращается Русская торговля, какъ съ Джунгаріей, такъ и съ Киргизами. Въ Джунгарію вступаютъ Китайскія войска, опустошающія ее отъ Алтая до Малой Бухаріи; они проникаютъ до Телецкаго озера, до Усть-Каменогорской крѣпости и даже показываются у Семипалатинска. Киргизы, пользуясь разореніемъ Калмыковъ, дѣлаютъ смѣлые набѣги, которые простираются до озера Зайсана, до рѣки Біи въ Алтаѣ, до горъ Барлукъ въ Джунгаріи и до

Ханъ-Тенгри въ Небесномъ хребтѣ. Въ 1759 г. Джунгарія была уже пуста; нѣкоторые Киргизскіе улусы заняли ее и стали сосѣдями Китайцевъ; Китайцы, которые и прежде снабжали свои войска лошадьми изъ Киргизскихъ и Джунгарскихъ степей, привлекли Киргизъ къ мѣнѣ лошадей на товары, и такимъ образомъ прежняя торговля на Востокѣ возникла снова, только Джунгаровъ замѣнили Китайцы.

Въ 1758 г. Киргизы въ первый разъ поѣхали, въ числѣ 100 человѣкъ, для продажи лошадей въ Китайское войско на оз. Баркуль. Въ 1760 г. Киргизы ѣздили въ Октябрѣ, въ числѣ 1000 человѣкъ, въ городъ Урюмчи, и должны были вернуться не раньше, какъ весной на другой годъ; той же осени 100 Киргизъ ходило въ Китайскій городокъ Кумакъ-Алтакъ; городокъ находился за р. Илей въ 1 верстѣ, и Киргизы должны были переправляться черезъ Илю. Киргизы водили въ Китай только однихъ лошадей, а вымѣнивали на нихъ много голей, серебра и плѣнныхъ.

Во время Джунгарскихъ безпокойствъ въ Русскихъ крѣпостяхъ торговля почти прекратилась. Таможенные доходы въ Ямышевѣ такъ уменьшились, что, въ видахъ увеличенія, Директоръ Ямышевской Таможни рѣшился нарушить существовавшее съ 1745 г. запрещеніе выѣзда Русскихъ купцовъ за границу. Въ 1758 г. Тарскіе Бухарцы, жившіе въ Ямышевѣ Аширъ-Тюлюхъ-Маметевъ и Мулла Байзицъ, получили раздѣшеніе выѣхать изъ Ямышева въ Киргизскіе улусы, для пріохочиванія Киргизовъ къ торговлѣ. Опытъ этотъ удался, но въ дѣлахъ Архива Правленія Области Сибирскихъ Киргизовъ не найдено цифръ о Ямышевской торговлѣ.

Одновременно съ открытіемъ торговли въ Ямышевѣ, открывается торгъ и въ крѣпости Св. Петра на Ишимѣ. Первый пріѣздъ Киргизъ упоминается еще до основанія крѣпости, въ 1750 г. [53] Въ 1757 г. въ крѣпости Прѣсную и Кабанью и окрестные редуты пріѣзжали Киргизы съ солью почти повседневно; но имъ всѣмъ

---

[53] Въ Декабрѣ 1750 г. Киргизы пріѣхали къ урочищу Красный Яръ, на р. Микулиху, въ 80 верстахъ вверхъ по Ишиму отъ Каркиной слободы.

отказывали въ торговлѣ, и предлагали ѣхать въ Ямышевъ, или Семипалатинскъ, гдѣ исключительно былъ открытъ для нихъ торгъ. Въ 1759 г. Аблай-Салтанъ просилъ открыть въ кр. Св. Петра сатовку яшной крупы, пшеничной муки и пшеничной крупы, для чего Киргизы будутъ приходить съ коровами и овчинами; о томъ же настойчиво просили Батыри Кулары и Куляки. По представленію о томъ Сибирскаго Губернатора, Соймонова, въ 1759 г., въ кр. Св. Петра была учреждена сатовка въ зимнихъ мѣсяцахъ. Впрочемъ, начало этой торговлѣ положилъ годомъ раньше Тарскій юртовскій Бухаретинъ, Алимъ Шиховъ, который ѣздилъ въ 1758 году изъ кр. Св. Петра отчасти съ политическимъ порученіемъ, а также возилъ туда и товары. Онъ выгналъ изъ степи 146 лошадей, 65 рогатыхъ скотинъ и 198 барановъ; кромѣ того вывезъ 509 лисицъ, 479 корсаковъ, 77 волковъ и 10 овчинъ; всего на 1084 р. Товаровъ же продано имъ въ Ордѣ: Русскихъ на 238 р., Азіятскихъ и Нѣмецкихъ на 1403 р., всего на 1641 р.

Съ 1759 г. и сами Киргизы начинаютъ пріѣзжать въ кр. Св. Петра; для торговли съ ними сюда пріѣхало нѣсколько домовъ Тюменскихъ купцовъ и Тарскихъ Бухарцевъ. Вотъ количество скота и товаровъ, какъ привезенныхъ въ крѣпость самими Киргизами, такъ и Алимомъ Шиховымъ, не перестававшимъ ѣздить въ Орду, или посылать прикащиковъ:

	въ 1758	1759	1760	1761 г.
Лошадей	208	11	97	301
Рогатаго скота	65	»	91	137
Овецъ и козловъ	195	»	45	191
Лисицъ	509	22	75	255
Корсаковъ	479	5	»	79
Овчинъ	10	66	58	141
Волковъ	77	1	»	54
Мерлушекъ	»	28	54	20
Кошемъ	»	8	10	33
Медвѣдинъ	»	»	»	6
Коньскихъ и коровьихъ кожъ	»	»	»	344

	1758	1759	1760	1761
Армячины или армяковъ	»	»	12 арш.	4 штуки.
Серебра рупейнаго. . . .	5 ф. 17 руп. 20 зол. или 63¾ золотн.			2 ф. 20 зол.
Червонцевъ. . . .	»	»	»	2

Вывезено было изъ крѣпости Св. Петра:

Шелковыхъ товаровъ:	1758	1760	1761
Голей красныхъ и зеленыхъ	25 постав. и 6 полов.	11 постав.	5 пост. 2 кос. и 112 арш.
Голей двоеличныхъ.	»	5 арш.	18 кон. и 23 арш.
Атласу чернаго.	»	»	9 арш.
Канфы черной	1 кус. и	3½ куска	2 кос. 45 арш.
Усъ красный.	1 штук.	»	»
Бархату краснаго	1 кусокъ	»	20 арш.
Китайскаго чернаго	4 к.	3 куск.	29 куск.
разбивнаго	45 арш.	»	145 арш.
лудану	»	»	32 арш.
Шелку Персидскаго.	1 ф.	»	»
Китайскаго.	1 гинъ	3 мот. ½ ф. и 2 гиня	
Нѣмецкаго.	»	»	5 фун.

Бумажныхъ товаровъ:

	1758	1760	1761
Китайки разпой.	»	»	»
бѣлой лощеной	»	»	8 кон.
одноконечной	99 к.	205 конц.	10 тюн. и 976 кон.
Ламской	»	36 тюней	»
торговой.	»	12 тюн.	133 тюн.
Кумачу краснаго.	»	9 конц.	1 кон.
Пестряди полосатой Нижегородской.	300 арш.	310 арш.	95 арш.
Жижиму Московскаго съ нитью.	»	»	532 арш.
Крашенины.	700 арш.	520 ар. 9 конц. и 37 арш.	

	1758	1760	1761
Чеканской...........	»	800 арш.	»
Грезету нитнаго........	»	»	75 арш.
Соломенка............	1	»	»
Полуколоменки Московской............	»	»	149 арш.
Нѣмецкой...............	»	»	40 арш.
Кежу синяго полосатаго.	»	450 арш.	100 арш.
Дабъ зеленыхъ........	4	»	»
Бѣлыхъ...............	»	3 конц.	105 конц.
Бязей разныхъ.........	392	»	100
Чалдаровъ.............	34	»	50
Хамовъ...............	21	»	100
Кушаковъ Персидскихъ Нитныхъ..............	3	»	21

Холщевыхъ товаровъ:

Холста ровнаго........	500 арш.	2,150 арш.	95 арш.
Хрящу...............	»	700 арш.	40 арш.

Шерстяныхъ товаровъ:

Сукна разныхъ цвѣтовъ.	13 пол.	10 пол.	1 пол. и 302 арш.
Сермяжнаго...........	»	80 арш.	»
Полуколоменки шерстяной съ нитью.....	»	»	168 арш.
Ковровъ Каменскихъ....	1	»	2
Турапу (?) Татарскаго...	»	30 арш.	»

Опоясокъ шерстяныхъ:

Слобоцкихъ и полуяицкихъ............	»	11	75
Азямовъ, сшитыхъ изъ армяжнаго сукна..	»	16	»
Стараго платья, кафтановъ и епанечь....	1	15	13

Мягкой рухляди:

	1758	1760	1861
Лисицъ сиводушныхъ...	29	15	14
Выдръ................	18	32	17
Бобровъ..............	»	»	1

Кожевенныхъ товаровъ:

Кожъ юфтовыхъ красныхъ	46	55	69
Кожъ красныхъ кониныхъ, яловыхъ и телячьихъ	»	»	340
Козловъ черныхъ......	»	»	10

Металлическихъ издѣлій:

Чугунныхъ котловъ....	»	»	11
Варгановъ желѣзныхъ...	»	90	»
Перстней мѣдныхъ со вставками.............	»	30	»
Юпраковъ оловянныхъ...	700	»	»
Шелеховъ мѣдныхъ Польскихъ............	»	300	»
Иголъ Нѣмецкихъ......	1,000	»	»
Китайскихъ...........	2,400	»	»

Деревянныхъ подѣлокъ:

Телѣгъ и одноколокъ....	»	43	23
Ложекъ деревянныхъ....	»	200	»

Съѣстныхъ припасовъ:

Муки ржаной...........	»	92 пуд. 16 чет. и	144 пуд.
Крупъ яшныхъ..........	»	2 пуд. 25 фун.	2 пуд.
Чаю кирпичнаго и байховаго.............	5 кирп.	»	15 бах.

Разной мелочи:

	1758	1769	1761
Квасцовъ................	2 пуд. 18 ф.	9½ фунт.	8 ф.
Купоросу................	10 ф.	»	»
Турскаго................	»	¼ ф.	»
Чернильнаго.............	30 ф.	»	»
Румянъ..................	34 круга	»	»
Бисеру..................	20 ф.	2 ф.	»
Маржану.................	11 ф.	6½ ф.	1¼ ф.
Корольковъ Нѣмецкихъ синихъ...............	3000	2 нитки	»
Зеркалъ въ кожѣ.........	»	»	1 дюж.
въ деревѣ............	»	»	10 шт.
Чашекъ Китайскихъ.......	»	17	»
Гребней.................	70	»	»
Кремней.................	»	500	»
Беркутъ.................	»	»	1

Г. Потанинъ.

